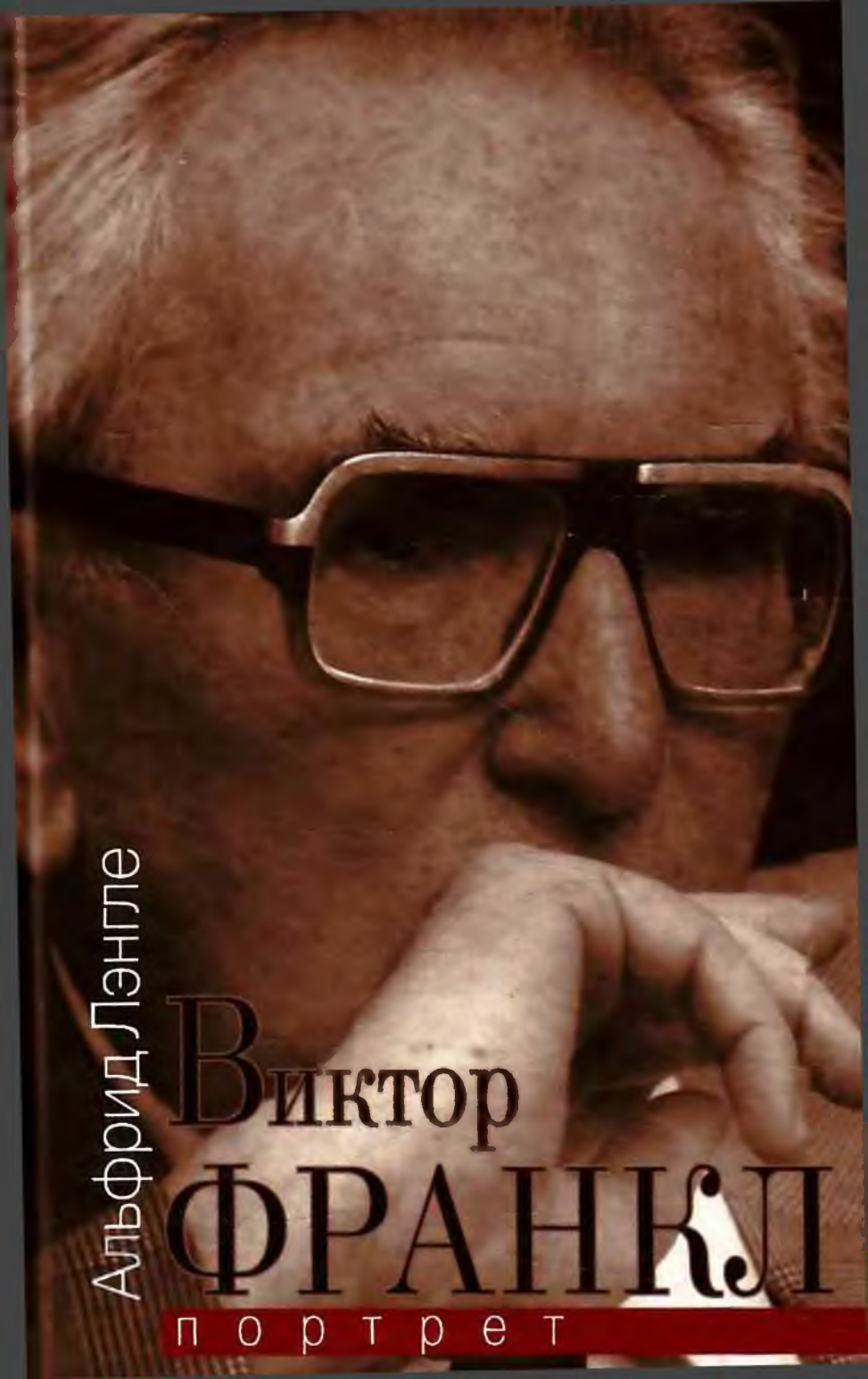

Альфريد Лэнгле

Виктор
ФРАНКЛ

п о р т р е т

Alfried Längle

Viktor
FRANKL

Ein Porträt

Piper Verlag GmbH,
München
1998

Альфريد Лэнгле

Виктор
ФРАНКЛ
портрет

Москва
РОССПЭН
2011

Лэнгле А.

- Л92 Виктор Франкл. Портрет / под науч. ред. В. К. Загвоздкина ; [пер. с нем. Я. А. Дюковой, А. К. Судакова, В. К. Загвоздкина]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Институт экзистенциально-аналитической психологии и психотерапии, 2011. — 247 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-1497-7

Виктор Э. Франкл (1905–1997) — выдающийся австрийский психолог, психотерапевт, основатель экзистенциального анализа и логотерапии, — философии жизни и формы психотерапевтической работы, centered на поиске и нахождении смысла. Логотерапия считается «третьим венским направлением психотерапии» после психоанализа (Зигмунд Фрейд) и индивидуальной психологии (Альфред Адлер). Будучи узником концлагеря, Франкл стал свидетелем величайшей человеческой трагедии, потерял всех своих близких. После 1945 г. он получил всемирное признание как пример противостояния человеческой несправедливости. Книга Франкла о его опыте в концентрационном лагере является мировым бестселлером с миллионными тиражами. Благодаря неутомимой интернациональной лекционной и писательской деятельности Франкла его идеи получили мировое признание.

Автор книги А. Лэнгле в течение ряда лет являлся сотрудником, близким другом и учеником Франкла. Он описывает его яркую жизнь и неординарную личность. В завершающих главах дается краткий очерк логотерапии, состояние и перспективы дальнейшего развития учения Франкла.

УДК 159.9.019
ББК 88.52(4Абс)

ISBN 978-5-8243-1497-7

- © НП «Институт экзистенциально-аналитической психологии и психотерапии, 2011
- © Издание на русском языке, оформление. Российская политическая энциклопедия, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Казалось бы, есть своя закономерность и логика в том, что я создаю книгу о Викторе Франкле. В то же время, решение писать о нем не было для меня само собой разумеющимся. Конечно, книга — естественное продолжение нашего тесного сотрудничества. Но поначалу я ничего подобного не планировал. Написав в сентябре 1997 г. некролог на его смерть, я полагал, что наши отношения, которые включали и многолетнюю дружбу, и последующий разрыв, могут теперь завершиться.

Вскоре мне позвонил д-р Клаус Штадлер из издательства Пипера и сказал, что они хотели бы опубликовать работу о личности и наследии Виктора Франкла. Это было желательно для немецкого читателя.

Потребность рассказать об этом человеке назрела давно. В 1984 г. испанец Гийермо Пареха выпустил книгу о нем, но она существует только на родном языке автора. Франкл тоже написал автобиографию. При этом до сих пор не осмыслен его жизненный путь, нет рассказа о его личности в контексте его деятельности. По мере того как книги Франкла становятся все более популярными, многим хочется побольше узнать об этом человеке — особенно теперь, когда у нас уже нет возможности встретиться с ним.

После выхода Франкла из венского Общества логотерапии и экзистенциального анализа (GLE), в последние шесть лет его жизни мы с ним практически не общались, хотя до этого, с 1982 по 1991 г., активно сотрудничали и крепко дружили. Мы разговаривали или виделись почти ежедневно. По словам Франкла, я был его правой рукой. Мне самому в результате чтения его книг и посещения лекций он к тому времени был уже очень близок. В 1991 г. он прекратил наше сотрудничество, потому что не был согласен с направлением, которое мы развивали. Франкл оставил пост почетного председателя общества, чтобы новое направление не связывали с его именем. Мы еще поговорим об этом ниже (с. 230 и далее).

Этот внезапный разрыв привел к тому, что у меня пропало желание заниматься его личностью. Хотя со временем боль утихла, чувства успокоились, разочарование оставалось острым. Между тем, хорошо зная Франкла, я могу понять его поступок. Мои чувства были вызваны и утратой (я потерял в лице Франкла надежного друга и благосклонного

собеседника), и самым способом его ухода. Кроме того я спрашивал себя, а понравилось бы Франклу моя идея написать о нем книгу? Не был ли я связан с ним слишком близкими отношениями, чтобы найти верную дистанцию? Или все-таки за шесть лет необщения мы стали достаточно чужими друг другу, чтобы я мог рассказать о нем? Успокоились ли мои чувства настолько, чтобы не подвести меня?

Более десяти лет назад Франкл доверил мне (единственному, насколько я знаю) рукопись, которую можно использовать после его смерти. На первых страницах говорится, что на основании содержащихся в ней данных должна быть написана его биография. Виктор не пытался ее вернуть, и это наводит на размышления. Хотя он сам рассказал многое в своей автобиографии в 1995 г., я по-прежнему вижу в его жесте акт доверия и воспринимаю его как принципиальное согласие. Приступив к работе, я все больше чувствовал, что это входило и в его планы. Мне вспомнилось (наверное, уместно сказать здесь об этом), как часто на протяжении нашего многолетнего сотрудничества он говорил, что ни один логотерапевт не понимает его так же хорошо, как я. Он повторял это не раз, имея в виду не только личное общение: и в публикациях я излагал его учение именно так, как сделал бы он сам.

Одним словом, я согласился попробовать. И вскоре обнаружил, что за те несколько лет, что мы не общались, я приобрел выдержанность и осмотрительность, которые определенно пойдут на пользу рассказу. Обретя такую опору и на волне оживших воспоминаний, я решился писать его биографию. Для меня открылась возможность вновь заняться личностью Виктора Франкла и завершить наши отношения, разрушенные когда-то. Я испытывал потребность отдать должное нашей многолетней дружбе, вставить ее в достойную оправу. Процесс написания книги вдохнул жизнь в наше общее прошлое. Пришли воспоминания, ожили добрые чувства. Все это во многом сослужило службу и мне самому. Кроме того, такая интенсивная, многомесячная занятость личностью Франкла, его жизнью и мыслями явилась данью благодарности моему главному учителю. Я желаю читателям, чтобы и они смогли черпать вдохновение в волнующей биографии Виктора Франкла.

Я благодарю всех, кто помогал мне в работе. Жену Сильвию — за многочисленные беседы и поддержку в процессе создания рукописи (писатели по природе своей народ непоседливый, а когда они дома, с ними не всегда легко). Коллег Лило Туч и Кристиана Пробста — за внимательное прочтение. Моего друга Петера Михаэля Браунварта — за исторические сведения и критические замечания. Д-ра Этти Мандл — за экскурс в историю иудаизма и еврейскую Вену. Магистра Карин Штайнерт — за неутомимую расшифровку моих каракуль и набор текста.

Благодарю также Цисану Шамликашвили и Марину Хазанову, оказавших финансовую поддержку перевода книги на русский язык.

*Альфريد Лэнгле
Вена, апрель 1998 г.*

ВВЕДЕНИЕ

Книга рассказывает о человеке, свидетеле истории, враче и ученом Викторе Франкле. Это отчет о жизни счастливой и полной чувства защищенности, но в то же время изборожденной глубокими шрамами от страданий, напряженности и конфликтов. Следуя за событиями его жизни, мы получаем возможность оценить Франкла с самых разных сторон; становится понятной связь между его личностью и деятельностью, проясняются его мотивы и ценности. Это важно, потому что его популярность, даже мировая слава — в первую очередь результат человеческих качеств, индивидуальных особенностей Франкла. Закономерно, что именно Виктор Франкл, чудом избежавший смерти в концлагере и потерявший всех своих близких, стал подлинным провозвестником нового психотерапевтического направления. Создание «психотерапии с человеческим лицом»¹, направления, основанного прежде всего на поисках смысла жизни при оказании помощи в страдании и отчаянии, стало делом его жизни.

Эта книга не биография в строгом смысле слова. Для создания таковой понадобились бы еще более тщательные исследования и сбор исчерпывающей информации о его жизни. Работа также не ставит своей целью проследить влияние, которое оказали на деятельность Франкла те или иные ученые, или, напротив, выявить историческое значение его труда для психотерапии отдельных стран. Не много говорится здесь и о духовных или иных источниках, так или иначе повлиявших на него. Это глубоко личное повествование. Оно основано на нашем многолетнем сотрудничестве и дружбе, и свидетельствует о духе, жизни, деятельности и личности Виктора Франкла.

Следуя его желанию, мы стараемся быть справедливыми, не создавая образ гуру и не идеализируя его. Ведь больше всего Франкл ценил «мужество прямо критиковать» его, как он сам сказал в интервью 1988 г.

¹ Так логотерапевт Элизабет Лукас назвала учение Франкла в своем выступлении на Всемирном конгрессе по психотерапии в 1994 г.

Кроме того, он известен как человек, который особенно стремился быть правдивым.

Следовать за событиями его жизни и деятельности интересно во многих отношениях. Франкл прожил почти столетие, и поэтому его жизнь — свидетельство истории XX в. Ее описание позволяет нам и чисто по-человечески, и с точки зрения психологии взглянуть на ту волнующую эпоху. Книга знакомит нас с человеком, который исцелял раны, нанесенные жизнью, в духе ценностей европейского гуманизма.

История психотерапии тесно переплетена с историей самого Виктора Франкла, свидетеля и участника ее становления. Он посвятил свою жизнь научной дисциплине, которая расцвела в XX столетии, оказав разностороннее влияние на историю, искусство, культуру, а также на формирование идентичности современного человека.

Особое внимание уделено процессу создания Виктором Франклом на основании как его личного опыта, так и медицинской деятельности особого направления, которое с самых разных позиций противостояло и противостоит традиционным представлениям о психотерапии. Книга отвечает на вопрос, почему для Франкла важно дополнение к традиционной психотерапии, особенно к тогдашней глубинной психологии, понимаемое им как гуманистическая поправка. Он предвосхитил многое из того, что в других направлениях глубинной психотерапии (зачастую независимо от него) распространилось и было признано только во второй половине XX в.

Франкл в век утраты традиций заботился о своих религиозных чувствах, искал новые формы и собственные способы для их выражения. Он стремился жить верой, исходя из неразрывной связи с Богом — отношения, которое не только запечатлелось в его жизни, но пронизало всю его деятельность. Будучи представителем еврейского народа, Франкл подвергся в период нацизма тяжелым испытаниям. Он был вынужден искать новое понимание своей национальной и религиозной принадлежности к традиционно отвергаемому меньшинству, и здесь ему тоже удалось найти свой, сугубо индивидуальный путь.

Рассказывая о личности Франкла, нельзя не сказать о его любви к шутке. Чувство юмора, меткость и точность слова, с такой очевидностью проявляющиеся в его произведениях, должны ожить и в этой книге. Здесь есть некоторые сведения о его личной жизни, семье, привычках, страстях и антипатиях, темпераменте, развлечениях, — и его страхах. Психологически личность Франкла освещается при помощи экзистенциального анализа и феноменологии. Цитаты без ссылок на источник — это выдержки из наших с ним разговоров.

В заключительных главах говорится о значении теории Франкла для психотерапии, ее состоянии на сегодняшний день и направлении развития.

Книга должна производить впечатление живой и жизненной. Может быть (хотелось бы, чтобы это было именно так), она послужит источником, вдохновляющим читателя. С этой целью теория Франкла и его жизнь представлены здесь так, чтобы можно было ощутить дух, которым пронизаны его произведения.

Я надеюсь, что эта книга станет для читателя настоящей встречей с Виктором Франклом.

Примечания

Чистая цифра в сносках (напр., 1, 19) указывает на автобиографию Франкла (1995 г.) «То, чего нет в моих книгах» [Frankl V. (1995): Was nicht in meinen Büchern steht. Lebenserinnerungen].

Сокращение MS и номер страницы (напр., MS. С. 17) указывает на более обширную рукопись (Manuskript) Франкла, являющуюся основой этой автобиографии.

Цифра с сокращением «С.» (без указания издания) представляет собой ссылку на соответствующую страницу настоящей книги.

I. БИОГРАФИЯ

Франкл говорил о своей жизни как о сплетении разнообразных нитей. Такое видение созвучно ему и выражает в нем экзистенциального философа и феноменолога, для которого важна суть вещей. Оно присутствует во всем — в его рассказах и шутках, в размышлениях и тяжелых воспоминаниях. В процессе жизни, среди своего окружения и в противоборстве с судьбой человек виден лучше, потому что его сущностные черты выступают более рельефно на изменчивом фоне событий.

Поэтому Франкл предпочитал рассказывать о себе в стиле свободного повествования. Он не придерживался строгой хронологии: пропускал большие промежутки времени, легко связывал воспоминания детства с переживаниями зрелого возраста и опытом старости. В первую очередь для него имело значение то, как думает, принимает решения, страдает, чувствует и действует человек; каким он был, как рос, развивался и какую занимал позицию.

Мы будем действовать в том же духе, не стремясь к точности и оставляя последовательность за кадром. Наша задача — показать то примечательное и характерное, что присутствует в биографии Франкла. Станем следовать за событиями и наблюдать, как они влияют на его жизнь, окружение и деятельность. Еще не раз будет пересказываться то, что Франкл сам живо и образно отобразил в автобиографическом очерке¹ и в последнем своем произведении «Чего нет в моих книгах» (1995)². Для составления данной книги использовались некоторые места из первой биографии Франкла, написанной Гийермо Парехой³ по-испански; в ней много личных воспоминаний Франкла. Некоторые биографические сведения

¹ Frankl (Франкл), 1973/1981.

² Эта книга — расширенный вариант его «Автобиографического очерка» 1973 г. Очерк был включен в книгу весь кроме одного абзаца, и представляет собой основу его расширенной автобиографии. Были добавлены также многие выразительно рассказанные личные переживания и мысли, а также многочисленные фотографии, иллюстрирующие биографию Франкла.

³ Pareja, 1984.

взяты из книги «Известные австрийцы»⁴. Особенно полезной оказалась первая рукопись его работы «Чего нет в моих книгах», которую Франкл передал мне в октябре 1985 г. для посмертного использования⁵: часть представленного в ней материала никогда прежде не публиковалась — в том числе многие идеи, изложенные Франклом начерно, в неотредактированном виде.

Эти тексты содержат достоверные сведения — впрочем, ни биографическая, ни историческая их точность не проверялась. Они дополнены информацией, почерпнутой из других источников — прежде всего из книг, выступлений и рассказов самого Франкла.

Чтобы лучше ориентироваться в событиях его жизни, в приложении на с. 242 в хронологическом порядке приведены биографические даты и важные периоды жизни Франкла.

Мать — воплощение доброты

Обе автобиографии Франкл начинается словами о матери: «Моя мать происходила из древнего пражского рода — немецкий поэт Оскар Винер (чей образ был увековечен Майринком в романе “Голлем”) приходился ей дядей. Я видел его, когда, давно ослепший, он умирал в концлагере Терезиенштадт. Вдобавок нужно сказать, что моя мать происходила из рода Раши, жившего в XII в., и кроме того — знаменитого пражского махарала, “великого рабби Лева”. Я стал двенадцатым коленом после махарала. Так говорится в родословной, ознакомиться с коей мне однажды довелось»⁶.

Франкл характеризовал мать как «добродушную» и «кроткую сердцем». Изначально в рукописи он называет ее «добросердечной» и «кроткой духом», а затем своей рукой правит эту фразу. Первый вариант — «добрая сердцем и кроткая духом» — более личный и близкий: в первой его части говорится о доброте, идущей от сердца («добросердечная»), той доброте, что воспринимается при непосредственном общении с человеком; во второй — о том, что источником веры матери был ее кроткий дух. В такой формулировке вера приписывается «духу», который все-таки духовнее, нежели проникнутое телесностью сердце, источник ее доброты и служения.

Поскольку это единственное оставленное Франклом описание матери, то возникает вопрос: отчего он внес исправление? Понял, что

⁴ Сообщено Куртом Виммером.

⁵ Дополнение к рукописи я получил от Франкла в августе 1987 г. Оно составляло четыре страницы.

⁶ Frankl, 1995. С. 1.

воспринимает мать иначе, чем спонтанно написал сначала? Если она была воплощением доброты, то доброта должна соответствовать ее сущности, быть выражением ее души; в таких случаях мы говорим «душа-человек». Может быть, ее сердце стремилось скорее к благочестию, нежели к отношениям? Или так видел ее сын — в соответствии со своей индивидуальностью? Как бы то ни было, очевидно, что Франкл чувствовал глубокую связь с матерью. Уже в преклонном возрасте он всегда говорил о ней исключительно тепло. Когда он показывал кому-нибудь портрет матери, то слегка наклонял голову и его голос смягчался. В такие минуты я всегда слышал от него только одно: «Она была сама доброта». Из наших разговоров я понял, что она была понимающей, сочувствующей и мягкой; полностью подчинялась — как тогда и было принято — авторитету мужа (он был существенно старше нее), оставаясь при этом источником тепла и покоя в семье.

С шутливым недоверием Франкл иногда говорил: ему трудно представить, что он мог унаследовать какие-то черты от матери. Потому что его глубокая эмоциональность не была заметна с первого взгляда. Действительно, в личных отношениях — я это чувствовал — он был намного сдержаннее, чем в разговорах с пациентами. Соприкосновение со страданием пробуждало в нем сочувствие. Это было совершенно в духе очень уважаемого им философа Артура Шопенгауэра и его «этики сострадания». Конечно, бывали случаи, обстоятельства и встречи, когда Франкл обнаруживал свои чувства. Но чаще он предпочитал держать их при себе. Особенно сокровенно ощущалась Франклом религиозность. На его отношении к ней лежал отпечаток такой же нежности, что и на его отношении к матери. Когда он говорил о своей личной вере (что случалось крайне редко и только в узком, интимном кругу, а чаще с глазу на глаз), его голос обретал тот же тембр, что и при рассказе о матери: признак глубокого внутреннего волнения, которое робко ищет себе укрытия в интимности. Мог бы он назвать эту свою черту так же — «кротость духа и добросердечность»?

Таково первое описание эмоциональности Франкла, и оно показывает нам его скрытое сходство с матерью. Позже, в отдельной главе мы подробно поговорим о его эмоциональности, потому что она играла большую роль в жизни Франкла, и еще большую — в его деятельности.

Хотя первая глава его автобиографии называется «Родители», он немного пишет о матери. Больше говорит о себе — о своем знатном происхождении, о рождении, которое произошло «чуть ли не в знаменитом кафе “Силиер”»⁷ (впоследствии — своего рода резиденция Альфреда Адлера) 26 марта (дата смерти Людвиг ван Бетховена). Повествует о

⁷ 1.

своем детстве, эмоциональной привязанности к семье и матери. Описание отношения к ней достигает кульминации в повествовании о страхе в предчувствии ее утраты в концлагере. После смерти отца, которого Франкл сопровождал в Терезиенштадте до конца, он взял себе за правило «целовать ее при каждой встрече и прощании, чтобы в случае, если что-то разлучит нас, быть уверенными, что мы расстались, испытывая друг к другу добрые чувства»⁸. В этих немногих словах слышна большая привязанность к матери. Она сочетается с некоторым опасением лишиться ее любви, если что-то встанет между ними.

Возможно, Франкл не был уверен в ее любви? По его собственному признанию, чувства матери к нему были постоянными, глубокими, длинными и сердечными. В жизни Франкла эта любовь являлась особенно большой ценностью. Откуда же тогда опасения? Почему почти сорокалетний мужчина, женатый и живущий вместе с женой, хотел еще большей уверенности в материнской любви, даже ее гарантии, которую поддерживал постоянной процедурой прощального поцелуя? Мы этого не знаем. Конечно, можно задаться вопросом, хватало ли ему этой любви. Не потому ли он называл мать не «добросердечной», а «добродушной»? А возможно дело не столько в ней, сколько в «упрямстве» или, скорее, в трудном характере Виктора, с детства не позволявшем ему принять материнскую любовь во всей ее полноте? Похоже, что в своем своенравии он часто держался отстраненно, создавал «излишнюю» натянутость и противопоставлял себя матери, так что ей было не очень-то легко подступить к нему, и она оказывалась беспомощной перед этой его манерой. Тогда Франкл мог переживать в отношениях с матерью именно эту дистанцию (им же самим созданную), и не чувствовать себя окруженным ее теплом и любовью. Может быть, отсюда и возникало опасение, будто что-то может незаметно встать между ними?

В это одиночество, созданное его собственной отвергающей и неприступной манерой, проникало тепло матери. Убежден, что Франкл был бесконечно благодарен ей за постоянство и рад, что тепло безусловной материнской любви сохранялось вопреки трудностям, несмотря на них. Так Франкл в раннем возрасте мог узнать ценность понятия «вопреки», впоследствии ставшим определяющим в его деятельности, которая продолжалась благодаря «упрямству духа», и в поисках смысла «несмотря ни на что».

Для Франкла это «вопреки» означало в первую очередь не войну, не конфликт, не отвержение, а сохранение защиты, жизнеобеспечения, любви. Его «вопреки» несло в себе зародыш от «и тем не менее вопреки всему, абсолютно безусловно и безоговорочно сказать жизни “да”».

⁸ Там же.

Из отношений с матерью он узнал такое «вопреки» и сберег в себе теплую, почти беспомощную, но непостижимо глубокую верность отношениям. Оно попало на его собственное, личностно обусловленное, дистанцированное и упрямое «вопреки», к которому он был предрасположен, но которое без материнской теплоты могло стать чересчур холодным, даже немилосердным. Так он пришел к знаменитому «вопреки по Франклу», как это сегодня иногда называют.

В его отношении к матери содержится и *религиозный* оттенок. Когда Франкла и Тилли ждала отправка в Освенцим, а мать Виктора должна была остаться в Терезиенштадте, при расставании с нею, предчувствуя, что они, скорее всего, видятся в последний раз (никто не знал тогда, что через неделю ее отправят в газовую камеру Освенцима), он попросил ее благословения, которое она незамедлительно дала. Он часто думал в лагере о матери, не зная, что она уже умерла, и ему «всякий раз представлялось единственно уместным и непреодолимо желанным упасть на колени и целовать край ее одежд»⁹. Здесь Франкл с волнением говорит о своем почтении к матери. Этот жест — целовать подол — и понимание его как *единственно уместного* сразу переводит отношения в религиозно-ритуальный контекст. Так почитают святых.

Это воспоминание Франкла своеобразно действует на меня. Такое почитание глубоко меня трогает. Я думаю об отношениях с моей матерью. «Как у меня с этим? Мог бы я так же говорить о моей маме? Не должен ли и я стремиться к тому, чтобы так говорить о ней? Вероятно, тогда я был бы поистине благодарным сыном? Может быть, это и есть идеал?» Такие вопросы преследуют меня, и из-за этого моя совесть как будто нечиста. Я прихожу к мысли, что отношусь к маме не так почтительно. Однако когда я спрашиваю себя о своем отношении к матери и о том, каким бы я желал его видеть, то обнаруживаю, что хотел бы с нею большей близости, чем описывает Франкл. Я не стал бы целовать край ее одежд, я поцеловал бы ее в щеку. Я взял бы ее за руку, сжал бы ее руку, может быть, целовал бы ей руки. И у меня было бы чувство, что такой способ выразить себя соответствует ей и мне. Поклониться и поцеловать ее подол было бы для меня чересчур патетично. Она казалась бы мне праведницей, Мадонной, девственной, недоступной и неприкосновенной. Почтительная дистанция разверзлась бы меж нами. Это значило бы для меня, что я изначально недостоин ее, и что ее любовь ко мне зависит только от ее милости.

Благодаря этому различию между переживаниями автора и читателя возникает вопрос: как понимать жест и чувство Франкла? Без сомнения, речь идет о выражении величайшего почтения. Может быть, для челове-

⁹ 2.

ка, выросшего «еще при кайзере», в культуре, освящающей власть — в том числе и родительскую — такой жест казался привычным и естественным? Возможно, Франкл, в социальном смысле истинное дитя XIX в., считал необходимым отдавать дань приличиям? Без сомнения, эпоха оказала на него влияние. Тому есть и другие свидетельства: например во время открытых дискуссий он обращался к друзьям всегда подчеркнуто уважительно, даже с упоминанием титулов. При этом дух этого прогрессивного просветителя, представителя левого политического лагеря оставался молодым. Но в почитании родителей сохранял верность традиции, что заметно и в его высказываниях.

Из этого короткого повествования трудно, конечно, сделать вывод о корнях его отношения к матери. Я также затрудняюсь оценить, насколько вошедшее в поговорку представление о том, что «еврейская мама — лучшая мама»¹⁰ распространялось на его отношения с нею. «Еврейская мама — глава семьи; сын всю жизнь остается зависимым от нее и никогда, собственно говоря, не может перерезать пуповину»¹¹. Большая часть шуток о подобных отношениях между матерью и сыном касается жалоб матери, которая обижается на сына за его попытки эмансипации. Она и так все для него делает, так зачем ему самостоятельность? В любом случае, бросается в глаза возвеличивание матери со стороны Франкла, приписывание ей признаков святости.

Это возвеличивание, возможно, стало следствием одиночества, холода и неопикуемых лишений концлагеря, где Франкл с тоской вспоминал о материнском тепле и смог в полной мере оценить то, что она дала ему и что для него значила. Было ли то выражением осознанной тогда благодарности, впоследствии дошедшей до чувства вины и оттого переливающейся через край? Такое положение дел несложно себе представить, особенно зная обстоятельства ее смерти.

Или такая почтительность была усвоена им ранее и, может быть, в их отношениях и прежде преобладала дистанция, из-за которой детская потребность в близости и нежности осталась неутоленной, а нехватка опыта и чувства близости наверстывалась в духовном пространстве — именно через почитание, «взаимность добрых чувств», материнское благословение. В пользу такого видения свидетельствует и то, что Франкл больше говорит о матери с точки зрения ее происхождения и, за исключением трогательной сцены прощания, не приводит личных или телесных переживаний, связанных с нею. Он описывает себя как «неугомонного» ребенка, которому мать часто пела колыбельную песню: «Успокойся же наконец, ты, несносный мальчишка». Более того, в оригинале рукописи

¹⁰ Greenburg, 1984.

¹¹ Там же. С. 11.

Франкл пишет, что мать называла его «поганцем»¹², о чем позже сама ему и рассказывала. Судя по этому обращению, выдающему материнское раздражение, их отношения бывали натянутыми. В то же время, бросается в глаза тоска Франкла — взрослого мужчины, профессионального невролога и психиатра — по дому. Если мне не изменяет память, Франкл говорил, что даже после женитьбы ему было необходимо ночевать дома — сначала еженедельно, потом раз в месяц, и наконец — раз в год, в свой день рождения¹³.

Как бы там ни было, мать тоже испытывала глубокую привязанность к Виктору. «Расставаясь с нею в Терезиенштадте, я попросил ее напоследок: “Благослови меня, пожалуйста”. И я никогда не забуду, как она благословила меня — криком, идущим из глубины, который я не могу назвать иначе как страстный: “Да, да, я благословляю тебя”»¹⁴. Очевидно потрясенная, в глубоком волнении она выполнила просьбу сына. Этот возглас, этот «страстный» крик — последнее, что она могла сделать для него как мать. Каждый заключенный в Терезиенштадте знал, что отправка в Освенцим означает смерть, потому что, в отличие от Терезиенштадта, там были газовые камеры. Знал об этом и Франкл. Описанный эпизод — картина такого *Stabat mater*¹⁵ — наверное, самое ужасное, что может переживать мать, понимающая, что ее дитя идет на смерть. В первом варианте текста Франкл говорит о своем впечатлении от этого крика еще определеннее: «Я назвал этот вопль страстным, — я бы даже сказал: то был крик животного, подобный тому, что издает зверь во время гона». И далее пишет, что если бы это слово не было перегружено смыслами в определенном психотерапевтическом направлении¹⁶, он сказал бы, что это был первичный крик.

В опубликованном варианте эти слова опущены. Они могли быть превратно поняты, и это омрачило бы образ матери. Последовал бы упрек: как, рассказывая о своем последнем впечатлении от матери в такую священную минуту, он допускает подобное сравнение — говорит о ее боли не как о человеческой, а как о звериной, страстной? Публика могла решить, что Франкл таким сравнением осквернил образ матери и ее саму. Он будто показал себя бессердечным естествоиспытателем, которого не

¹² MS. C. 2.

¹³ 1.

¹⁴ 2.

¹⁵ *Stabat mater* («Стояла мать», лат.) — светский и религиозный мотив в истории искусства. В его основе — тема страдания и скорби девы Марии перед крестом распятого Христа. — *Прим. науч. ред.*

¹⁶ Имеется в виду первичная терапия — направление, основные положения которого были сформулированы в конце 1960-х гг. американским психотерапевтом Артуром Яновым. — *Прим. науч. ред.*

останавливает даже святость последнего прощания и материнской любви, исследователем, который и эти отношения непочтительно приносит в жертву научному подходу. Такая критика несправедлива и не отражает действительного положения вещей. Потому хорошо, что эта часть воспоминаний Франкла не опубликована: она требует специальной сноски или комментария.

Однажды Франкл описал мне сцену прощания с матерью в разговоре с глазу на глаз — приблизительно теми же словами. Его голос зазвучал очень тихо, стал глухим и сдавленным, словно ему было стыдно говорить. И все же в нем чувствовалась решимость быть правдивым и уверенность, что ему нечего стыдиться. Ведь в его словах не было осуждения, он не пытался систематизировать это событие, отстраниться, рассматривая его с научной или какой-либо другой отчуждающей дистанции, — напротив, он говорил о выстраданном, глубоко личном впечатлении. Несмотря на трагизм обстоятельств, связанных с отправкой в Освенцим и возможностью близкой смерти, и на почитание матери, он воспринял выражение ее чувств без предубеждения. Крик матери лег на Франкла всей тяжестью нависшей над ними угрозы. Он чувствовал несказанно и непостижимо глубокую любовь матери к своему ребенку, любовь, которая пропитала ее духовно и душевно, вошла в плоть и кровь. Утрата ребенка ранит мать на уровне, более глубинном, нежели индивидуальное или коллективное бессознательное, ибо ее связь со своим дитятей коренится в телесности, в том физическом бытии, которое у нас с животными общее. Франкл ценил и уважал такое единство человека с природой, хотя его теория и не включает этот аспект (лишь кое-где Франкл упоминает о нем). Он не боялся говорить в дискуссиях, что человеку не чуждо ничто звериное (хотя зверю чуждо все, что определяет человека как такового).

Это характерно для Франкла — живой, открытый и чуткий ум, благодаря которому он делал необыкновенно точные наблюдения и порой мгновенно воспринимал и постигал те феномены, значение которых для других людей оставалось еще скрытым. Конечно, эта его способность, как и все прочие, находилась в рамках человеческих возможностей, и я никогда не знал наверняка, насколько хорошо он, например, мог применить ее к себе. Но здесь, в этой волнующей сцене прощания с матерью раскрывается весь диапазон его личности: боль расставания; может быть, идеализированное, но в любом случае — полное духовного превознесения отношения к ней; попытка вырвать у бренности ее любовь и свое чувство к ней, переведя их в религиозную плоскость, и через благословение удержать ее силу и влияние, — и при этом Франкл сохранил чуть ли не кристально чистое, открытое восприятие, не дав ему стать жертвой приукрашивающей сентиментальности.

Меня глубоко тронула эта история — и изображенные в ней обстоятельства, и этот древний крик матери, и мужество Франкла, которое от-

крылось в силе его переживания. Несколько неуверенно он спрашивал меня после рассказа, могу ли я поверить, что это был крик, подобный крику течного животного, — неуверенно и с оттенком стыдливости, не зная, возможно ли это вообще передать, и понятно ли это другим, тем, кто не был с ним в тот момент. Полный сомнения, может ли его рассказ преодолеть эту пропасть между животной страстью и чистой духовностью. Я хорошо мог это понять и почувствовать. Именно поэтому я отваживаюсь привести здесь этот рассказ (оправданный замыслом Франкла) — я уверен, что таким образом могу придать ему надлежащие для публикации рамки.

Отец — воплощение справедливости

Франкл считал, что больше похож на отца¹⁷ — абсолютную противоположность матери. Если та была сама доброта — мягкая, сочувствующая, теплая и кроткая сердцем, — то отец в его воспоминаниях предстает аскетом — экономным (но не до скупости), сознающим свой долг, обладающим твердыми принципами. Его «принципиальность граничила с педантизмом, но в первую голову — с упрямством»¹⁸. Франкл ценил в отце чувство справедливости, хотя из-за неровности отцовского характера, проявлявшегося в широком спектре от стоицизма до вспыльчивости, оно порой дорого обошлось мальчику. Однажды, избивая Виктора в приступе ярости, отец сломал об него не то трость, не то альпеншток.

По вечерам в пятницу отец, по словам Франкла, «заставлял» обоих сыновей, Вальтера и Виктора, читать вслух молитвы на иврите¹⁹. Дети не учили Тору в школе, а иврит штудировали только дома с отцом, поэтому прочесть молитвы без ошибок им удавалось редко. Но строгий отец придавал большое значение точному исполнению урока. Поэтому, чтобы мотивировать сыновей к большему усердию, он благоразумно не наказывал их за ошибки, а отказывал в награде. Десять геллеров мальчикам выплачивались, только «если текст был прочитан нами идеально»²⁰. Но случалось это всего несколько раз в году.

Как и мать, отец был очень религиозен. Но если в рассказе о матери Франкл подчеркивает «кротость сердца» в ее отношении к религии, то в воспоминаниях об отце он делает акцент на догматизме, с которым тот придерживался ритуалов. Например, он отказывался от некошер-

¹⁷ 4.

¹⁸ MS. C. 3.

¹⁹ 3.

²⁰ Там же.

ной пищи (до Первой мировой войны)²¹, в точности соблюдал еврейские праздники и предпочитал заработать дисциплинарное взыскание, но не подчиниться приказу своего начальника в министерстве, который требовал работать в великий еврейский праздник (Йом Кипур)²². И это несмотря на необыкновенно развитое чувство долга! Вера была для него превыше всего, — в том числе и принципов.

Тем не менее отца Франкла нельзя назвать ортодоксальным, а его отношение к религии — не критичным. Виктор описывает его как думающего, либерального «прогрессивного еврея»²³, который откровенно стремился сохранить свою мировоззренческую независимость и придерживался своего религиозного чувства, сознательно дистанцируясь от возможных пагубных влияний.

Верный еврейским религиозным традициям и интеллектуально критичный к ним, Франкл-отец был глубоко набожным человеком. Это проявилось по дороге в Терезиенштадт, когда он, восьмидесятилетний старик, с трогательной улыбкой говорит близким к панике собратьям: «Радуйтесь, наш бог поможет нам». Смирением, как мне кажется, проникнут и его девиз «на бога во всем полагаюсь». Некий раввин, хорошо знавший Франкла-старшего, разговаривая после его смерти с матерью Франкла, назвал его праведником, цадиком²⁴, жившим совершенно в еврейской традиции.

В контексте религиозности «буквоедство» отца Виктора Франкла выглядит иначе²⁵. Франкл думал даже, что он мог бы смягчить это суждение, назвать его «верностью принципам», потому что впоследствии отец уже не придерживался буквы еврейского закона так жестко, стал мыслить либеральнее и не чуждался прогрессивного иудаизма. Переоценке подверглись также приписываемые отцу твердость и выдержка²⁶. Прежде не очень заметные из-за вспыльчивого характера, благодаря незыблемой вере эти качества с возрастом получили свое развитие. Таким образом, с точки зрения сына две наиболее характерные черты отца — верность принципам и стоицизм — превращались благодаря религии в нечто лучшее. Благодаря связи с богом отец изменил свою «психическую судьбу», стал личностно «расти», и в конце концов «созрел». Он «дорос, дозрел до себя», чтобы, как пишет Франкл в «Человеке страдающем»²⁷, стать максимально равным себе. Эта перемена в отце, как мне кажется, стала

²¹ 4.

²² 5.

²³ Там же.

²⁴ 7.

²⁵ 5.

²⁶ Там же.

²⁷ Frankl, 1990, С. 326–330.

для Франкла примером того, к чему должна стремиться *духовная психотерапия*²⁸, как он понимал логотерапию.

Франкл говорил, что верность принципам и твердость духа, а также перфекционизм, доходящий до формализма, были его характерологическим наследством²⁹. Отсюда и удовольствие от постижения сути, и стремление вдаваться в детали, и те страдания и самоотречение, что становятся следствием высоких требований к себе. В этой наследственной склонности Франкл видит секрет своего успеха. Вместо того чтобы слепо следовать своей предрасположенности, он положил ее в основу духовных принципов³⁰: подходить к менее значимому с той же основательностью, что и к более важному (перфекционизм); более серьезные вещи исполнять столь же спокойно, что и менее серьезные, причем в возможно более сжатые сроки (твердость духа); и начинать с неприятного, а приятное оставлять на потом.

Благодаря воспитанию, унаследованные от отца свойства личности развились у Франкла еще сильнее. Из оставшихся письменных свидетельств не ясно, был ли отец примером для него или Виктор в подростковом возрасте стремился отмежеваться от отца (насколько это было вообще возможно незадолго до Первой мировой войны). Во всяком случае, в его автобиографии, особенно в первой ее редакции, прослеживаются критические тенденции. В рассказе об отце чувствуется дух противоречия; однако не чрезмерный и ни в коем случае не выливающийся в обвинения или осуждение. Франкл описывает отца как человека строгого и требовательного, не снисходительного к сыну. При этом он был справедлив, обращался с Виктором подобающим образом и втайне радовался его профессиональным амбициям (тот обещал осуществить отцовское желание стать врачом). К старости характер отца смягчился.

Размышляя об отношении Франкла к матери, мы видим признаки того, что Виктор идеализировал ее. Применительно к отцу об идеализации говорить трудно. Некоторый ее налет можно усмотреть разве что в его комментариях к рассказу о раввине³¹, который назвал его отца «праведником». Соглашаясь с этой высокой оценкой, Виктор говорит о своих детских впечатлениях, и добавляет, что все-таки был прав, когда еще ребенком понял: главная черта отца — справедливость.

К моменту рождения Виктора отцу было 44 года, то есть по тогдашним меркам он был пожилым человеком. Отец стал для сына авторитетом: он умел настоять на своем, задавал ясное направление жизни и религиозного поведения всей семьи, в том числе и значительно более молодой

²⁸ Там же. С. 271.

²⁹ 5.

³⁰ 13.

³¹ 7.

по сравнению с ним жены. Порожденная духом времени, требующего верности авторитетам, дисциплины, самоотверженности, преданности богу и отечеству, роль отца в семье соответствовала представлениям сыновей-подростков. Поэтому понятны истоки уважения, которое Виктор испытывал к отцу, несмотря на жесткость, свойственную им обоим. Это уважение вызывало, скорее, склонность подражать нежели противиться. Стремление подражать, в свою очередь, привело к тому, что Франкл перенял отцовские черты и смог плодотворно воспользоваться ими. Другими словами, у выросшего Виктора уже не было нужды бороться с отцом, несмотря даже на воспоминания об отцовской жестокости, которые до старости оставались для него болезненными. От желания противоборствовать остался разве что некий дух соперничества, который прослеживается в его автобиографии.

Размышляя об отношении отца к сыну, каким оно мне представляется, я сомневаюсь, разглядел ли старший Франкл, поглощенный заботой о верности принципам, долге и непогрешимости, гениальность растущего сына, и была ли она ему по плечу. Самобытное дарование юного Виктора уже в гимназические времена гнало его из дома. Он посещал лекции в Народном университете и активно участвовал в движении социалистически настроенных гимназистов. Это обстоятельство очень значимо для его интеллектуального развития. Он познакомился с интересными людьми, многие из которых после Второй мировой войны заняли высокие политические посты. С ними было можно «спорить о боге и мире», как он говорил позже. Франкл нашел собеседников для обсуждения политических, общественных, социальных, психологических, медицинских, философских и теологических вопросов. Особенно много было дискуссий об отвергаемом тогда в академической среде психоанализе, который переворачивал привычные представления, а потому оказался особенно интересен для молодежи. Разумеется, левая интеллигенция была более восприимчивой к этому «бунтарскому» образу мыслей, нежели правая. И конечно, расскажи Франкл отцу об этих идеях, он не встретил бы сочувствия. Я не знаю, было ли это связано с привычной тогда дистанцией между родителями и детьми (многие дети обращались к родителям на «вы»), или отец был так занят своими делами и обязанностями, но он позволил сыну идти своим собственным путем духовного становления и более о том не заботился. А может быть, он просто был удовлетворен его школьными успехами (уже в начальной школе Франкл стал первым учеником). Этим, видимо, объясняется тот факт, что между двумя такими взрывными темпераментами не случалось серьезных ссор и значительных конфликтов. В свою очередь Виктор не интересовался делами своего отца. Даже когда тот стал работать в ведомстве по делам несовершеннолетних под руководством министра Йозефа Марии фон Бернрайтера, куда двумя

годами позже поступил и Виктор, для сына «не было ничего скучнее» этого³².

Так откуда это уважение к отцу? Было ли оно связано с трудностями установления и сохранения истинно близких отношений даже с родными, компенсировал ли он таким образом эти трудности в более духовной сфере (через почтение, уважение, почитание)? Или, может быть, ему было свойственно ожидать ответного уважения? Даже если и так, этого едва ли хватило бы, чтобы обе эти индивидуальности, отец и сын Франклы забыли о своих конфликтных наклонностях. Еще труднее объяснить, что при наступлении нацистского режима Франкл ради родителей не воспользовался своей выездной визой, а позднее так заботливо сопровождал отца вплоть до его смерти. Приводить механизм компенсации как единственное основание почтительного отношения к отцу было бы тем самым редуцированием в психологии, против которого Франкл всю жизнь боролся. Рядом с сугубо психологическими попытками объяснения находятся более глубокие основания для такого отношения; они учитывают действительного Франкла-отца и не представляют собой фантазий или проекций нищей души. Это различие между психическими причинами и духовными ценностями имеет фундаментальное значение для экзистенциального анализа и логотерапии, — о нем более детально говорится в III разделе (с. 200 и далее).

Есть несколько оснований, которые углубляли связь между Франклом и его отцом. В первую очередь вспомним: отец давал Виктору и всей семье «стойкую защиту»³³. Он передал маленькому сыну базовое чувство безопасности, которое легло в основу всей его жизни.

«Мне было лет 5, когда я — и я рассматриваю это воспоминание как ключевое для моей жизни, — проснулся одним солнечным утром на даче в Хайнфельде. Глаза мои были еще закрыты, и меня наполнило невыразимо блаженное и вдохновляющее чувство, что я в безопасности, что я бережно храним. Открыв глаза, я увидел отца, который улыбаясь склонился надо мной»³⁴.

Подобное переживание архаично и поистине никогда не забывается. Оно охватывает мальчика и остается живым для старика. Всю жизнь оно связывало благодарного Виктора с его отцом. С характерной для себя феноменологической зоркостью он почувствовал тогда, что этот строгий, правильный и, должно быть, неприступный мужчина всем сердцем желает ему добра и рад его существованию. Переживание, коснувшееся ребенка, можно описать только как истинную отцовскую любовь. Малыш мог воспринять и ощутить этот поток именно как любовь, которая

³² 50.

³³ 4.

³⁴ 10.

согревает его жизнь, и осознать себя в своем пробуждении. Снова и снова мог Франкл соприкоснуться с этим чувством. Тот факт, что он хранил и заботливо поддерживал в себе этот полюс тепла, говорит о его сильной потребности в теплых отношениях.

Однако Франкл избегал говорить об «отцовской любви» и ее собственном восприятии. Я считаю, что это было связано с тремя причинами: во-первых, с почтением перед отцом, который требовал от сына держать дистанцию, быть сдержанным и никогда не обсуждать, не называть и не интерпретировать чувства отца. Насколько здесь играли роль еврейские традиции, я не знаю. Во-вторых, такое поведение происходит из нарциссических *индивидуальных черт* Виктора. Охотнее всего он говорил о самом себе. В известном смысле это связано с первым пунктом. Уважение на расстоянии совершенно не подразумевает близких отношений с другими, так что остаешься наедине с собой. Ну и наконец — уже упомянутая выше робость обнаруживать свои чувства, выводить их из зоны интимности (об отношении Франкла к эмоциональности см. раздел II, с. 116).

Другое основание для духовной связи — *глубокая любовь и привязанность* к отцу. В разговоре с ним Виктор принимает решение не покидать родителей в нацистской Вене, а остаться, чтобы защищать их. Позже мы еще поговорим об этой ключевой для его жизни ситуации.

Еще более отчетливо проявляется любовь в сцене расставания сына с отцом в концлагере Терезиенштадт: воплощенная в деятельности, она тем не менее поддерживается глубокой связью между ними. Полумертвый от истощения, перенесший уже две пневмонии, 81-летний старик находился в конечной стадии отека легких. Чтобы облегчить и сократить страдания, Франкл сделал отцу инъекцию морфия, ампулу которого смог тайно пронести в концлагерь. Затем он спросил отца: «Тебе больно? — Нет. — Хочешь чего-нибудь? — Нет. — Хочешь еще что-нибудь сказать мне? — Нет». Тогда я поцеловал его и ушел. Я знал, что никогда больше не увижу его живым. Но у меня было самое чудесное чувство, какое только можно себе представить: я сделал, что должно. Ради родителей я остался в Вене, я был с ним в его умирании и избавил его от ненужных мук смерти»³⁵.

Меня в этой сцене трогает прежде всего то, что Франкл дает нам возможность лично принять участие в прощании с его отцом. Здесь чувствуется трагичность, оттого что этой последней встрече суждено было состояться в нечеловеческих условиях концлагеря, где невозможна ни адекватная помощь, ни минимальное медицинское обслуживание. Меня трогает и этот укол морфия, который Франкл (вероятно, с риском для

³⁵ 6.

себя) «организовал» своему отцу, и то счастливое обстоятельство, что, будучи врачом, он мог дать отцу лекарство. Особенно меня волнует, что Франкл дословно приводит свой последний разговор с отцом. Тем самым он позволяет нам участвовать в интимнейшем моменте, какой только возможен между людьми. Оказаться допущенным так близко к событию и при этом настолько лично прикоснуться к Франклу, — это нечто исключительное.

В то же время эта сцена интересует меня как человека. Франкл иллюстрирует ею что-то очень значимое для жизни: *делать, что должно*; проживать свою ответственность и обязательства; оставаться верным своим решениям и своему призванию; отдаваться чему-то, *в служении делу или любви к человеку* превосходя себя самого, — это в сущности и есть самотрансценденция, краеугольный камень логотерапии. Эта миссия была исполнена Франклом, по его словам, «с самым чудесным чувством, какое только можно себе представить». Если такой взгляд можно сохранить даже в условиях концлагеря, при последнем расставании с собственным отцом, то учение Франкла, примером которого послужил этот эпизод, должно иметь большое значение для жизни. И уж тем более такое видение может быть осуществлено в мирное время. Подобные мысли занимали меня каждый раз, когда я слышал эту историю.

Именно так всегда действовала на меня эта сцена. Я был взволнован ее трагизмом и своей личной близостью к происходящему. Я чувствовал себя третьим, допущенным присутствовать при прощании отца с сыном, при последней услуге сына и их расставании. В следующий миг я словно сам оказывался на месте Франкла. Я спрашивал себя, не я ли переполнен невыразимой печалью, не мое ли сердце разрывается, когда я вижу его, жившего настолько достойно и мужественно, таким жалким и чувствую свое полное бессилие, потому что не в моей власти достать для него даже хорошую постель или стакан воды? Хватило бы мне сил оставить его умирать в одиночестве? Я чувствовал, что предпочел бы быть с ним до конца.

И словно само собой получилось так, что я оказался занят собой, своим видением жизни и своим отношением к моему отцу и к его смерти. В этом лично для меня заключается особенная ценность рассказа Франкла о расставании с отцом.

Однако здесь необходимо поговорить о личности Виктора. Поэтому давайте снова обратимся к нему. Что в нем самом и его отношении к отцу бросается в глаза в этой сцене? Что движет им? Что для него главное? Каким было его отношение к отцу?

В сущности Франкл опять-таки пишет не столько об отце, сколько о себе, о своей задаче, о «требовании» момента. Его «делай, что должно» заглушает боль утраты. Хотя повествование пронизано нежной и очень личной связью с родителями, эта любовь замешана на чувстве долга и

еще, может быть, уважении к правилам и благодарности к отцу. Все три понятия — (нравственный) долг, достоинство и, реже, благодарность — обычны в его речи, и он часто использовал их в спорах и беседах. И в отношениях с родителями они играют, как мне кажется, значительную роль. А близость, эмоциональность, живость отношения, напротив, как таковые не выражаются, и со стороны лишь иногда удастся увидеть их отблески.

Собственно говоря, Франкла удержала в нацистской Вене не только любовь и привязанность к родителям (отцу). Необходимо было *указание свыше*, как он называл тот случай, что пробудил его внимание к собственному религиозному и сыновнему долгу. Если бы речь шла только о любви к родителям, для принятия решения вряд ли понадобилось бы «указание свыше». Конечно, легко представить, как непросто для молодого человека покинуть родину, отправиться в чужую страну, языком которой не владеешь, отказаться от должности главврача и заново начинать свой путь в профессии, не имея поддержки на чужбине. На неопределенное время пришлось бы отказаться от карьеры (а некоторые его работы по логотерапии были уже опубликованы). Кроме того, своим отъездом он лишал семью защиты от депортации и тем самым подвергал опасности жизнь своих близких, к которым был так привязан. Франкл говорит, что не столько любовь к родителям, сколько напоминание о религиозно-нравственном долге явилось основой его решения остаться. К тому же уже тогда он симпатизировал милой медсестре-интерну Тилли Гроссер, на которой и женился вскоре после окончания срока визы³⁶. Однако об этом мы еще будем говорить.

В описанной сцене расставания содержится важное указание на то, какого рода было его отношение к отцу. Инъекция морфия напоминает об исполнении врачебного долга. Последующий разговор подчеркивает характер оказания медицинской помощи и типичен для отношений между врачом и пациентом. Ни слова о том, чтобы подержать за руку, о слезах прощания, о желании побыть еще хоть немного вместе, о боли и печали — ни с той, ни с другой стороны. Ничего о благодарности, любви, волнении. Никаких сожалений о том, что из-за лагерных порядков Франкл должен находиться в своей постели в положенное время, и поэтому не сможет провести последнюю ночь рядом с умирающим³⁷. Никакой скорби не звучало, когда он рассказывал мне, что, придя наутро взглянуть на отца, застал его ложе пустым, но еще теплым. Франкл подозревал, что тот, вероятно, был еще жив или только что умер, когда его увезли.

³⁶ 63.

³⁷ 19.

Отношение к отцу похоже на то, которое мы обнаружили, говоря о матери. При расставании с нею Франклу казалось наиболее подобающим целовать подол ее платья. Чувства же к отцу выразились в последнем служении ему. И снова — ничего для себя или своей эмоциональной жизни. Здесь Франкл воплощает идеал самоотверженности, не принимая во внимание собственных нужд, всего себя отдавая «служению делу», задаче, другому человеку. Что значили для него описанные события? О чем можем мы судить из этого повествования? (Другой вопрос — не обошел ли он молчанием свои чувства ради того, чтобы подчеркнуть общечеловеческий контекст «служения делу». Это было бы совершенно в его стиле. Но в личных беседах со мной он не упоминал иных содержаний.) История демонстрирует, что в первую очередь Франкл заботился о чистоте собственной совести. Это было единственное, чем он был занят *для себя*, и чего требовал *от себя*. Поэтому он ничего не требовал от других. Когда умирал отец, это словно бы не касалось его! Было ли то его белым пятном? Или речь здесь идет о величии зрелого человека, который понимает высший смысл бытия, как мало кто из нас? Вместо горя и скорби, которых естественно было бы ожидать от обычного человека, он исполнен «самого чудесного чувства, какое только можно себе представить»: он выполнил свой долг, сделал для отца все, что мог. Ему не приходилось ни упрекать или, как он выразился, «терпеть» себя, ни испытывать чувства вины, — он ощущал себя свободным и с чистой совестью³⁸.

Я вижу в этом традиционное для поколения Франкла представление о долге: от человека требовалось отказаться от собственного «я» и посвятить себя делу или задаче — что многократно затрудняет доступ к самому себе. Так было принято на рубеже столетий и в 1920-х — 1930-х гг. и на Востоке, и на Западе, и в коммунистических странах, и в капиталистических. Разве смогла бы получить такое распространение идеология нацизма, если бы послушание и следование долгу не укоренилось в людях столь глубоко? Религиозные общины также поощряют это отношение и даже требуют его. Франкл был воспитан в духе спартански-аскетической

³⁸ Эту линию поведения нелегко понять в наше время. За ним стоит позиция, характеризующая многие поколения, также и семью Франклов. Она объясняет в какой-то степени поступок бывшего президента Австрии Курта Вальдхайма, который в качестве оправдания своих действий во время Второй мировой войны указал только, что при нацистском режиме он как солдат «только исполнял свой долг». Франкл в личных беседах со мной говорил, что позицию, которая основана на исполнении долга, никому, даже Вальдхайму, непозволительно вменять в вину, если она не привела к совершению преступных действий (а ведь Вальдхайм, несмотря на все первоначальные обвинения в его адрес, таковых не совершал). Во время ужина, после избрания его президентом, Вальдхайм подробно беседовал об этом с Франклом. Франкл был столь честен и последователен, что, сам будучи жертвой нацистов, заверил Вальдхайма в своем уважении к его позиции.

дисциплины имперского времени, которая теперь уже практически сошла на нет, а в нищей Австрии 1920-х — 1930-х гг. почиталась за идеал. Соображения долженствования оставались традиционными до 1950-х — 1960-х гг. Большая часть жизни Франкла прошла в этом контексте. Подобные социокультурные влияния сказываются на образе мыслей и поведении, сталкиваясь иной раз с индивидуальными качествами и личными предпочтениями, которые благодаря этому укрепляются. Интересно, как относился бы Франкл к своей эмоциональности, проходи его детство в наше время, и какими были бы тогда его отношения с родителями?

Мне приходит на ум еще одна история, которая рассказывает о любви и преданности, которые Виктор Франкл испытывал к отцу. Это произошло в 1984 г., когда ограбили его квартиру на Марианненгассе, 1. Насколько я помню, воры нашли и забрали мало ценного, но частично разорили жилище. Письменный стол Франкла был перевернут. Я не знаю, что было похищено. Но одно забыть невозможно. На следующий день Франкл, стоя за своим столом, рассказывал мне, какой он застал квартиру. Он сказал, что испугался, увидев этот стол. Наводя порядок, он, к счастью, нашел все свои рукописи. Но обнаружил, что из среднего левого ящика стола украдена деревянная шкатулка. Она лежала там со времени переезда в эту квартиру. Франкл читал эту вещь, и потому положил поблизости. Ее пропажа при ограблении причинила ему наибольшие страдания. Речь шла не о ее стоимости, это была шкатулка с несколькими тонко заточенными карандашами для стенографии. Но в свое время его отец пользовался ими в парламенте — этими заранее подготовленными инструментами, потому что на затачивание во время стенографии не было времени. С болью и раздражением от бесцеремонности воров Франкл говорил, что за эти карандаши они выручат в лучшем случае несколько шиллингов — и то потому, что они нелакированные (что в 1984 г. являлось раритетом). Но для него они имели несравнимо более высокую цену. Он переживал это событие как очевидно бессмысленное, потому что настоящая ценность оказалась жертвой мелкой алчности — ведь ни для кого эти карандаши не стоили столько, сколько для него³⁹!

Франкл читал своего отца и за его *глубокую религиозность*. Его рассказ об отце в автобиографии⁴⁰ свидетельствует о большом уважении за искренность и верность, с которыми отец проживал свою религию. Франкл вспоминает, как тот целыми днями питался только бутербродами с сыром, потому что в хозяйстве г-на министра не давали кошерного. Он рассказывал, что отец сознательно пошел на получение дисциплинарного взыскания, соблюдая еврейский пост. Мы неоднократно упоминали

³⁹ Ср. теорию Франкла о предметности и максимализации ценности в: Frankl, 1990. С. 363 и на с. 145–146 настоящей книги.

⁴⁰ 4 и далее.

его поступки, бравшие начало в религиозных представлениях: например как он, сильный духом, подбадривал своих товарищей по этапу. Сын читал отца, который был настолько укоренен в вере, что по обломку буквы опознал четвертую заповедь, и не боялся цитировать того раввина, что называл отца праведником. Этот отец был великим верующим; он находил твердую опору в своем боге и тем не менее был открыт для нового. Уважение Франкла к религиозности отца станет понятным, если подумать, каким был в связи с этим его собственный путь — от чтения вслух еврейских молитв, сквозь годы нигилизма и до покорности знаку небес, в результате которой он и действовал в духе отцовской веры. Он уважал тех, кто мог верить так глубоко и непоколебимо. После таких испытаний, как пишет Франкл в своей книге о концлагере, он уже не боялся ничего, «кроме своего бога»⁴¹. Зная об этих глубоких поисках и борьбе, мы можем понять и его уважительное отношение к родителям, и религиозно обусловленный долг чтить отца и мать, «чтобы продлились твои дни на земле»⁴².

Короткое отступление

В предшествующих главах мы показали характерные индивидуальные черты Виктора Франкла. Прежде чем продолжить, мне хотелось бы ненадолго остановиться и поразмышлять о нашем процессе.

Я не ставил перед собой задачу вынести суждение о Франкле, или начертить психограмму его личности. Эта книга преследует иные цели. Мне хотелось охарактеризовать эту личность во всей ее глубине, многогранности и величии, дать читателю возможность увидеть и вжиться в те мотивы и ценности Франкла, которые, вероятно, оказали влияние на его решения, отношения и чувства, — и через них лучше понять его. Тогда он станет нам ближе, его внутренний мир оживет для нас и откроется нашим чувствам (чего при жизни ему, наверное, не хватало, поскольку ему трудно давалась сближение). Поэтому мы собираем разрозненные сведения, оставленные им, и складываем из них картину, чтобы увидеть, что для него было важным, почему он действовал, думал и воспринимал события своей жизни именно так. Как уже говорилось во введении, я надеюсь, что вместе с более глубоким пониманием личности и деятельности Франкла, рассказ о нем подтолкнет нас к размышлениям о собственной жизни и ее устройстве. Что же касается описания личности Франкла, то нужно понимать, что никакой психологический анализ и рефлексия не могут из-

⁴¹ Frankl, 1977. С. 148.

⁴² 62.

мерить человека целиком. Может быть, они способны приблизить его к читателю, объяснить, наметить путь к его пониманию. Но всегда с уважением останавливаются перед глубочайшей непознаваемостью человека. В этом жизнеописании неоднократно затрагиваются такие глубины личности Виктора Франкла, которые мы можем уважать и воспринимать, видеть, понимать, принимать и ценить именно как присущие только ему. Описание образа мысли и манеры поведения, критическое осмысление его жизненных обстоятельств и решений — тоже предпосылка для прикосновения к личности, для встречи с персональностью (Person).

Еще мне хочется немного поговорить об уже описанном выше феномене, который многие, возможно, сочтут помехой к пониманию Франкла: я говорю об особенностях, контрастах и противоречивости его личности⁴³. Некоторые из них вполне могут проистекать из пристрастности *моего* взгляда и описания. Другой свидетель его жизни воспринимал бы другие его черты и говорил именно о них. По поводу некоторых свойств мы соглашались бы друг с другом, переживая их сходным образом. Так что в каждом случае должна учитываться моя субъективность, равно как и неполнота моего повествования и знания Франкла.

Вместе с тем остаются и подлежат осмыслению собственные особенности Виктора Франкла. По этому поводу я хотел бы высказать принципиальное соображение, которым руководствовался во время работы.

Мы от природы наделены субъективностью, она относится к *conditio humana*, человеческой обусловленности, — это наше неотъемлемое свойство. Субъективность присуща нам, и мы вынуждены с нею жить. Речь идет в равной степени о качествах, помогающих нам (таких, как интеллект или чувство юмора), и о мешающих (например, отчужденность, нечувствительность). Любая субъективность затрудняет доступ и понимание к другим формам переживаний, образу мыслей и действий. Кому-то она может даже закрыть возможность понимания. С одной стороны, мы зависим от этой разобщенности, она ограничивает нас. С другой — она толкает нас к большей целостности, открывает для установления дружеских и партнерских связей. Тем самым мы можем, несмотря на нашу ограниченность, достигать высоты человеческого бытия. Потому что она заключается не в том, что все содержится в нас самих. В гораздо большей степени она достигается нашей вовлеченностью в дело, сердечными, искренними устремлениями, — и заботой о том, чтобы разделить их с другими.

Виктор Франкл относился к своим индивидуальным чертам очень снисходительно. Он обращал их на пользу себе и другим, включив в свое учение, и таким образом внес ценный вклад в психотерапию. Благодаря

⁴³ О различии между понятиями «персональность» и «личность» (раньше говорили «характер») см. начало II раздела на с. 98 и с. 116.

своему опыту, а скорее, благодаря структуре своей личности, он сделал вопрос о смысле темой психотерапии. Немногие психотерапевты тогда воспринимали и проживали эту тему. Но Франклу — с его особенностями — она была близка. То есть личное и профессиональное сливаются и дают то единство и ту цельность, которые и составляли величие личности Франкла.

Однако сам он не всегда был восприимчив к различиям в образе мыслей и чувствовании, к субъективности и особенностям других людей. При этом — даже если он думал и переживал иначе, чем другие, — их способности мыслить и чувствовать оставались такими же неотъемлемо человеческими, как и его собственные. Тот факт, что ему не всегда удавалось принять это, делает и его величие человеческим. Иначе говоря, именно субъективность позволила Франклу осуществить свое дело и исполнить свое призвание.

Социальный контекст

Семья Франклов проживала во 2-м районе Вены, в Леопольдштадте, который тогда был населен преимущественно бедными еврейскими иммигрантами и именовался «Островом мацы». Отделенный от центра Вены только Дунайским каналом, он имел удачное центральное положение. Еврейские кварталы в Вене того времени тянулись полосой: от 2-го района через северозападную часть 1-го (названную впоследствии «Текстильным кварталом») и на ту сторону Альзергрунда (9-го района). Здесь, на Марианненгассе 1, возле Венской городской клинической больницы Виктор Франкл жил со времени окончания войны до самой смерти. В этом квартале воспитывались дети преуспевающих жителей 2-го района. В 1-м районе еврейский квартал граничил с купечеством, в 9-м — с университетом и больницей, что давало подрастающему поколению возможности для профессионального роста⁴⁴.

Родители Франкла всегда жили во 2-м районе. После рождения старшего сына они переехали с Ротенштернгассе, 14 на Чернингассе, 6, где заняли квартиру № 25 на верхнем этаже. В прежней квартире были светлые и просторные комнаты, окна которых с северной стороны выходили на улицу, с южной — во внутренний двор. Узкая и скорее темная Чернингассе ведет, слегка изгибаясь, к главной аллее Пратера и расположена неподалеку от Урании и Дунайского канала.

Франклы жили скромно. Жалование отца, государственного служащего, было скудным. В течение десяти лет он работал стенографистом в

⁴⁴ Spiel, 1994. С. 48.

Парламенте, затем дослужился до директора в Министерстве социального обеспечения⁴⁵. Иногда он исполнял обязанности личного секретаря, и какое-то время давал, если я верно помню рассказы Виктора, частные уроки в семье банкира. Семья регулярно отдыхала на даче за городом⁴⁶ — например в Хайнфельде⁴⁷. Затем юному Виктору пришлось познакомиться с нуждой. Во время Первой мировой войны дела семьи шли «отвратительно»⁴⁸. Тогда, вместо того чтобы снимать дачу, семья ездила в Порлиц — в Южную Моравию, на родину отца. Дети просили хлеба на вокзалах и воровали кукурузу в полях⁴⁹. Как-то в середине зимы десятилетний Виктор ранним утром три часа простоял за картофелем на рынке. Мать сменила его в полвосьмого, чтобы мальчик успел в школу⁵⁰.

Виктор Франкл пережил нужду дважды, а для его отца *голод* был судьбой. Не имея средств, он голодал⁵¹, получая высшее медицинское образование, и в конце концов вынужден был бросить учебу и устроиться на государственную службу, чтобы выжить. В годы Первой мировой войны ему было по-настоящему трудно прокормить семью. И в конце пути его ждала смерть от голода. Франкл пишет об этом с состраданием и горечью: «Перед тем как он (отец) умер от голода в лагере Терезиенштадт, г-на директора застали как-то за выскребанием картофельной шелухи из пустой бочки»⁵². Но Франкл и сам столкнулся в то время с жестоким голодом: «Впоследствии, попав из Терезиенштадта через Аушвиц в Кауферинг, где мы невыносимо страдали от голода, я понял отца: теперь уже мне однажды пришлось выцарапывать из ледяной земли крохотные кусочки моркови — ногтями»⁵³.

Условия существования семьи наложили отпечаток на его собственный стиль жизни. Он вел простую жизнь, — так ему было удобнее. Деньги не слишком привлекали его, он видел в них лишь средство для выживания⁵⁴. Его идеалом было иметь достаточно средств, чтоб не думать о них ни ради содержания семьи, ни ради выгодных вложений. Тем не менее, состоятельные люди, с которыми его часто сводила жизнь, внушали ему почтение. Уважение вызывали у него и представители крупной буржуазии. С заметной отстраненностью говорил он о социальном происхожде-

⁴⁵ 4.

⁴⁶ 27.

⁴⁷ 10.

⁴⁸ 27.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ 4.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ 96.

нии Бруно Крайского или Карла Ясперса. Здесь ощущались социальные границы. Он никогда не относил себя к высшим социальным слоям и не чувствовал себя в этой среде комфортно. Я полагаю, что его жена Элли в этом смысле была похожа на него и поддерживала такой настрой.

За преклонением перед крупной буржуазией и богатством ощущалась некоторая неуверенность. Франклу не составляло труда преодолеть эту неуверенность на время короткого визита; однако легче и естественнее он общался с простыми людьми, с теми, кто тоже познал нужду. С ними он был на равных. Как мне кажется, это его предпочтение людей непритворных имело второе дно — духовную подоплеку, которая встроилась и в его теорию. То есть, не только социальный статус и жизненный опыт, но и собственная духовная позиция влияли на его чувство.

Опыт Франкла свидетельствовал о том, что невзыскательные люди воспринимают ценность вещей более непосредственно, нежели претенциозные. Кроме того, он считал: благодаря их «неиспорченности» (излюбленное понятие Франкла) и прямоте, не осложненной и не смягченной никакими общественными соглашениями и предрассудками, от них можно ожидать большей открытости в отношениях. Ему представлялось, что невзыскательность, простота, скромность и, как он говорил, «непретенциозное поведение» были ближе его основной экзистенциальной позиции: ничего не требовать для себя, но являться по требованию (на зов) обстоятельств, пренебрегая собой и забывая о себе. Приблизительно так звучит основная установка логотерапии, которая, подобно локатору, помогает нам уловить и опознать смысл. Согласно логотерапии, только так человек способен состояться: «игнорируя и забывая» себя в посвящении ценности или задаче (именно это Франкл называл «самотрансценденцией»). И чем выше социальное положение, тем опаснее экзистенциальная свобода выбора (*disponibilit *, по Габриелю Марселю; это понятие было значимым и для Франкла), тем реже встречается самоотдача — готовность к «служению делу» — к служению жизни. Потому что, по опыту Франкла, благосостояние и высокое социальное положение часто связано с претенциозностью, из-за которой людям трудно отдаваться делу, быть самоотверженными и бескорыстными.

Здесь я вижу причину связи молодого Франкла с социалистами. Хотя позже он и не был настолько критичен к общественному устройству, предпочтение скромности, бедности — иной раз даже спартанской, — у него сохранилось. Даже в старости он порой горевал по первым послевоенным годам. Поначалу трудно было поверить, что он мог с ностальгией рассказывать, как прекрасно было время, когда они в ботинках разной величины и одежде не по росту сидели вокруг печи, довольствуясь самой малостью, — а разговоры, отношения и вся атмосфера встречи достигали такой глубины, которая по искренности и подлинности была неповторима. Это подтверждает заместитель директора Мюнхенской средней школы логотерапевт Василики Винкльхофер в своем некрологе на

смерть Франкла: «Он однажды даже сказал в личной беседе, что иногда просто-таки тоскует по концлагерю из-за той человечности»⁵⁵, с которой относились друг к другу люди в этих экстремальных условиях. Похоже, что тяжелые внешние условия жизни пробуждают человеческую подлинность больше, нежели благосостояние и изобилие⁵⁶.

Итак, условия жизни семьи во многом повлияли на образ жизни Виктора Франкла, но не с точки зрения воспитания привычек или навыков, а в смысле *решения*. Скромный образ жизни сохранял его близость к самому себе и тем самым содействовала приобретению того опыта, которого он для себя желал. Благодаря простоте бытия, он создал для себя особенные условия, в которых не нужно отвлекаться от работы и цели, поддаваясь тщеславию, и отдавать силы борьбе, которую в противном случае он мог бы вести, будучи недовольным своим социальным положением.

Конечно, здесь могли играть роль и другие обстоятельства. Вероятно, он совсем не ощущал в себе коммерческой жилки, или, скорее, она была ему не по душе. Может, он не смог бы соответствовать более светскому стилю жизни и опасался ненужных встреч. Без сомнения, по своей природе Франкл был аскетом, которого не радовали роскошь и изобилие. Его действительно не привлекала светская жизнь. Тем не менее, во времена процветания ему удалось почувствовать, узнать ее, сохранив при этом положительное, без горечи и недовольства отношение к себе. Кроме того, как представляется, для Франкла большое значение имели традиции, о чем мы поговорим в главе о религии. Выбранный стиль жизни давал ему возможность сохранить отношения с родителями, проявить свою привязанность к ним, отдать дань уважения их традициям, духу и жизненным достижениям.

Этот настрой я бы назвал «духовным аристократизмом» семьи — независимо от ее социального положения.

Детство и юность

Виктор был вторым ребенком в семье. Его брат Вальтер родился на три года раньше, сестра Стелла — на четыре года позже. К моменту рождения среднего сына отцу исполнилось 44 года, а матери — только 26.

⁵⁵ Winkelhofer, 1997. С. 9.

⁵⁶ Выступая 11 ноября 1984 г. по поводу строительства памятника на территории бывшего концлагеря Кауферинг, Франкл сказал, что «полон ностальгических чувств, воспоминаний о том времени (в концлагере). Потому что только среди всей этой нищеты, во всем этом трагизме, во всем этом отчаянии стало видимым то, что сегодня, в нашем относительно благополучном мире встречается так редко, — а именно человечность, стопроцентная человечность. Лагерь был пробным камнем, плацдармом человечности. Уж поверьте мне».

Виктор рос в атмосфере заботы и защищенности. Как мы видели, отец был строг, ответственен, склонен к спартанскому образу жизни, экономен и очень религиозен. Его любовь к сыну коренилась в вере, согревавшей и сердце мальчика⁵⁷.

О матери мы уже говорили. Она была воплощением доброты и сердечности. Такая же набожная, как и отец, она являлась надежной опорой семьи. Виктора всю жизнь связывали с ней глубокая благодарность и любовь.

О своих отношениях с родителями Франкл рассказывает не слишком подробно, а о *брате и сестре*, что примечательно, почти не упоминает. О Вальтере мы знаем лишь, что он был «необычайно умелым организатором любительских театральных постановок»⁵⁸. Итальянский священник из салезианского ордена, профессор университета логотерапевт Евгению Физзотти⁵⁹ рассказывал (со слов Франкла), что нацисты арестовали его брата при попытке бегства в Италию и вместе с женой депортировали в Освенцим. По непроверенным сведениям, он затем был переведен в одно из отделений Освенцима, где погиб на руднике⁶⁰. Франкл говорил мне — и редкость упоминаний о брате подтверждает его слова, — что Вальтер отличался от него темпераментом, интересами, и поэтому Виктор не ощущал особой связи с братом. Существовало ли между мальчиками соперничество, чувствовал ли Виктор пренебрежение со стороны старшего брата, к кому из сыновей — если подобное было — родители благоволили больше, связывала ли Виктора и Вальтера в детстве дружба или они искали себе компанию вне дома, — ничего этого мы не знаем.

Так же мало мы знаем о Стелле. Известно только, что Виктор выманивал у нее карманные деньги под предлогом игры в «удаление миндалин»⁶¹. Каждый раз, когда у нее появлялась монетка, начиналась игра во врача и пациента: Франкл заглядывал ей в горло и утверждал, что девочке необходимо удалить миндалины, потому что они очень воспалены.

Стелла перед войной успела уехать в Мехико, а оттуда перебралась в Австралию. Там же она скончалась, примерно на год раньше Виктора. У нее была дочь и сын — Петер Бонди, умерший уже в 1970-х гг. Однажды Стелла побывала у нас в гостях. Рослая, очень темпераментная, остроумная и жизнерадостная женщина, она, по-видимому, натерпелась в детстве от брата, но обиду на него не держала. Стелла воспринимала жизнь менее серьезно, чем Виктор, и не особенно интересовалась многочисленными идеями «брата Вики». Я предполагаю, что порой он получал

⁵⁷ 10.

⁵⁸ 26.

⁵⁹ Fizzotti, 1970. С. 5.

⁶⁰ 77.

⁶¹ 96.

удовольствие от ее шуток, потому что тоже любил повеселиться. Но в остальном общение с сестрой было слишком поверхностным для него.

Виктор рассказывал, что с детства отличался своенравным и трудным характером⁶². Он и Стелла говорили мне, что из-за манеры «бодаться» и «упираться» он получил в семье прозвище «козлик». Безусловно, это свойство Франкла оказало влияние на его видение персональности и ее теоретическое описание и внесло свой вклад в формулировку понятия «упрямство духа»⁶³.

Желание стать врачом появилось у Виктора очень рано. Сам он полагал, что чуть ли не с трех лет был полон решимости стать врачом⁶⁴. Повлияла ли на его решение судьба отца, вынужденного прервать обучение? Возможно, тяга к медицине была у него в крови, и он почувствовал призвание, наблюдая за работой врачей, а может быть, слушая рассказы о ней? Впрочем, его выбор все-таки не был однозначным. Маленький Виктор замечал в себе и другие склонности: тяга к дальним странствиям и интерес к неизведанному побуждали его стать юнгой на корабле. Подумывал он и об офицерской карьере, уважаемой в обществе, связанной с заманчивой военной атрибутикой и сулившей власть⁶⁵. В результате, Франклу удалось воплотить все три свои мечты: став дипломированным врачом, он сумел поработать и судовым, и военным медиком.

Маленького Виктора рано и, по всей видимости, глубоко взволновала мысль о *смертности* человека. Он пишет⁶⁶, что ему было четыре года, когда однажды перед сном он испугался, вдруг осознав, что когда-нибудь умрет. «Но я никогда не боялся собственно смерти. Скорее, меня волновало, не лишается ли жизнь смысла из-за своей бренности»⁶⁷ — продолжает он. Когда думаешь об этом эпизоде, неизбежно возникает вопрос, мыслимо ли, чтобы четырехлетний ребенок мог различать такие тонкости. Правда, с точки зрения дела всей его жизни не так уж важно, когда именно его впервые заинтересовала эта тема. И читая Франкла, мы не склонны сомневаться в этом свидетельстве гениальности ребенка. Если описанное событие действительно имело место в столь раннем возрасте, то можно сложиться впечатление, будто вопрос о смысле волновал Франкла буквально с рождения. Однако при внимательном прочтении фразы становится понятно: Франкл не утверждает, что именно так думал в раннем детстве. Он лишь объясняет, что «никогда в жизни» не испытывал страха смерти, хотя его всегда заботил вопрос о бренности бытия.

⁶² 1.

⁶³ Frankl, 1982. С. 96.

⁶⁴ 9.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

Мне думается, что в четыре года Франкл действительно испытал описанное им переживание, но смог выразить его словами в более зрелом возрасте. Наверное, он внезапно осознал и почувствовал, что смерть, в глаза которой способны смотреть без страха многие дети, может разрушить естественную защиту, которую обеспечивала мальчику семья. Такое переживание, вполне доступное четырехлетнему, порождает вопрос: не слишком ли это прискорбно — обитать в мире, где может случиться нечто настолько тяжелое и страшное. Насколько это хорошо — жить при таких условиях? Подобные размышления о большой потере могут внезапно привести к интуитивному возникновению и восприятию вопроса о смысле, — даже если ему еще нет названия.

Мне этот эпизод представляется не признаком ранней склонности Виктора к философствованию, а проявлением его глубокой связи с семьей. Нам уже известно, что Франкл рос в атмосфере любви и защищенности, и даже взрослым сохранил ностальгию по этим ощущениям⁶⁸. Предчувствие потери рая, необходимости однажды расстаться с ним впервые пришло к Виктору в форме мысли о смерти. Он был так уверен в любви родителей, что не мог вообразить добровольного расставания с ними. Но смерть могла отнять у него родителей и разрушить рай. Это понимание озарило его внезапно, через осознание смертности. Страх потерять родных, остаться без защиты и тепла, оказаться нагим в холоде бытия, понимание, что этот рай еще не небо, сами по себе приводят к вопросу о ценности жизни. Осознание ее хрупкости приносит с собой размышления о смысле бытия: ведь эта ценность и красота так ненадежны и преходящи. Стоит ли радоваться жизни, если она когда-нибудь все равно закончится? Не мираж ли все это? Печаль о невозможности удержать чудо жизни может настолько омрачить существование, что жизнь потеряет смысл, ценность, целостность, перестанет казаться счастьем.

Что-то подобное открылось Франклу. Я очень хорошо понимаю это чувство, потому что и у меня были похожие переживания и сомнения, ответы на которые я нашел в книге Франкла «Врачебное душепопечение»^{69, 70} и подробно с ним обсудил. Мы говорили о переживании возможной утраты чувства защищенности и теплоты в бытии, и во многом мыслили сходно. Тогда же мне стало очевидно, что стойкое чувство защищенности, которое было у Франкла, поддерживалось в нем религией.

Среди детских воспоминаний Франкла есть рассказ о *сексуальном приключении*⁷¹. Однажды они с братом нашли в Венском лесу кон-

⁶⁸ 10.

⁶⁹ На рус. яз. название книги переведено как «Доктор и душа». — *Прим. науч. ред.*

⁷⁰ Frankl, 1982. С. 47, 85, 95.

⁷¹ 10 и далее.

верт с «откровенно порнографическими открытками». Оба «не были ни поражены, ни испуганы», а восприняли изображения как нечто совершенно естественное. Первый сексуальный опыт Франкл приобрел в восемь лет. У семьи была «бесшабашная, даже сумасбродная горничная», которая «отдавалась» Виктору и его брату «то одновременно, то порознь: позволяла нам обнажать низ ее живота, раздевать ее, играть с ее гениталиями. Чтобы побудить нас к этой игре она, например, ложилась на пол и притворялась спящей». Мальчики, как рассказывал с явным воодушевлением, уже в преклонном возрасте, Франкл, находили игру занятой и получали от нее удовольствие. Сегодня в подобных случаях мы говорим о сексуальном злоупотреблении. Оказал ли этот опыт влияние на психосексуальное развитие братьев? Внес ли он свой вклад в отношение Франкла к сексуальности — известную свободу и демистификацию, — к которому мы еще вернемся? Во всяком случае, для него самого это воспоминание являлось не травматическим, а наоборот — полным удовольствия.

Оба эпизода говорят о рано сложившемся, естественном, не стесненном никакими нравственными запретами отношении к сексуальности и об очевидной радости ее переживания. Впрочем, это свободное и радостное отношение могло быть связано и с духом венского *Fin-de-siècle*⁷², который для образованной буржуазии середины XIX в. стал проводником эстетической культуры. Благодаря этому названное сословие научилось ценить умение жить, что означало тогда повышенную чувствительность к своему психическому состоянию. В отличие от «общепринятой нравственной культуры европейской буржуазии», австрийцы начала XX в. были «испорчены и подточены безнравственностью принципа удовольствия»⁷³. Артур Шницлер блестяще описал этот период в своих пьесах.

Вопрос о смысле и в юности оставался для Франкла центральной темой. Он «буквально овладевал им... со всем радикализмом»⁷⁴. Если в четыре года он был испуган⁷⁵, то в пубертатный период подошел к этой теме «вовремя, как раз в тот момент, когда сущностные вопросы человеческого бытия открываются духовно зреющему и духовно ищущему молодому уму»⁷⁶. Он пишет, как однажды в средней школе вспылил, услышав от преподавателя по естествознанию, что жизнь микроорганизмов и человека в конечном счете «не что иное как процесс окисления»,

⁷² Декаданса. — *Прим. науч. ред.*

⁷³ Schorske, 1985. С. 7.

⁷⁴ Frankl, 1982. С. 10.

⁷⁵ 9.

⁷⁶ Frankl, 1982. С. 40.

горения. Франкл вскочил «и со страстью бросил ему в лицо: “Да, и какой же тогда в жизни смысл?”»⁷⁷ Ниже мы увидим, как вопрос о смысле ускользает от него.

В поисках смысла

Франкл всегда был очень пытлив: уже ребенком постоянно задавал вопросы, вечно хотел что-то выяснить, «знать еще и еще», по его собственному выражению⁷⁸. Он видел свою силу не столько в творческом переформулировании мыслей, сколько в настойчивом, последовательном их додумывании⁷⁹. Кроме того, Виктор был наблюдательным, удачливым экспериментатором и увлеченным молодым ученым. Он исследовал психо-гальванический рефлекс, проводя соответствующие опыты перед целой аудиторией⁸⁰, а позже работал экспериментатором в лаборатории физиологии эмоций под руководством Рудольфа Аллерса⁸¹. Уже в юности его интересовала натурфилософия, Франкл цитировал⁸² Вильгельма Оствальда⁸³ и Густава Теодора Фехнера⁸⁴. Он сделал ряд интересных выводов из наблюдений за пациентами, развил собственную теорию⁸⁵ в связи с «корrugатор-феноменом» (термин Франкла) о том, что непроизвольное подергивание брови — один из признаков шизофрении⁸⁶ и «ста-

⁷⁷ Frankl, 1982. С. 40.

⁷⁸ 12.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ 28.

⁸¹ 41.

⁸² 52.

⁸³ Вильгельм Оствальд (1853–1932), немецкий естествоиспытатель и философ, профессор, работал в Риге и Лейпциге, занимался физической химией (вывел закон разведения и правило ступеней превращения, названные его именем), теорией цвета и вопросами натурфилософии. Был сторонником «энергетического монизма», который трактует материальные процессы как форму проявления энергии, а нематериальные — как ее трансформации.

⁸⁴ Густав Теодор Фехнер (1801–1887), немецкий физик, психолог и философ, профессор физики в Лейпциге (1834–1839), с 1843 г. занимался антропологией и натурфилософией. Проводил исследования закона Ома и теории цвета. Под влиянием представления об одушевленности всей природы рассматривал объекты естествознания как наделенные душой и духом. Стремился осмыслить психическое физическими методами, и связь душа и тела — математическими (в 1860 г. расширил закон Вебера до «закона Вебера — Фехнера»). Стал таким образом основоположником экспериментальной психологии. Кроме того занимался исследованиями эстетического восприятия (1876).

⁸⁵ 52.

⁸⁶ Ср. Frankl, 1935.

рался учиться у пациентов»⁸⁷, намеренно забывая все, чему «научился в курсе психоанализа и индивидуальной психологии»⁸⁸. Франкл перешел тогда на сторону феноменологии и «хотел узнать, что он (пациент) делал такого, что его состояние улучшилось. Я старался учиться у пациента — слушать пациента»⁸⁹. В эти годы Франкл был увлечен объективностью, считал ее высшей человеческой добродетелью. Потому что объективность давала возможность максимально точно определить истинную цену любого дела, и особенно — человека. Франкл видел в ней единственный метод, приближающий исследователя к высокой цели — справедливости⁹⁰. То есть здесь мы говорим о периоде его духовной эмансипации: он отошел от традиционного образа мыслей ради поиска собственного пути. Путь этот был каменист, связан со многими разочарованиями, сомнениями и личными трудностями. Хотя вначале ничто не предвещало таких тягот.

К завершению пубертатного периода мы видим живого, энергичного, очень деятельного гимназиста, отличника, чьи интересы, впрочем, начинали уже выходить за рамки школьной программы. Его интересовали философия⁹¹, психология⁹² и политика⁹³. Еще учась в гимназии, он в течение нескольких лет являлся членом Союза социалистической рабочей молодежи, и в 1924 г. «некоторое время возглавлял Австрийский социалистический союз учащихся неполной средней школы»⁹⁴. Молодые люди особенно охотно дискутировали о Марксе и Ленине, а также — о выборе между Фрейдом и Адлером⁹⁵.

В этот переходный период, в возрасте 15–16 лет, начав, как пишет Франкл, философствовать⁹⁶, он отошел от унаследованного от родителей религиозного образа мысли и увлекся гносеологическими, интеллектуалистскими поисками абсолюта. Не в силах противостоять *психологистскому соблазну*⁹⁷, он оказался и под влиянием соблазна социологистского⁹⁸. Обе эти чудовищные словоформы — «психологистский» и «социологистский» — *порождение*

⁸⁷ 52.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Ср. с. 155 и далее.

⁹¹ 27, 36.

⁹² 28.

⁹³ 39, 40, 51.

⁹⁴ 39.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ 38.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ 39.

распространенных в то время учений. Психологизм сводит все человеческое поведение к интраспсихическим реакциям вроде конфликтов и влечений; социологизм делает то же самое, «понимая» человека как его тип реакции на социальные условия, которые не только с неизбежностью владеют, но и играют им. То есть человек — «не более чем» результат психических влечений и обстоятельств социума. Такому редукционизму соответствует так называемая детерминистская картина человека, которая отказывает ему в свободе воли. Интраспсихические реакции и социальные условия рассматриваются не только как обстоятельства жизни, но и как детерминанты, позволяющие нам, людям, лишь вести себя неизбежным образом — и только. Человек «должен» делать лишь то-то и то-то, и «не может» делать ничего другого, даже если он воображает, что свободен. По сути, этот ранний опыт стал отправной точкой в борьбе Франкла против такого понимания человека — в борьбе, которая привела к созданию логотерапии, делу его жизни (см. главу «Задача логотерапии Франкла», особенно с. 201).

Однако в юношеском возрасте Франкл был «слишком незрелым»⁹⁹, чтобы противостоять этим интеллектуальным и рациональным искушениям. Он стал нигилистом. Его вера в бога отошла на задний план, а потом и вовсе исчезла — на время. Ее сменили вера в науку и надежда на светлое будущее, вызванная революционными веяниями. Это было время мировых потрясений, и деятельная натура гимназиста требовала активного участия в грядущих переменах. За несколько лет до того в России произошла революция, и в Австрии распространилось молодое движение — социализм. В 1920-х гг. ожидание перемен особенно затронуло молодежь. После того как империя пала, Австрия — тот ее осколок, жизнеспособность которого вызывала у старшего поколения большие сомнения, — стала демократической. Социалистический период Франкла, начавшись участием в деятельности Союза социалистической рабочей молодежи (в рамках которой он сделал сотни докладов¹⁰⁰), закончился тем, что он примкнул к числу сторонников психотерапевта Альфреда Адлера¹⁰¹. Адлер, женатый на русской, был близок к кругу русских эмигрантов-социалистов. Он сочувствовал революции в Рос-

⁹⁹ 38.

¹⁰⁰ 51.

¹⁰¹ Альфред Адлер (1870–1937), австрийский психиатр и психотерапевт, ученик Зигмунда Фрейда. В 1911 г. отошел от Фрейда, является основателем «индивидуальной психологии». Центром мотивации человека считал, в отличие от Фрейда, не сексуальность, а стремление к власти и превосходству над другими. Не будучи удовлетворенным, оно вызывает чувство неполноценности, которое требует компенсации, конфликта с окружающим миром.

сии и являлся сторонником Троцкого¹⁰² (который в 1907—1917 гг. жил в Вене¹⁰³). В группе Адлера Франкл в конце концов познакомился с гуманистическими, экзистенциальными и религиозными взглядами Макса Шелера¹⁰⁴. Но только по прошествии долгих и нелегких лет этот образ мыслей привел его к созданию и развитию логотерапии. Франкл был благодарен Аллерсу¹⁰⁵, порекомендовавшему ему труды Шелера, и всю жизнь поддерживал отношения со своим учителем. Кроме всего прочего, Аллерс помог Франклу перебраться в США.

Между тем для Франкла настало время «бури и натиска». Виктор с его стремительно развивающимся интеллектом все больше тяготел к *психоанализу*. Его пытливый ум требовал ответов, а психоанализ, как ему казалось, мог полностью объяснить человека. Уже гимназистом Франкл посещал лекции учеников Фрейда Эдуарда Хичманна¹⁰⁶

¹⁰² Лев Троцкий (1879—1940), русский революционер и политик. Харизматичный соратник Ленина, соперник Сталина. Основатель Красной армии, создал предпосылки к победе большевиков в Гражданской войне 1918—1922 гг. Отправлен Сталиным в ссылку, изгнан из страны в 1929 г., убит в 1940 г. в Мексике.

¹⁰³ Handlbauer, 1984. С. 67.

¹⁰⁴ Макс Шелер (1874—1928), немецкий философ, профессор университетов в Кельне и Франкфурте-на-Майне. Логотерапия и экзистенциальный анализ в существенной мере основаны на феноменологии, философии и антропологии Шелера. Как ученик Рудольфа Эйкена и под влиянием феноменологии Эдмунда Гуссерля он основал «этику ценностей», в центре которой стоит «личность» (Person) с присущим ей интуитивным постижением ценностей («чувствованием ценностей»), которое стало у Франкла понятием совести. Шелер заново основал философскую антропологию, в которой положен в основу дуализм между духом и природой, или жизнью (виталистическая позиция) (этот дуализм стал у Франкла «психоэтическим антагонизмом»). Дух открывает человеку «мышление идей», оппозицию («сказать “нет”») в области воли, чувствование ценностей (например, любовь), потому что он освобождает его от связи с органическим. Благодаря духу человек обретает «открытость миру», что у Франкла переходит в открытость смыслу как призыву из мира.

¹⁰⁵ Рудольф Аллерс (1883—1963), д-р медицины, д-р философии, австрийский психиатр, психотерапевт (член Союза индивидуальной психологии до разрыва с Адлером в 1927 г.). Приват-доцент, работал в Мюнхене и Вене. Эмигрировал в США перед аншлюсом, профессор Американского католического университета и Джорджтаунского университета в Вашингтоне (округ Колумбия). Учитель Франкла; познакомил его с философией Макса Шеллера. Позже много внимания уделял философии.

¹⁰⁶ Эдуард Хичманн (1871—1957), австрийский врач и психоаналитик, перед войной эмигрировал в США. Соиздатель Международного психоаналитического журнала, первый биограф Фрейда.

и Пауля Шильдера^{107,108} и передавал свои знания о психоанализе соученикам¹⁰⁹ на семинарах и в школьных сочинениях. Он много читал, вступил в переписку с Зигмундом Фрейдом¹¹⁰ и писал ему всякий раз, когда что-то из его «обширного междисциплинарного чтения сюда (в теорию психоанализа) ложилось», и, по мнению Виктора, могло заинтересовать мэтра¹¹¹. Фрейд добросовестно отвечал ему на каждое письмо и благодарил.

Примером психологического мышления Франкла тех лет может служить сочинение о происхождении мимики согласия (соответствует встроеным жевательным движениям и движениям при совокуплении) и отрицания (вздрагивание при отвращении в процессе питания и половой жизни), которое он написал в ученическом, буквально психоаналитическом ключе. Это сочинение вместе с другими материалами он тоже послал Фрейду, и тот передал его в *Международный психоаналитический журнал*. Работа была опубликована в 1924 г. Лично Фрейд и Франкл не общались — если не считать случайной встречи на улице в 1924 г., когда Франкл уже попал «в сферу влияния Альфреда Адлера»¹¹².

Как произошла эта поразительная перемена? Что склонило Франкла к индивидуальной психологии Адлера, после того как он в течение нескольких лет был так увлечен психоанализом и способствовал его распространению? Определенно сыграло свою роль его большее политическое родство с Адлером, чем с Фрейдом, который не демонстрировал ни политических, ни идеологических предпочтений. Но решающим стало событие, произошедшее за несколько месяцев до случайной встречи с Фрейдом. Франкл описал мне это происшествие во всех подробностях, потому что считал его важным, «ключевым» для своего профессионального развития¹¹³. При случае он рассказывал об этом и в венских учеб-

¹⁰⁷ Пауль Шильдер (1886–1940), австрийский врач и психоаналитик, эмигрировал в Нью-Йорк. Известный популяризатор психоанализа в США.

¹⁰⁸ 29.

¹⁰⁹ 28.

¹¹⁰ Зигмунд Фрейд (1856–1939), австрийский врач и психотерапевт, основатель психоанализа и основоположник современной психотерапии. В качестве ключевой энергии человека Фрейд рассматривал сексуальное влечение (либидо), которое в терапевтическом отношении становится заметным и доступным лечению как «перенос». Его подавление приводит к неправильному развитию (неврозам) и защитным процессам. Вначале посредством гипноза, затем через истолкование сновидений (1900) ему удалось получить систематический доступ к бессознательному. В его картине человека, отличающей подверженное влечениям «оно» от рефлексированного «я» и осуществляющего цензуру влечений «сверх-я», «я» как интегрирующая сила стоит между запрещающим «сверх-я» и стремящимся к удовлетворению желаний «оно».

¹¹¹ 30.

¹¹² 31.

¹¹³ Frankl, 1994. С. 246.

ных группах Общества логотерапии и экзистенциального анализа (GLE). Тем удивительнее, что он не упомянул об этом в своей автобиографии. Но я желал бы исправить это упущение и воспроизвести его рассказ, потому что он имеет основополагающее значение для возникновения логотерапии. Хотя момент ее появления я бы привязал скорее к выступлению Франкла в 1927 г. в Дюссельдорфе, в котором он окончательно отмежевался от своего психологизма. К этому мы еще вернемся. Здесь же речь пойдет все-таки о зарождении логотерапии. Вот эта история:

После экзамена на аттестат зрелости Франкл подумывал пройти курс учебного психоанализа, чтобы в будущем стать психоаналитиком. Поэтому в одном из писем он спросил Зигмунда Фрейда, к кому можно обратиться с вопросом о прохождении анализа и вступлении в психоаналитическое сообщество. Фрейд ответил, что за индивидуальным анализом стоит обратиться к его ученику и тогдашнему секретарю общества Паулю Федерну¹¹⁴. Франкл договорился о времени визита и явился в назначенный час. Женщина провела его в рабочий кабинет. Федерн сидел за своим письменным столом — крупный, видный мужчина, брюнет с черной бородой. Не взглянув на Франкла, он молча указал ему на стул. Виктор сел. Через продолжительное время — может быть, минуты три-четыре, даже больше, — Федерн поднял голову, откинулся на спинку кресла и спросил высоким голосом, совершенно не связавшимся с его внешностью: «Ну-с, в чем заключается ваш невроз, г-н Франкл?» Для Франкла этот вопрос не был совсем неожиданным, однако прямота и бесцеремонность собеседника застали его врасплох, и он пролепетал что-то о своем «анальном характере» и «тревножно-навязчивых чертах». Федерн закончил разговор приблизительно через четверть часа, и порекомендовал перед прохождением учебного анализа окончить обучение, потому что обучение и анализ могут взаимно влиять друг на друга. И только тогда можно будет «думать о вступлении в психоаналитическое общество»¹¹⁵.

Франкл вышел и задумчиво направился к Дунайскому каналу. «И тут я прозрел»¹¹⁶. Чем дольше он размышлял о встрече с Федерном, тем яснее становилось неприятное чувство, которое все никак не отпускало его. Франкла беспокоили две вещи: во-первых, Федерн ради психоаналитической сдержанности не произнес ни слова приветствия, даже не посмотрел на него, когда он вошел в комнату. Может быть, Федерн был погружен в работу, но он ничего не объяснил и не извинился. А может, это была проверка фрустрационной толерантности Франкла или его способности тестировать реальность? Во-вторых, без лишних слов Федерн

¹¹⁴ Frankl, [1994. С. 246] по ошибке указывает здесь имя Эрнст, но Эрнст был сыном Пауля Федерна и также психоаналитиком.

¹¹⁵ Frankl / Kreuzer, 1986. С. 9.

¹¹⁶ Frankl, 1994. С. 246.

как нечто само собой разумеющееся приписал Франклу невроз и вокруг этого построил всю беседу. Значит, психоанализ не допускает личных разговоров, предварительных вопросов об интересе к этому методу и мотивации, о способностях и наклонностях? Чем дольше Франкл размышлял, тем меньше ему хотелось проходить учебный анализ. Нелепый фальцет, доносившийся из недр черной бороды, подчеркивал карикатурность ситуации, и это довершило дело. Франкл принял решение не начинать учебный анализ и на следующей неделе перешел в группу Адлера.

При встрече с Федерном Франкл испытал именно то, против чего выступал позже как создатель логотерапии. Он интерпретировал это событие как свою личную конфронтацию с психологизмом. Франкл впервые понял, что не хотел бы обладать таким видением человека. Эта встреча содержала для него двойной *редукционизм*: во-первых, отрицание человеческого измерения, которое соблюдению методики предпочитает человеческую встречу. Ни приветствия, ни извинения, ни объяснения, ни вступительного слова, ни понимания, ни рукопожатия при расставании. В корсете метода Франкл чувствовал себя предметом.

Во-вторых, проявление редукционизма можно было бы назвать *патологизмом*. Речь идет о видении сущности человека в его неврозе, вокруг защит и вытеснений которого строится все человеческое поведение. Франкл чувствовал, что Федерн воспринимает его сквозь призму предполагаемого невроза, а не как человека, который значительнее своих психических ограничений и фиксаций. Следуя своему чутью, Франкл отказался от психоанализа и все более от него отдалялся. Возможно, стоит упомянуть, что некоторые исследователи утверждают, будто именно Федерн отказал Франклу, когда тот просил в 1924 г. о начале учебного анализа. Об этом пишет, например, Тимоти Пайтелл¹¹⁷ — впрочем, без ссылки на источник¹¹⁸.

Еще в гимназии под влиянием психоанализа Франкл решил стать психиатром¹¹⁹. Расставшись с психоанализом, он несколько растерялся и одно время подумывал о карьере дерматолога или акушера. Что до его профессиональных устремлений, то «вскользь брошенное замечание одного из студентов-медиков произвело решительный поворот в жизни» Франкла. Студент полагал, что слова Серена Кьеркегора¹²⁰ об «от-

¹¹⁷ Pytell, 1977, С. 118.

¹¹⁸ Пайтелл (Pytell) преподает историю в Куперовском центре развития науки и искусства в Нью-Йорке. Пишет диссертацию об интеллектуальной жизни Виктора Франкла.

¹¹⁹ 32.

¹²⁰ Серен Кьеркегор (1813–1855), датский теолог, писатель и философ. Основатель экзистенциальной философии. Расходится с Гегелем относительно его основной идеи, касающейся сущности человека и его назначения. Согласно

чаявшемся, не желающем быть собою» очень подходят к его «заигрыванию с непсихиатрическими дисциплинами»¹²¹. Он имел в виду, что Франкл явно одаренный психиатр и сам это понимает. Несмотря на мимолетность ситуации, она привело к тому, что Франкл снова уверился в собственном таланте и признал психиатрию своей профессиональной стезей. Тем не менее у него не было ясных представлений о своей мотивации. Он заметил, что для него этот выбор включает в себе сильное искушение. Оно содержится в обещании «обрести власть над другими, владеть, манипулировать ими. Знание — это власть: когда мы хорошо знаем механизмы, которые определяют поведение людей, но неизвестны им, а нами изучены и осознаны, тогда у нас есть прежде всего власть над другими людьми»¹²². Так он переживал очарование гипноза, и поэтому уже «в 15 лет мог по-настоящему гипнотизировать»¹²³.

Таким образом, после своего психоаналитического периода, когда он изучал влечения, Франкл столкнулся с переживанием сильного стремления к власти — именно тогда, когда присоединился к сторонникам адлеровской теории, центральной темой которой как раз и являются власть и преодоление чувства неполноценности. Как Франклу удалось справиться со своей потребностью власти, что помогло ему перерасти это незрелое состояние¹²⁴, нам не известно, поскольку сам он об этом умалчивал. Упомянув в автобиографии о своем искушении, он по ассоциации перескакивает на применение гипноза и рассказывает несколько занимательных историй. Затем он возвращается к теме власти, описывая, как переживал это чувство во время чтения лекции и при лечении одной пациентки. Он чувствовал, что слушатели «были глиной в руках горшечника», и что пациентка, страдавшая от тяжелого невроза навязчивых состояний, по мере его убедительной речи становилась все спокойнее. «Каждое слово... явно падало на благодатную почву. И я снова чувствовал — глина в руках горшечника...»¹²⁵ Оба раза он использовал власть, данную ему сначала как лектору, потом — как врачу и психотерапевту, чтобы помочь, даже «спасти», по его словам.

Гегелю «синтез» конечного и бесконечного, то есть преодоление и снятие разрыва между ними, является неотъемлемой частью определения человека, задачей его экзистенции. По Кьеркегору, напротив, задачей экзистенции не может являться преодоление (трансценденция) конечного в пользу бесконечного. Человек в своем бытии характеризуется тем, что занимает позицию в отношении бесконечного и своего собственного конечного бытия, «выбирает себя». Экзистенция характеризуется свободой такого выбора и страхом.

¹²¹ 32.

¹²² 34.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ 36.

Если изначально власть и была важна (в первую очередь для чувства самооценности), то вскоре она отошла на второй план¹²⁶.

Решение Франкла стать психиатром — плод многолетних увлеченных занятий философией, психологией и медициной¹²⁷. Дружеский намек коллеги на его психиатрическую одаренность и признанная им самим потребность власти¹²⁸ сыграли решающую роль. Как психотерапевт он отказался от редукционистского психоанализа 1920-х гг. в пользу Адлера, «потому что он в отношении мировоззрения ушел дальше Фрейда»¹²⁹. 23 ноября 1925 г. Франкл сдал экзамен в венской секции Международного союза индивидуальной психологии и получил диплом¹³⁰. Там он обрел учителей, Рудольфа Аллерса и Освальда Шварца^{131, 132}, которые произвели на него сильное впечатление и длительное время оказывали влияние на его развитие. Зная, как сложилась его жизнь, мы можем сказать, что здесь юный Франкл с его неутомимо ищущим духом встретил наконец единомышленников, способных подсказать ему пути развития, которые в конечном счете вернули скитальца на круги своя — к его собственным способностям. Но прежде ему предстоял нелегкий путь.

Стоило Франклу найти в Аллерсе духовного лидера и образец для подражания, мудрого наставника и попутчика, как жизнь обрушила на него целый шквал ударов и страданий. Первый кризис случился именно из-за приверженности Аллерсу. За счастье найти наконец учителя Франклу пришлось заплатить ухудшением отношений с Адлером. Последовавшее за этим исключение из союза индивидуальной психологии ввергло Виктора в состояние пустоты и растерянности, длившееся около десяти лет. Окончание кризиса пришлось уже на период национал-социализма. Затем последовал третий и особенно тяжкий этап страданий — пребывание в четырех концлагерях. Последний кризис начался с освобождением — когда Франкл узнал о смерти близких. Если не считать короткого периода счастья, связанного с женитьбой на фрау Тилли — первой супруге Франкла, то время бед и испытаний охватывает больше 20 лет — с 1926 по 1946/47 гг. Считается, что эти 20 лет существенно повлияли на его жизненную позицию, особенно годы, проведенные в концлагерях. Может быть, так и есть; однако нужно помнить, что Франкл уже до этого считал своим призванием борьбу со страданиями, нуждой и отчаянием.

¹²⁶ 35.

¹²⁷ 32.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Titze, 1985. С. 36.

¹³⁰ Handlbauer, 1984. С. 440.

¹³¹ Освальд Шварц был ведущим представителем индивидуальной психологии до его выхода из союза в 1927 г., и пионером развития психосоматики.

¹³² 41.

Но, возможно, тяжелые испытания придали его гуманизму особую глубину. Пройдя сквозь эти роковые годы, он научился не просто сострадать, а вырос в глашатая страдающего человека и борца с бессмысленностью. Слишком много выпало на его долю и страданий, и бессмысленности.

Но вернемся к началу испытаний. Стоило Франклу познакомиться и сблизиться с обоими учителями, как назрел первый кризис. Аллерс и Шварц, представители антропологической позиции, так же как и Фриц Кюнкель, к тому времени уже отошли от линии Адлера¹³³, а на открытом заседании 1927 г. заявили о своем выходе из союза индивидуальной психологии¹³⁴. Они принадлежали к религиозно настроенным соратникам Адлера¹³⁵, но разногласия не были связаны с мировоззрением. Выход учителя из союза имел серьезные последствия для Франкла. Потому что он видел себя в первую очередь учеником Аллерса и Шварца, и только потом — самого Адлера. Я понял это особенно отчетливо, когда в конце 1980-х гг. назвал Франкла «учеником А. Адлера». Франкл, корректируя текст, подчеркнул этот пассаж и сказал мне, что никогда не считал себя его учеником и не хотел бы таковым числиться¹³⁶. Он чувствовал себя связанным с Адлером, ценил его и не видел оснований выходить из союза. Но у него никогда не было тесного контакта с Адлером. Тот придерживался манеры, не подразумевающей прямого общения с учениками. Они должны были говорить с «главным» через «старосту» из числа «старших врачей». Благодаря этой иерархии Аллерс и Шварц были Франклу ближе, чем Адлер.

У меня часто возникало чувство, что, даже не принимая во внимание традиционную дистанцированность Адлера, личности Шварца и Аллерса произвели на Франкла большее впечатление. Адлер ему не нравился. Он был слишком авторитарным, а его мышлению недоставало научной или, скорее, философской глубины. Едва ли Франкл когда-либо говорил о своей оценке личности Адлера. В узком кругу он мог при случае упомянуть, как заметил в интервью мексиканскому логотерапевту Парехе¹³⁷ что у Адлера «отсутствовал орган восприятия философских вопросов». В своей «превосходной книге» о смысле жизни, говорит Франкл, Адлер дает ответ, не задав вопроса. Он с самого начала исходит из того, что смысл в жизни есть и что задаваться этим вопросом — ошибка. В остальном об отношении Франкла к Адлеру можно судить только по мимолетным замечаниям¹³⁸ и из сравнительного анализа характеров обоих. Здесь

¹³³ Titze, 1985.

¹³⁴ 42.

¹³⁵ Handlbauer, 1984. С. 135.

¹³⁶ См. также с. 43.

¹³⁷ Pareja, 1984, С. 25.

¹³⁸ 31, 43.

мы снова встречаем типичное для Франкла нежелание плохо говорить о людях. Исключительно редко он высказывался о ком-либо критически. Напротив, если похвала представлялась ему мало-мальски уместной, она у него не задерживалась. Это часто мешало ясно понимать его позицию, потому что только близко знающим его людям было известно, что отсутствие похвалы со стороны Франкла можно считать недовольством. Более того, его позиция стала неопределенной, когда в честь празднования 100-летия Адлера¹³⁹ по просьбе журнала индивидуальной психологии Франкл выразил «требуемое почтение», оставив критику при себе¹⁴⁰. Это тоже черта, которая исходит не столько из приближенности, сколько из стремления держать почтительную дистанцию. Мы уже встречались с ней, говоря о родителях.

В 1982 г. Франкл в выступлении на XV всемирном индивидуально-психологическом конгрессе в Вене подчеркнул свою связь с этим направлением. Он не отрекся от «пуповины, которая — по-прежнему — связывает меня с индивидуальной психологией»¹⁴¹. Ученый еще раз подчеркнул, что у него не было причин выходить из союза, и он, возможно, до сих пор оставался бы в индивидуальной психологии, если бы разрешил Адлер.

Несмотря на дистанцирование, а потом и выход из союза, Франкл кое-что перенял у Адлера как с точки зрения практики, так и теории. Например, научился у него полезной, подтвержденной опытом психотерапевтической практике. Франкл видел в нем «предтечу экзистенциальной психиатрии»¹⁴². Уже на девятом десятке он любил цитировать Адлера. Вот цитата, к которой он обращался чаще всего: «Человек не обретает опыт — человек его *создает*». Конечно, эта мысль соответствовала взглядам Франкла. Человек не психофизическая машина. Главное в нем — духовная сущность. Так что опыт не просто воспроизводится в человеке, как на фотопленке. Его не собирают, как книги в библиотеке. Напротив, человек деятельно и конструктивно участвует в возникновении своего опыта, причем его решения и действия существенно влияют на этот опыт. Хотя у нас «есть» переживания, мы их «обрабатываем, чтобы они стали» опытом. Слова Адлера проясняют, «что это зависит от человека — дает ли он вообще окружающему миру влиять на себя, — и как»¹⁴³.

Мало кому известно, что даже основной идеей логотерапии Франкл обязан Адлеру. Виктор находил, что эта мысль — «коперниканский переворот», и под этим названием положил ее в основу логотерапии.

¹³⁹ Frankl, 1984. С. 249.

¹⁴⁰ Journal of Individual Psychology. 1970. №. 26. P. 12.

¹⁴¹ Frankl, 1971. С. 64.

¹⁴² Frankl, 1987. С. 249.

¹⁴³ Там же.

Коперниканский — или, как мы говорим сегодня, «экзистенциальный переворот»¹⁴⁴ — это новый взгляд на отношения человека с жизнью, который ставит во главу угла не запросы человека к ней (при таком отношении ускользает смысл бытия), а напротив — запросы жизни к человеку. Речь идет, скорее, о том, чтобы позволять жизни обращаться к нам и внимательно следить за тем, чего она от нас ждет. Это вопрос понимания требований часа, мига, ситуации, — и личного ответа на эти требования¹⁴⁵. В пометке к одной статье Франкл заметил, что по сути эта мысль принадлежит Адлеру, но он не сумел четко ее сформулировать и развить.

Примкнув к последователям Адлера, Франкл учился у Аллерса экспериментальной работе в лаборатории психологии эмоций. Но величайшей заслугой Аллерса стало то, что он познакомил Франкла с философией Шелера. Чтение трудов последнего несомненно послужило главным толчком к глобальным внутренним переменам на раннем этапе научной карьеры Франкла. Позже философия и антропология Шелера легли в основу логотерапии и экзистенциального анализа.

К этому времени Франкл *неожиданно обнаружил, что вовлечен в водоворот конфликта* вокруг своего учителя. Ему было нелегко перенести тот факт, что Адлер со дня выхода Аллерса из союза больше не сказал ему ни слова, даже не отвечал на приветствие Франкла, «когда я, придя как обычно по вечерам в кафе Сильер, приближался к столику, который он традиционно занимал. Он не мог вынести, что я не принял безоговорочно его сторону»¹⁴⁶.

Через несколько месяцев Франкл был «окончательно, с соблюдением всех правил, исключен из союза индивидуальной психологии»¹⁴⁷. «Исключение глубоко задело меня»¹⁴⁸. Франкл потерял область приложения для своей интеллектуальной деятельности и отношения с коллегами. Лишь немногие сохранили «если не научную, то хотя бы человеческую верность»¹⁴⁹ ему.

Но он потерял больше, чем свой научный круг. Общение с учителями скоро стало редким, а потом и вовсе прервалось. Он снова был представлен самому себе. К тому же, закрылись его проекты. Уже составлен-

¹⁴⁴ Längle, 1994. С. 17.

¹⁴⁵ См.: Frankl, 1982. С. 72.

¹⁴⁶ 43.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Frankl, 1994. С. 249.

¹⁴⁹ Эрвин Вексберг, Рудольф Драйкурс, Александер Нойер (Frankl, 1994. С. 250) и дочь Адлера Александра, с которой он встретился в Америке и затем, когда ему было уже за восемьдесят, в Вене. С сыном Адлера Куртом он не встречался.

ная для издательства Хирцель книга с его новыми идеями, для которой его учитель Шварц написал восторженное предисловие, так и не вышла в свет. Лишь в 1939 г.¹⁵⁰ Швейцарский медицинский еженедельник¹⁵¹ опубликовал краткое резюме этого труда. Журнал по индивидуальной психологии «Человек в быту», который издавал Франкл, пришлось закрыть. Так Франкл, по его словам, лишился научной трибуны¹⁵². Он был глубоко ранен и чувствовал себя изгоем. Отголоски этой драмы звучали и в старости, когда он писал в своей биографии, что «больше никто не мог сказать о том, что логотерапия — это просто “высшая степень развития адлерианской психологии”, и не представляет собой никакого “направления исследований *sui generis*”^{153, 154}». Потому что никто не обладал авторитетом Адлера, чтобы определить, «действительно ли логотерапия еще является индивидуальной психологией, или уже давно — нет». Когда в конце главы Франкл пишет об Адлере: *Roma locuta, causa finita*¹⁵⁵, это звучит как горестное «и хватит об этом»¹⁵⁶.

Самоуправство Адлера и ненаучный подход, который привел к исключению Франкла из союза индивидуальной психологии, на всю жизнь остались для него примером того, каким не должно быть научное сотрудничество в психотерапии. Зная это, лучше понимаешь его антипатию к логотерапевтическим сообществам и учреждению школ (см. раздел II, главу «Отношение Франкла к политике», с. 165).

Шок, причиненный исключением, прервал последовательное течение жизни Франкла. Хотя впервые он сказал о логотерапии уже за год до этого события (1926) в своем выступлении¹⁵⁷, а в 1927 г. изложил исходные соображения в пользу смены парадигмы в психотерапии (преодоления психологизма) в книге — то есть вплотную подошел к содержательной части логотерапии, — активно продолжить работу ему не удалось. Я думаю, прежде всего это было связано с потерей научной среды. Франклу не приходило в голову основать собственную школу на базе своих идей. Он видел в них важный элемент индивидуальной психологии, который мог бы быть «приобщен к антропологическим основам индивидуальной психологии»¹⁵⁸. Он хотел преодолеть психологизм внутри индивидуаль-

¹⁵⁰ 41.

¹⁵¹ Повторно напечатано в: Frankl, 1994. С. 37–46.

¹⁵² 43.

¹⁵³ Особого рода (лат.). — Прим. науч. ред.

¹⁵⁴ 43.

¹⁵⁵ «Рим высказался, дело закончено» (лат.). — Прим. науч. ред.

¹⁵⁶ 43.

¹⁵⁷ 44.

¹⁵⁸ Frankl, 1994. С. 248.

ной психологии¹⁵⁹. Теперь эта возможность для него закрылась. Поэтому он полагал, что идеи по преодолению психологизма ценны в качестве поправки к учению существующих школ, но сами по себе не открывают нового направления психотерапии.

Всю жизнь Франкл защищал в печати представление, что он «создал логотерапию только как дополнение, а не как замену психотерапии»¹⁶⁰. Возможно, «так и не перерезанная пуповина с индивидуальной психологией» также являлась причиной того, что впоследствии он всегда называл логотерапию расширением психотерапии и только в разговорах с логотерапевтами говорил о ней как об отдельном направлении. Я думаю, Франкл до последних лет жизни видел, чего не хватает логотерапии, чтобы ее можно было во всеуслышание объявить самостоятельным направлением психотерапии. Помимо объективных причин (см. главу о его деятельности, с. 207 и далее), была там, я полагаю, и боязнь впасть в высокомерие. Но втайне Франкл все-таки желал выделения логотерапии в особое направление. Поэтому он изменил формулировку Адлера на позитивный вариант, за что его и исключили из союза индивидуальной психотерапии. Это тоже характерно для Франкла. Вначале исключение из союза означало для него, что логотерапия не относится к индивидуальной психологии. Со временем же оно стало свидетельством в пользу того, что логотерапия — это «нечто другое»: самостоятельное «исследовательское направление». Он приписал Адлеру, что тот первым указал на самостоятельность логотерапии, по крайней мере, в вопросе научных исследований уже тем, что отказался признать ее место в индивидуальной психологии.

После исключения из союза индивидуальной психологии Франкл оказался в некотором роде выброшенным на улицу. У него начались «годы учебы и странствий»¹⁶¹. В тени внешних событий зародыш логотерапии развивался медленно. В отсутствие учителя и психотерапевтического сообщества чтение не давало прежнего парникового эффекта. Поэтому в последующие годы Франкл обратился к практике и занимался главным образом неврологическими исследованиями.

Но сначала он — следуя принципу индивидуально-психологической ответственности за социально незащищенных — организовал в 1928 г. консультацию, куда молодые люди могли бесплатно обращаться со своими проблемами¹⁶². Всю жизнь Франкл очень гордился этой деятельностью. В ней проявились две сущностные черты его личности: *бескоры-*

¹⁵⁹ Там же. С. 247.

¹⁶⁰ Frankl, 1994. С. 249 и в: [1946] 1982. С. 242, 25, 18; [1947] 1991. С. 42 и далее, 103.

¹⁶¹ 47.

¹⁶² Там же.

стие и социальная ответственность. Организация таких консультаций неизменно оставалась в числе его психологических интересов. Основание журнала «Человек в быту» и сотни публичных выступлений были явно подчинены высокой цели оказания духовно-психологической помощи населению в преодолении удушливой повседневности. Франкл стремился способствовать распространению образа мыслей, который, как он с удовольствием говорил, помогал бы «простым людям с улицы» формировать свою жизнь, был страховкой и ориентиром для преодоления трудностей и ощущения бессмысленности существования. В этом он видел защиту от психических расстройств. Такие устремления Франкла возможно было реализовать задолго до развития логотерапии. В этом уже проявлялось «врачебное душепопечение», — так позже была названа его первая книга о логотерапии.

Как Франкл пришел к идее основания молодежной консультационной службы? Этот вопрос останется, по-видимому, будущим исследователям. Судя по автобиографии¹⁶³, идея, программа, инициатива и исполнение принадлежат ему самому. В другом месте он пишет, что ему в рамках программы «Молодежь в беде», организованной Венской палатой рабочих и служащих¹⁶⁴, поручили оказывать психиатрическую помощь юным безработным¹⁶⁵. Позже Франкл ссылается на свой опыт работы «в рамках основанной и управляемой Вильгельмом Бернером до 1938 года венской антикризисной консультации — практически первой в своем роде»¹⁶⁶. Как рассказывал мне Франкл, Бернер был руководителем венского Общества спасения. По моим сведениям, и программа Палаты рабочих и служащих, и учрежденные Бернером, а затем руководимые Франклом «кризисные консультации» — одно и то же начинание¹⁶⁷. Фиццотти¹⁶⁸ расхваливает личную инициативу Франкла, который в многочисленных публикациях 1926—1927 гг. в журнале «Человек в быту» указывал на необходимость создания кризисных консультаций для молодежи, снова и снова привлекая внимание к нуждающимся. В 1927 г. Франклу наконец удалось, «несмотря на сопротивление», открыть первую службу и

¹⁶³ 47.

¹⁶⁴ Организация, представляющая социально-экономические и культурно-образовательные интересы работающих по найму. — *Прим. науч. ред.*

¹⁶⁵ Frankl, 1990, С. 85.

¹⁶⁶ Там же. С. 88.

¹⁶⁷ Американский историк Пайтелл (1997, 106) не согласен, что «в 1928 году Франкл вместе с Пецлем создавал консультации для безработных и суицидально-опасных молодых людей». Пецль был к тому времени завкафедрой психиатрии в Вене и старшим другом Франкла. Мы еще будем говорить о нем. Биограф Адлера Бернхард Хандльбауэр отмечает, что Франкл организовал эти молодежные консультации вместе с Леопольдом Боком (Handlbauer, 1984. С. 166).

¹⁶⁸ Fizzotti, 1970. С. 3.

опубликовать в своем журнале список консультантов и их расписание. В результате в 1931 г. не было ни одной попытки самоубийства среди выпускников школ.

В одной радиопередаче вскоре после смерти Франкла комментатор коротко изложил его биографию — вероятно, по источникам, предложенным Институтом Виктора Франкла. В передаче прозвучало, что Франкл основал консультативную службу «по заказу Палаты рабочих и служащих». Мне это кажется интересным с точки зрения понимания его личности. Если предположить, что инициатива создания служб исходила от Франкла, значит, предпринимательская жилка была выражена в нем сильнее, чем нам казалось. Сам он никогда не создавал организаций и компаний («Австрийское общество медицинской психотерапии» он основал по настойчивым просьбам Тюбингенского психиатра Эрнста Кречмера¹⁶⁹). Франкл предпочитал присоединяться к другим. Как мы увидим, нехватка организаторских способностей в значительной степени способствовала научному застою и внутренней дезориентации Франкла в последующие годы.

Впервые он выступил с лекцией о смысле в 16 лет¹⁷⁰. С 1927 г. такие доклады стали регулярными¹⁷¹. При этом их главной темой было не столько лечение психических нарушений, сколько профилактика, психогигиена¹⁷², которую Франкл предлагал осуществлять, рассказывая пациентам, как устроен внутренний мир человека, и знакомя их с помогающей в жизни философией. Очевидно, что это стремление воплощалось Франклом в консультациях, где в первую очередь занимались не нарушениями и их лечением, а профилактикой и поддержкой человека. Такой вид помощи особенно подходит для молодежи.

Эти идеалистические устремления Франкла дополнялись другой его способностью: *ораторской*. Уже в 1927 г. он знал о ней. Его выступления пользовались большим успехом¹⁷³. Франкл был самым посещаемым лектором в Народном университете¹⁷⁴. Он нравился себе как оратор и откровенно использовал свой дар, чтобы производить впечатление на девочек и женщин¹⁷⁵. Позже, после войны, коллеги, отдавая дань его

¹⁶⁹ Эрнст Кречмер (1888—1964), немецкой психиатр, профессор в Тюбингене (1923—1926) и Марбурге (с 1946 г.). Исследовал связь телосложения и характера. Создал типологию (описание астенического, пикнического и атлетического типов).

¹⁷⁰ 36.

¹⁷¹ 50, 55.

¹⁷² 35.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ 50.

¹⁷⁵ Там же.

ораторскому дару, прозвали его «Неврогеббельсом»¹⁷⁶. Этот талант и сопутствующий ему успех все больше усиливали тягу Франкла к публичным выступлениям. В пустоте, наступившей после исключения из союза индивидуальной психологии, именно ораторская деятельность приносила Франклу особое удовлетворение и чувство реализованности. И эта деятельность была ему ближе, чем индивидуальная психотерапевтическая практика. (Он имел возможность практиковать и пока был студентом-медиком в университетской клинике, и когда стал профессиональным психиатром.)

Чувство *социальной ответственности* сохранилось у Франкла и после исключения из союза индивидуальной психологии. При этом он бессознательно шел по стопам отца, который работал в отделе по делам несовершеннолетних¹⁷⁷ и этим, возможно, подал сыну пример. Франкл хотел предложить школьникам и молодежи помощь, о которой они сами еще не просили. Она должна была способствовать улучшению их жизни в той области, где они не ждали поддержки, и вообще не представляли, что в этой области можно оказать содействие. Он хотел консультировать их бесплатно. Всю жизнь он боролся за то, чтобы люди не лишались необходимой им помощи из-за отсутствия средств. Он сам был знаком с нуждой и знал по рассказам отца, каково это — быть бедным. Где молодые люди, не встречающие дома понимания, могут раздобыть денег, чтобы оплатить необходимую им помощь? А насколько это было трудно в межвоенные годы, отмеченные массовой безработицей! Франкл ответил на требование времени, отмеченного тяжелым экономическим положением. Он должен был действовать. Он чувствовал давление нужды и хотел сделать все возможное, чтобы бедность не приводила к отчаянию.

Так, после болезненного исключения из союза индивидуальной психологии Франкл быстро нашел новую задачу, которая немедленно поглотила его¹⁷⁸ и совершенно не оставляла времени на печальные думы. Несмотря на утрату круга общения и части своих жизненных целей, он снова обрел смысл: помогать другим людям справляться с тяготами жизни. Его социальная ответственность зиждилась на идеализме и любви к риторике. Разобщенный с Адлером, в душе он еще долгие годы оставался адлерианцем, пусть и осиротевшим. Однако работая в больнице, он пытался «забыть, что учился психоанализу и индивидуальной психологии»¹⁷⁹. Франкл старался учиться у пациентов. Он особенно стремился узнать у них, какие их действия приводили к улучшению состояния. Виктор про-

¹⁷⁶ 55.

¹⁷⁷ 50.

¹⁷⁸ 48.

¹⁷⁹ 55.

должал свое психотерапевтическое образование на практике и тренировался в феноменологической открытости в разговорах с пациентами.

Параллельно с выполнением своих социальных обязательств, Франкл окончил в 1930 г. университет и с 1930 по 1936 гг. проходил специализацию по неврологии и психиатрии. После работы в психиатрической университетской клинике под руководством Отто Пецля, еще в 1930 г. он был принят в неврологическую лечебницу «Ам розенхюгель»¹⁸⁰. Затем с 1931 г. в течение двух лет работал в госпитале «Замок Марии-Терезии» у известного невролога Йозефа Герстманна¹⁸¹, а следующие четыре года (до 1937 г.) — в психиатрической больнице «Ам штайнхоф»¹⁸². Там он общался с большим количеством людей, склонных к суициду. Сам Франкл говорил, что за четыре года через его руки прошло три тысячи таких пациентов, что означает два-три приема в день. Такая нагрузка не оставляла много времени на беседы. Франкл вынужден был ограничиваться короткими интервенциями, которые ему удавались.

Несмотря на сравнительно высокую загруженность при прохождении специализации (в то время врачей на каждое отделение приходилось немного, и Франкл зачастую работал один), на большой объем общественной работы в молодежной консультации и на постоянные выступления, у него постепенно появлялось *чувство пустоты* и непреходящей внутренней неуверенности. Свое влияние оказало и медленное умирание социализма после 1927 г.¹⁸³ Теперь Виктор «потерялся» и в политическом смысле, что усилило его чувство неприкаянности, оторванности от корней.

Франкл не говорит об этом в автобиографии явно, но дает понять, насколько ему было тяжело. «Будучи молодым врачом, во времена работы в госпитале Марии-Терезии и в Штайнхофе по субботам я коротал время в варьете», — пишет он¹⁸⁴. Имеется в виду период с 1931 по 1936 г., когда ему было от 26 лет до 31 года. В рукописи он называет эти посещения «убийством времени»¹⁸⁵. Там же он пишет, что ему случалось «кувыркаться с женщинами», что доставляло ему большое удовольствие. Но при этом его преследовало «нехорошее чувство», что ему стоило бы лучше распоряжаться своим временем — например, «записывать мыс-

¹⁸⁰ 36.

¹⁸¹ Йозеф Герстманн (1887—?), венский невропатолог, председатель неврологического госпиталя «Замок Марии-Терезии». Его именем назван синдром угловой извилины («ангулярный синдром», 1927), со следующими симптомами: агнозия пальцев, аграфия, акалькулия и нарушение право-левой ориентировки.

¹⁸² 52.

¹⁸³ Pytell, 1997. С. 106.

¹⁸⁴ 14.

¹⁸⁵ MS. С. 14.

ли, чтобы опубликовать их»¹⁸⁶. Только позже он понял, что с женщинами «лишь искал забвения»¹⁸⁷. Что касается его усердия, то, вероятно, после концлагеря он изменился. Теперь в выходные он стал «жертвовать скалолазанием ради диктовки моих книг»¹⁸⁸.

В то время, надо сказать, он не особенно стремился развивать свои идеи. Однако первые контуры нынешней логотерапии уже существовали, и в 1926 г. слово «логотерапия» впервые прозвучало в его выступлении. Уже появились отдельные, но значимые фрагменты его концепции. Прочитав Шелера в 1929 г. он нашел ядро «учения о смысле», три категории ценностей. Они дают человеку принципиальную возможность находить смысл в жизни: через созидание, переживание и конструктивный взгляд в страдании. В том же 1929 г. он разработал (видимо, в рамках шуточной игры с пациентом, страдающим фобическим расстройством) технику парадоксальной интенции. Однако прошло десять лет, прежде чем он ее опубликовал.

Что он пытался заглушить в себе в эти годы? Чего ему недоставало? Зачем ему было «убивать время»? Что его угнетало?

Может быть, застой в развитии логотерапии?

Или изоляция от сообщества адлерианцев, которая и годы спустя заставляла его чувствовать себя безродным?

Или неспособность к организационной независимости, самостоятельному структурированию жизни, с которой он тогда впервые столкнулся и которая парализовала его?

А может быть, он испытывал душевную боль? Страдал от одиночества? Ему тогда не хватало прочных отношений.

Выросло ли это его чувство неприкаянности из ослабления связи с родительской семьей, к которой он испытывал детскую привязанность, и в которой, став взрослым, чувствовал себя не так уютно?

Именно тогда Франкл мог впервые понять, что эмоциональная сторона его жизни обеднена¹⁸⁹. Позже тест Роршаха показал ему то, о чем он давно уже знал: у него «очень большой разрыв между выраженной рациональностью и глубоко спрятанной эмоциональностью»¹⁹⁰.

Все признаки определенно указывают на то, что Франкл страдал от чувства пустоты (апатии) и скуки, связанных с отсутствием интереса и нехваткой инициативности. И это вело к «глубокому чувству бессмысленности» — точно тому состоянию, которое он позже назвал *экзистенциальным вакуумом*. В этом экзистенциальном вакууме «буйно

¹⁸⁶ 14.

¹⁸⁷ MS. C. 14.

¹⁸⁸ Ср. главу об эмоциях, с. 116 и далее.

¹⁸⁹ 4.

¹⁹⁰ Frankl, 1982. 161.

расцветает сексуальное либидо», как он писал в 1946 г. в своей книге «Врачебное душепопечение»¹⁹¹. Франкл пытался заглушить в себе эту скуку и пустоту. Он испытал на себе тот симптом, о котором столько говорил потом. Точно так же в пору гимназической юности он прошел через нигилизм, против которого затем всю жизнь выступал. Такой вывод можно сделать на основании имеющихся материалов и рассказов, но в первую очередь — по интенсивности его борьбы против экзистенциального вакуума. Потому что о тех годах Франкл мало рассказывал даже близким.

Чтобы поговорить о причинах затяжного кризиса, который длился у Франкла более десяти лет — вплоть до прихода к власти национал-социалистов — лучше всего прибегнуть к терминологии логотерапии. Кроме того, с точки зрения позднейших представлений логотерапии мне видится интересным воспользоваться собственной классификацией Франкла, потому что в те годы ему пришлось испытать свою будущую теорию на себе.

Примечательно, что в годы кризиса Франкл не страдал от недостатка активности. Однако ни его работа, ни досуг (выступления, ораторские успехи, любовные похождения) не приносили ему настоящего удовлетворения. При всей внешней загруженности, ему не хватало глубокой ценности, задачи, в которой он чувствовал бы свое призвание¹⁹². (Найди он такую цель, никакие жизненные обстоятельства не помешали бы ему заниматься ею.) Хотя он был врачом до мозга костей, его призвание состояло в чем-то еще. То, что потом стало делом его жизни, тогда еще не открылось ему. После исключения из союза индивидуальной психологии у него не было ни среды, которая подпитывала бы его духовно, ни учителя, который помог бы в дальнейшей работе над развитием логотерапии. Франкл тех лет и его «беременность логотерапией», в которой он застрял на годы, вызывают у меня тягостное чувство. Он работал врачом, а психотерапия — дело его жизни — простаивала. Выступления доставляли ему удовольствие, они шли на пользу его самооценности, но не давали ощущения исполненности. Несмотря на большую и разноплановую занятость, его собственные «ценности созидания» терпели поражение.

Похожим образом обстоит дело с *ценностями переживаний* — второй категорией, позволяющей достичь переживания полноты и осмысленности жизни. Ценности переживания Франкл ставил на второе место

¹⁹¹ Ср. его ощущения по возвращении из лагерей, когда он прямо сформулировал такое определение (82).

¹⁹² Франкл пишет, например: «Если я приезжаю в какой-нибудь чужой город, то у меня, честно говоря, возникает чувство вины, если я стану осматривать достопримечательности, не прочитав прежде доклада, то есть не заслужив для себя этого удовольствия» (MS. С. 53).

после ценностей созидания. Его активность и поиск жизненной задачи, так же как и его сдержанное отношение к эмоциональности, оставляли переживания в тени деятельности. Таков был в те годы его удел. Восприятие красоты и ценности давалось Франклу труднее, чем творчество¹⁹³. Эмоциональная сторона его жизни становилась все более ущемленной. Кроме того, он был слишком взрослым, чтобы довольствоваться теплом родительского дома, а подруги у него не было. К тому же изоляция от научного сообщества привела к значительным потерям в отношениях. Короче говоря, он оказался тогда вне сферы чувств и отношений, а собственного пути еще не нашел.

При этом внешне все выглядело хорошо. У него была работа, проекты, неплохая репутация и интересная деятельность. Ему не на что было жаловаться. Однако именно это сравнительное благополучие закрыло ему третий путь к осмысленной жизни, — Франкл назвал его *ценностями отношения*. У его страдания не было имени, оно не касалось другого человека, и не могло превратиться в «достижение», — как выражается Франкл, описывая ценности отношения. Он страдал, не имея однако «ради чего», для своих страданий. Последнее внезапно изменилось с приходом национал-социализма, когда у Франкла появилась цель: спасти пациентов от эвтаназии и защищать родителей от депортации в концентрационный лагерь.

Национал-социализм и депортация в концлагерь

В 1938 г., с приходом к власти в Австрии национал-социалистов, для Франкла начался новый тяжелый период. Похоже, что в то время рок ополчился на него. Еще не закончился его внутренний кризис, а уже подступали внешние беды. Франклу и его семье война угрожала в меньшей степени, чем их национальность. Еврейское происхождение автоматически вело к дискредитации и обособленному положению. Поначалу власти «только» ограничивали жизнь Франкла, но со временем угроза стала расти. И, в конце концов, ему пришлось испытать бесчисленные унижения, оскорбления и муки, пережить самые большие потери, какие только могут выпасть на долю человека, и неоднократно ощутить на себе дыхание ужасной смерти.

Национал-социализм радикально изменил жизнь Франкла с самых разных точек зрения. Поначалу переход к эпохе бесправия был для него сравнительно мягким. Можно увидеть некую иронию судьбы в том, что в вечер прихода Гитлера к власти Франкл наивно заменил коллегу в его

¹⁹³ 55.

выступлении на тему «нервозность как примета времени». Тогда произошло первое знакомство Франкла с новым режимом. Мужчина в форме нацистских штурмовиков рывком открыл дверь радиостудии и встал на пороге, чтобы сорвать выступление¹⁹⁴. Франкл еще не знал о перевооружении и был поражен, увидев человека, открыто демонстрирующего нацистскую униформу. Несмотря на изумление, он не собирался позволить помешать себе. Уверенно посмотрев пришельцу в лицо и встретившись с ним глазами, Франкл задействовал все возможности своего ораторского дара и велел штурмовику покинуть помещение и отправляться к себе в часть. Еще не зная, что в тот момент он начал сопротивление новой власти, он, благодаря силе воли и боевому духу, добился полного успеха. Мужчина «словно прирос к порогу и стоял там, пока я не закончил выступление. Это был риторический триумф моей жизни»¹⁹⁵.

Франкл очень быстро понял, что при новой власти ему не видать свободы развития. Поэтому он хотел эмигрировать в Соединенные Штаты. Сначала все усилия по получению визы были тщетны. Собственное положение виделось ему «как заколдованное». Франкл использовал это выражение, когда хотел сказать о своей беспомощности и отчаянии. Но затем судьба некоторое время казалась благосклонной к нему. Он должен был оставаться в Вене. В 1940 г. ему предложили возглавить неврологическое отделение в еврейском госпитале Ротшильда¹⁹⁶. Этот пост подразумевал не только работу и средства к существованию, но и до определенной степени защищал от депортации в концлагерь самого Виктора и его ближайших родственников. И если до сих пор он опасался, что с приходом национал-социалистов его научная работа прекратится, то теперь появилась возможность одновременно заниматься наукой и лечить еврейских пациентов. Под запретом оставались только выступления и публикации. Тем не менее, с согласия «ответственного по евреям члена национал-социалистической ассоциации врачей»¹⁹⁷ в Швеции вышли две статьи Франкла. Таким образом, он мог отдаться своему научному рвению, и беспокойный, ищущий ум молодого врача был этим более или менее удовлетворен.

В годы работы в госпитале Ротшильда Франкл отдавал все свои силы спасению жизней во что бы то ни стало. Достижению его цели служили, с одной стороны, неврологические опыты, с другой — его высокая личная и социальная ответственность. Поговорим сначала о *неврологических экспериментах* и оказании медицинской помощи пациентам, пытавшимся покончить с собой.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Pareja, 1984. С. 27; Fizzotti, 1970. С. 4.

¹⁹⁶ 57.

¹⁹⁷ Frankl, 1942.

Присущие Франклу глубокий гуманизм и честолюбие, а также недостаточная реализованность собственного дара в сочетании с постоянной угрозой возникновения внутренней пустоты побуждали Франкла интересоваться и теми суицидентами, от которых терапевты отказывались как от безнадежных. Ежедневно в больницу поступало до десяти еврейских пациентов, которые совершали попытки самоубийства из-за ужасных реалий нацизма и (наверное, уместно будет сказать, к несчастью) выживали. Многим из них было уже не помочь. Тем не менее Франкл брал их в свое отделение и разными средствами пытался вернуть к жизни. Сначала он давал им стимуляторы внутривенно, что должно было возбудить нервную деятельность головного мозга (он использовал в первую очередь амфетамин «первитин»¹⁹⁸). Если это не приносило результата, врач вводил первитин через затылок непосредственно в ствол головного мозга. Он разрабатывал при этом известную технику субокципитальной пункции головного мозга, которая позволяла исключить типичную опасность метода пункции. Франкл даже пишет, что он первым указал на эту опасность. Позже этот метод стал еще более инвазивным: когда «пункция большой цистерны мозга» не приводила к желаемому результату, Франкл вскрывал черепную коробку и вводил лекарство в боковой желудочек мозга, одновременно отсасывая через затылок (субокципитальной пункцией) мозговую жидкость, чтобы лекарство как можно быстрее попало к жизненно важным центрам ствола мозга. Так он добивался того, что практически умершие уже пациенты без дыхания и без пульса «еще до двухдневной оставались в живых»¹⁹⁹. Мы не знаем, прожил ли хоть один из этих людей дольше.

Из автобиографии Франкла можно заключить, что он очень гордился своими фармакологическими опытами, неврологическими методами и способностями к нейрохирургии²⁰⁰. Он разрабатывал методы в рамках самообразования; никто не показывал ему операций на головном мозге. В эти годы он так втянулся в нейрохирургию, что «видел во сне целые операции»²⁰¹. Он рассказывает об изумлении операционного медбрата, много лет проработавшего у ведущих нейрохирургов Вены, который никак не мог поверить, что Франкл не получил специального образования по нейрохирургии — так хорошо он овладел ею. И это не удивительно: хирургия мозга для Франкла входила в число «трех самых интересных вещей»²⁰² — вместе с первым восхождением и игрой в казино.

¹⁹⁸ 57.

¹⁹⁹ 57 и далее.

²⁰⁰ 57.

²⁰¹ 15.

²⁰² 57.

В *правомерности экспериментов над пациентами* он не сомневался²⁰³: те относительно опасные опыты²⁰⁴, от которых сегодня в цивилизованных странах отказались как от чересчур радикальных или рискованных, соответствовали духу врачебной этики того времени, нацеленной в первую очередь на прогресс в медицине. С сегодняшних позиций такие опыты на людях считаются неэтичными, — но и тогда они уже были сомнительными. Отсутствие соответствующего хирургического образования и клинического опыта Франкл оправдывал «бедственным положением»²⁰⁵ евреев и войной. Действительно, где еврей Франкл при национал-социалистах мог получить соответствующие профессиональные знания? В университетской клинике, где проводились такие операции (и куда поступали пациенты с опухолями мозга из отделения в госпитале Ротшильда²⁰⁶), ему как еврею было запрещено ассистировать, а местный хирург «отказался что-либо предпринять»²⁰⁷. Вообще, надо сказать, что хирург, который специализируется на операциях слепой кишки, желудка, кишечника, конечностей, а может быть, и легких, вряд ли возьмется проводить неврологическую операцию, да и наверняка не владеет специальной техникой. Хотя это объяснение убедительно и

²⁰³ Ср.: Pytell, 1997. С. 109.

²⁰⁴ 57.

²⁰⁵ Ср. с. 60.

²⁰⁶ 57.

²⁰⁷ Предвзятым и ничем не подкрепленным, не основанным на хоть сколь угодно близком знании личности Франкла является утверждение американского историка Пайтелла (Pytell, 1997. С. 111), будто представляется «вероятным», «что он [Франкл] еще и потому проводил эти эксперименты, что надеялся таким образом обеспечить собственное выживание». И еще: «можно было бы между прочим задуматься, не находился ли Франкл под влиянием нацистской медицинской установки, в соответствии с которой евреи не считались людьми и рассматривались сугубо как материал для экспериментов» (Там же. С. 121). Пайтелл только задает вопрос, не утверждая, что так оно и было. И не приводит ни одной ссылки, которая подтвердила бы подобное предположение. Но существуют свидетельства об обратном. Например случай, когда Франкл оставляет Тилли и родителей за накрытым столом и бросив в рот несколько кофейных зерен бежит в больницу, потому что снова привезли пациента, отравившегося снотворным (65). А когда Тилли по его возвращении первым делом спрашивает, как прошла операция и как самочувствие пациента, это так трогает Франкла, что он решает на ней жениться. Его профессиональная добросовестность проявляется и во многих других примерах на протяжении всей его жизни, потому у меня нет в ней никаких сомнений (молодежные консультации, лекции по психогигиене, телефонные разговоры с суицидентами в США — частью бесплатные, а частью — за его счет, и т. д.). То обстоятельство, что Франкла в его врачебной и психотерапевтической практике вдохновляли объективность и научный безэмоциональный образ мыслей, может, видимо, показаться странным и дать повод к разного рода спекулятивным теориям, какие мы находим у Пайтелла.

понятно любому врачу, не следует упускать из виду и другие возможные причины отказа. Может быть, хирург отказался от операции из этических соображений — из-за высокой степени риска или из-за особого положения еврейских суицидентов. А возможно — из-за технических трудностей, связанных с совместной работой хирургов разной специализации. Но помимо вопроса, какими, этическими или организационными, соображениями руководствовался врач университетской клиники, стоит подумать еще и о мотивах Франкла. Он был убежденным самоучкой; честолюбие и пытливый ум исследователя, всегда готового принять вызов и идти до конца, являлись неотъемлемой частью его личности. Насколько я понимаю, это, в сочетании с уже упомянутым переживанием пустоты и потерянности, объясняет его увлеченность экспериментаторством²⁰⁸.

Но был еще один этический вопрос, который уже тогда стоял перед Франклом и который он поднимает также в своей автобиографии. Он указывает на то обстоятельство, что стремился спасти жизни людей, которые подвергались *политической опасности* и потому совершали *попытки самоубийства*. Его собственная ассистентка была, например, противницей спасения таких пациентов. Эти суициды совершали евреи, которые хотели избежать господствующего политического давления, социального унижения или депортации в концлагерь и жестокой смерти. То есть в большинстве случаев речь шла об ином виде отчаяния, нежели то, которое толкает людей на самоубийство в обычной политической обстановке. Мы никогда не узнаем, сколько среди пациентов Франкла было тех, кто пытался покончить с собой от отчаяния — по политическим или личным мотивам. У спасенных им людей наверняка не было будущего. Франкл пишет о том, что когда его ассистентка, которая, как уже было сказано, противилась спасению еврейских самоубийц, пришел приказ явиться для депортации, она тоже попыталась покончить с собой. И была доставлена в отделение Франкла, возвращена им к жизни, а позже, как он пишет, депортирована²⁰⁹.

Франкл оправдывал свои действия врачебным долгом. Признавая решение человека покончить счеты с жизнью заслуживающим уважения, он полагал, что и его позиция — «спасать, пока могу»²¹⁰ — достойна того же. Единственный раз он отступил от этого принципа — когда пожилые супруги совершили суицид вместе, и женщина умерла сразу, а мужчину доставили в больницу. Франкл не решился врачевать его. «Я спросил себя, действительно ли я готов отвечать за возвращение этого человека к жизни, где его ждут похороны жены?»²¹¹ Во всех осталь-

²⁰⁸ 59.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же.

ных случаях Виктор остается верен принципам врачебной этики, делая все возможное для спасения человека. Принцип борьбы за сохранение жизни распространяется и на тех, «кто знает, что неизлечимо болен и для кого продолжение жизни означает продление страдания»²¹². Потому что «само собой разумеется, что и это страдание представляет собой шанс, последнюю возможность стать самим собой»²¹³. Принципиальная позиция Франкла отвергала суицид и обязывала его как врача принимать меры по спасению жизни. Я бы еще добавил, что он никогда не знал, был тот или иной суицид совершен по политическим мотивам — как акт протеста или сопротивления — или ему предшествовал «пресуицидальный синдром» (Рингель²¹⁴).

Франкл добавляет, что необходимо открывать человеку «принципиальные возможности защищенности в жизни». Это голос опытного психиатра, который выступает не с философских или антропологических позиций, а ищет подход к человеку и стремится подстраховать его в принятии практических решений. И как логотерапевт с соответствующим опытом, он убежден, что это действительно возможно — дать людям увидеть шанс вынести жизнь до конца и *наполнить* ее последним смыслом бытия²¹⁵. Эта позиция проникнута духом логотерапии, глубочайшим гуманизмом Франкла, для которого неприкосновенна жизнь, дорога личность и ценны ее решения. Может быть, иногда это выглядит так, словно Франкл оказывал чрезмерное давление и пытался требовать от пациентов больше, чем они могли. Но по сути, возвращая их к жизни, он только снова ставил их перед их собственным решением.

Я думаю, выйдя за рамки житейской позиции и поднявшись до философской, можно сказать, что убежденность Франкла в священности человеческой жизни позволяла ему однозначно принимать сторону страдающего человека, чтобы оберегать его от опрометчивого «метафизического легкомыслия» (Шелер). Как врач он исповедовал принцип Гиппократа и делал для спасения человеческой жизни все, что в его власти. Во врачебных традициях этот принцип соблюдается независимо от политического строя или религиозных принципов. Однако решение жить ли дальше остается на совести самого человека, и его окончательный выбор — уже

²¹² Там же.

²¹³ В 1948 г. венский психиатр Эрвин Рингель обследовал 745 венцев, пытавшихся покончить жизнь самоубийством, чтобы выяснить их психическое состояние перед суицидом. Почти все исследуемые указали на типичные признаки, которые Рингель объединил в понятии «пресуицидальный синдром»:

- 1) усиливающееся суженное состояние сознания;
- 2) сдерживаемая агрессия, которая все более направляется против себя;
- 3) суицидальные фантазии (Ringel, 1953).

²¹⁴ 59.

²¹⁵ Ср. Frankl, 1982. С. 85.

не забота врача. Он исполнил свой долг, оказав помощь и попытавшись дать человеку психически-духовную поддержку, необходимую, чтобы справиться с жизнью. Но он ни в коем случае не имеет права требовать от пациента выбрать жизнь, если тот не хочет или не может существовать дальше. Спасенный после суицида может таким образом снова выбирать, продолжать ли ему жить. Поэтому для Франкла речь идет о «предельной осторожности». И о мужестве, которое требуется, чтобы остаться в тяжелых жизненных обстоятельствах и, возможно, раскрыться в них. Подобного мужества или даже «героизма» Франкл не хотел требовать ни от пациентов, ни от кого-либо еще, — кроме, разумеется, самого себя. Виктор считал призыв к такому «героизму» столь же сомнительным, «как утверждение, что кто-то предпочел бы попасть в концлагерь, но не склониться перед нацизмом»²¹⁶. Легко, полагает он, судить других за-

²¹⁶ Пайтелл (Pytell, 1997. С. 113) говорит, например, что берлинские врачи спорили о возможности предоставлять снотворное для самоубийств среди евреев и разрешать суицидентам смерть (Kwiet, 1993. С. 159 и далее). Чересчур быстро Пайтелл делает из различия этих позиций вывод (там же), что факт медицинских стараний Франкла сам по себе сомнителен. То обстоятельство, что другие (еврейские) врачи поддерживали суициды (среди евреев) из соображений гуманности или по политическим мотивам (считалось, что это выражение политического протеста), не противоречит достоверности позиции Франкла. Пайтелл на этом не останавливается, задаваясь вопросом: «как далеко должен был зайти Франкл в своем приспособленчестве к национализму» (там же). Пайтелл делает (безосновательный) вывод, что национал-социалисты поддерживали действия Франкла в отношении пациентов-самоубийц, а Франкл, готовый работать на нацистов, испытывал к последним «очевидную благодарность за признание его усилий» (Там же. С. 114). Франкл якобы сказал в своем выступлении 20.02.1972 в Университете США, что они поддерживали его в публикации этой работы в Швейцарии. Они надеялись, что результаты могли бы помочь солдатам, раненым на фронте.

И это высказывание полностью соответствовало бы профессиональной добросовестности Франкла! Он же защищал (в выступлениях, лекциях, круглых столах и в личных разговорах со мной) точку зрения, что как врач он был обязан оказать медицинскую помощь каждому человеку, независимо от его общественного положения, религии, политических взглядов или морального уровня. Он лечил бы — и действительно лечил — даже национал-социалистов (62). Пайтелл просто отрицает здесь позицию Франкла и пытается, используя его слова, морально дискредитировать его: «Собственно говоря, Франкл был готов сотрудничать с нацистским режимом и никогда не оказывал ему активного сопротивления» (Pytell, 1997. С. 114). Формой сопротивления у Франкла был саботаж эвтаназии, о чем мы еще будем говорить. Точка зрения Пайтелла, несмотря на очевидную предвзятость, подчеркивает этическую сомнительность описанных интервенций Франкла. Им способствовало тяжелое политическое положение, представления о медицинских исследованиях того времени (Пайтелл описывает их еще подробнее), личные обстоятельства Франкла, его индивидуальные черты и мировоззренческая позиция. Все это приводит к тому, что его поступки кажутся загадочными и противоречивыми. Чтобы разобраться в мотивах, недостаточно поверхностного, политического контекста; нужно достаточно хорошо представ-

дним числом. Тем, кто счастлив и чья жизнь защищена, легко выносить приговор людям, которые пытались покончить с собой. Но именно этого делать не следует. Хотя сдержанность в вопросе вынесения суждения о человеке и оценки мотива, толкнувшего его на суицид, не означает отказа от собственных взглядов и принципов.

Такова была позиция Франкла с присущей ему «верностью принципам», что соответствовало его характеру и воспитанию. Другие врачи расценивали вопрос спасения евреев-суицидентов при нацистском режиме иначе. Не только в клинике Франкла, но и в иных городах²¹⁷.

Франкл приложил много усилий к тому, чтобы спасти пациентов-евреев от эвтаназии. При этом он шел на определенный риск, выставя неверный диагноз и отправляя в богадельню тех пациентов, которых, поступи он иначе, ждала бы эвтаназия. Однако его гуманный обман не достиг бы цели, если бы не содействие главы университетской психиатрической клиники профессора Пецля, которого Франкл очень почитал. Хотя Пецль был кандидатом в ряды партии и носил символику НСДАП²¹⁸, он ни в коем случае не был антисемитом. Франкл отмечал его «большое гражданское мужество, верность и всемерную помощь мне и моим еврейским пациентам²¹⁹, — а другим тогда дорога ко мне была закрыта». Пецль специально приходил в еврейский госпиталь Франкла, чтобы оформить перевод пациентов с опухолью мозга в хирургическую университетскую клинику²²⁰. Кроме того, он снова и снова передавал Франклу психически больных пациентов-евреев для реабилитации и последующего ухода. Без дальнейших согласований Франкл принимал их, диагностировал и поддерживал, а потом отправлял прямо в дом престарелых. Этот мужественный и гуманный образ действий показывает нам Франкла как человека милосердного, верного своим убеждениям, готового делом отстаивать свою приверженность ценности человеческой жизни.

Его личный девиз — стремиться отдавать себя другим, быть собой в том, чтобы полностью быть для другого — лейтмотив, который позже получил название «самотрансценденции» и лег в основу логотерапии.

лять себе личность Франкла. Но отрицание его мировоззренческой позиции, низведение ее до мотивов политической и личной выгоды, попытка противопоставить ей гипертрофированную классически-традиционную врачебную этику и общерелигиозные соображения о почтении к жизни, приводят к тому, что сущность Франкла оказывается упущенной. Пайтелл хотел бы таким образом объявить Франкла «кругом виноватым» (115), заклеить как оппортуниста и пособника ревизионизма (115) и использовать как олицетворение упущений в проработке прошлого Австрии.

²¹⁷ 60.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ 61.

Сам Франкл следовал этому девизу не только как врач, это был его жизненный идеал, о котором он часто говорил в своих выступлениях. Франкл воплощал его, где только мог: учреждая консультационную молодежную службу, пытаясь спасти суицидальных пациентов или саботируя эвтаназию. И однажды ему представилась возможность последовать этому принципу в чрезвычайной степени. Запрос был так высок, что пошатнул его собственную способность к самотрансценденции. Речь идет о том судьбоносном октябрьском или ноябрьском дне 1941 г., когда Франкл после многолетнего ожидания получил известие, что должен явиться в консульство Соединенных Штатов Америки для оформления визы. Наконец у него появился шанс спастись от угрозы и нападков национал-социализма! Наконец перед ним снова открылись ворота к действительно свободной научной работе! То новое будущее, в котором могла бы развиваться логотерапия, звало его!

Но тут он остановился: «Я должен оставить родителей? Я знал, какая судьба их ждала: концлагерь. Я должен проститься с ними и просто предоставить их этой судьбе? Разрешение на выезд распространяется на меня одного!»²²¹ Франкл не мог решиться. Должен ли он рискнуть своей жизнью, своим будущим и своим делом ради сомнительной защиты и вероятно ничтожной помощи родителям? Могло ли его присутствие что-нибудь изменить для них? «Или нужно пожертвовать родителями ради развития дела моей жизни?»²²² Тогда он увидел необычный сон, очень образно показавший сложность выбора, в котором личное было смешано с профессиональным: «Мне приснилось, что людей, психотических пациентов, собрали, чтобы отправить в газовую камеру. Я испытывал такое глубокое сострадание, что решил было присоединиться к ним. Но я чувствовал, что должен сделать что-то другое, а именно — стать психотерапевтом в концлагере, чтобы духовно поддерживать заключенных, что было бы гораздо более осмысленным, чем сделаться психиатром на Манхэттене»²²³.

У Франкла появилось чувство, что ему нужен бы знак с небес, который способствовал бы добросовестному решению, потому что для него самого горизонт был скрыт в тумане. Чтобы приблизиться к решению, он искал уединения. Однажды во время одной из таких прогулок он проходил мимо Собора св. Стефана. Из храма доносились звуки органа. Недолго думая он прикрыл портфелем желтую звезду, которую должны были тогда носить все евреи, вошел, сел в темном углу, мучимый поис-

²²¹ Pareja, 1984. С. 30.

²²² Цит. по устному сообщению Пареха (1984. С. 30); Франкл упоминает первую часть сна и в автобиографии (С. 14 и след.) как пример своей сентиментальности и в связи с эвтаназией душевнобольных.

²²³ Ср.: Pareja, 1984. С. 30 и далее.

ками ответа, который был уже близок. Он хотел успокоиться, слушать музыку, отвлечься, медитировать и чувствовал, что для решения вопроса такой важности он, как и любой, нуждается в знаке свыше²²⁴.

С этим ожиданием метафизического знака Франкл вернулся домой. Тут ему на глаза попался маленький кусок мрамора, лежащий на столе. Он спросил отца, что это. Тот ответил, что подобрал сегодня этот кусок из груды развалин на месте самой большой из шести венских синагог, сожженных в «хрустальную ночь»²²⁵.

«Кусок мрамора — часть плиты со словами Завета. Если тебе интересно, могу даже сказать, к *какой* из десяти заповедей относится высеченная здесь древнееврейская буква. Есть только *одна* заповедь, которая с нее начинается”. “А именно?” — настаиваю я. И отец отвечает: “Почитай отца своего и мать свою, чтобы продлились дни твои на земле...” Так я остался “на земле” с моими родителями и просрочил визу»²²⁶.

Невероятно: рискнуть собственной жизнью ради других. Сильный шаг — отказаться от своего будущего, своего развития, так отвернуться от себя, так забыть о себе, так отодвинуть себя и отдать предпочтение благополучию других! Допустимо ли такое самоотречение, такая самоотверженность? Есть ли у человека право так распоряжаться своей жизнью? Франкл сомневался. Потому и воззвал к небесам. Речь шла о жизни и смерти, и он не мог принять такое решение самостоятельно. Ему нужно было метафизическое оправдание, религиозное основание, указание от бога. Иначе ему, с его критическим складом ума, могло бы показаться, что патологическая привязанность к родителям побудила его остаться и предпочесть смерть расставанию с ними. Или, прими он решение без оглядки на свою высшую ценность, «бога», он мог интерпретировать этот поступок как скрытую суицидальность недооцененного депрессивного расстройства. Но даже если он решил бы иначе и уехал в Соединенные Штаты, это стало бы смертным приговором, — для его родителей. Как тогда он оправдал бы себя? Не угрожало ли такое решение патологической потребностью в самооправдании? Не стал бы он, сомневаясь и упрекая себя бессонными ночами, считать свой отъезд результатом вытесненной ненависти — эдипального желания смерти родителей, скрытого самоуверждения и запоздалой реакции эмансипации от них? А родители? Смогли бы они понять такое решение сына? Как приняли бы его, будь это самостоятельный шаг Виктора, а не знак свыше? Родители Франкла были счастливы, узнав, что ему дают визу, и вместе с

²²⁴ 9—10 ноября 1938 г.

²²⁵ 61 и далее.

²²⁶ Pareja, 1984. С. 30.

ним радовались возможности его отъезда. Они торопили сына покинуть страну, они хотели знать, что он в безопасности²²⁷.

Примечательно, что Франкл никогда не рассказывал и не писал о том, что искал решение вместе с родителями. Он явно принял его наедине с собой, хотя его выбор затрагивал их напрямую. Это еще одна отличительная черта Франкла: он предпочитал принимать решения сам, не искал диалога, не спрашивал мнения других, даже когда их это касалось. Вместо того чтобы говорить с другими, он охотнее говорил с собой, в сознании, что через «интимность разговора с собой» происходит, в сущности, разговор с присутствующим «бессознательным богом»²²⁸.

Мысль о том, что он, возможно, «увильнул» от выезда в Америку, пришла ему только много позже, в связи с образом кита и пророка Ионы. Эти размышления мы приводим в главе «Франкл и религия» (с. 146). Однако как это понять? Почему вообще у Франкла возникла мысль, что он, возможно, манкировал своим долгом, отказавшись от шанса в безопасности развивать логотерапию? Может быть, у него задним числом появилось чувство, что он уступил своей привязанности к родителям, любви к Тилли или страху перед одиночеством в стране, говорящей на чужом языке, и потому изменил своей экзистенциальной задаче?

Помимо всего изложенного, следовало бы обсудить еще один важный факт: *знакомство с Тилли*, первой женой Франкла. Он пишет, что будто в награду за решение остаться в Вене он получил повод познакомиться с будущей женой. Разрешение на выезд пришло «незадолго до вступления Соединенных Штатов в войну», то есть до 11 декабря 1941 г. А 17 декабря 1941 г. Франкл зарегистрировал брак с Тилли Гроссер в загсе Леопольдштадта. Близость этих дат удивительна и вызывает вопрос, не был ли Франкл знаком с медсестрой Тилли раньше. Известно, что она работала в терапии той же больницы. Неясно, не ошибся ли Франкл, указывая дату получения визы. Или он опасался, что его нежелание разлучаться с любимой Тилли придает, так сказать, богоданному решению остаться с родителями в Вене житейский оттенок? Или не хотел, чтобы кто-нибудь увидел в его самоотречении толику личной выгоды? Но будь это даже так, Франкл в любом случае не стал бы лгать; скорее, он просто напутал с датой вступления Соединенных Штатов в войну, и потому не заметил близости этих двух чисел.

Из автобиографии Франкла можно почерпнуть кое-какие сведения о начале его отношений с Тилли. Например мы знаем, что Франкл уже много лет сотрудничал с терапевтическим отделением: отсюда к нему переводили признанных безнадежными пациентов, чтобы он попробовал

²²⁷ Frankl, 1990. С. 350; 1979. С. 55.

²²⁸ 63.

свои методы лечения. Франкл пишет, что довольно скоро обратил внимание на медсестру этого отделения — она была похожа на испанскую танцовщицу²²⁹. Далее он пишет, что у него была связь с ее лучшей подругой, которую он затем бросил²³⁰. Этот эпизод послужил для Тилли поводом вступить с ним в отношения. Она хотела влюбить его в себя, а затем бросить, чтобы отомстить за лучшую подругу²³¹. Иными словами, прежде чем превратиться в любовь, отношения имели длительную прелюдию. Тилли был всего 21 год, когда она вышла замуж за Франкла. Их бракосочетание явилось последним в Вене официально разрешенным нацистами бракосочетанием еврейской пары. Затем загс закрыли²³².

Вскоре после свадьбы политическая обстановка стала складываться таким образом, что Франкл «со дня на день ожидал, что нас с родителями депортируют» (69). Под спудом этой угрозы он наконец сел и написал книгу о логотерапии — первую редакцию «Врачебного душепопечения». Если ему суждено погибнуть, то пусть выживет хотя бы его творение. Стоило ему закончить книгу, как их депортировали. Больница Ротшильда практически закрылась, и у Франкла и его семьи больше не было защиты от депортации. Ему пришлось бросить все — свои книги, статьи и проекты, переписку с Фрейдом, собранные Фрейдом рукописные истории болезни пациентов клиники и т.д. В надежде, что ему удастся спасти хотя бы рукопись своей книги, он зашил один экземпляр за подкладку пальто. Когда в октябре 1944 г. его перевели из Терезиенштадта в Освенцим, он вместе с другими вновь прибывшими заключенными был вынужден снять с себя всю одежду и получить новую. Рукопись пропала. Можно представить себе, что испытал Франкл, если вспомнить его многолетние страдания и муки совести, связанные с необходимостью записать наконец свои идеи. И вот, подталкиваемый мыслями о вероятной скорой смерти, *Sub specie aeternitatis*²³³ он наконец сделал это — только для того, чтобы его труд в одно мгновение поглотил чад крематория.

Через девять месяцев после свадьбы, в сентябре 1942 г. молодая чета и родители Франкла были доставлены в концентрационный лагерь. (Брат Виктора, как мы уже упоминали, был задержан при попытке к бегству в Италию и попал в концлагерь раньше²³⁴. Сестре удалось своевременно выехать в Мексику и затем переехать в Австралию.) Они были привезены в Терезиенштадт, в 70 км севернее Праги, туда, где Эгер впадает в Эльбу. Здесь Франкл и Тилли пробыли 25 месяцев, до октября 1944 г. Здесь

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же.

²³² 69.

²³³ С точки зрения вечности (лат.). — *Прим. науч. ред.*

²³⁴ Ср. с. 48.

они — еще вместе — отпраздновали ее 23-летие. Лагерь был «образцовым гетто», поэтому — самым либеральным²³⁵, и из всех концлагерей считался наиболее гуманным. В сентябре 1942 г. там находилось 53 тыс. заключенных, при том что сам населенный пункт (чешский Терезин) насчитывал 3700 жителей, в том числе десять еврейских семей. В этом «образцовом гетто» выжили искусство и культура, а заключенные могли относительно свободно перемещаться. В Терезиенштадте была сравнительно хорошая библиотека, и в течение года-полутора Франкл часто посещал ее. Он рассказывал мне, что в то время очень много читал схоластиков — Фому Аквинского, Августина и Иммануила Канта. Тогда же он смог заняться самостоятельным углублением своих знаний по философии. Тилли, работавшая прежде на слюдяной фабрике — объекте военной промышленности, — была защищена от перевода в другой лагерь²³⁶. В Терезиенштадте Франкл проводил в последний путь своего отца²³⁷. Здесь же Франклу довелось испытать «пограничное экзистенциальное переживание». Он никогда не писал об этом, но как-то поздним вечером поделился со мной лично. Я хочу привести здесь его рассказ. Для меня он бесценен — и потому, что это особенная встреча с Франклом, и из-за прикосновения к глубочайшему опыту переживания «основы бытия», как я это понимаю²³⁸. Оно способствует возникновению такого отношения к жизни, которое помогает обретению полного спокойствия именно в безнадежных обстоятельствах. Этот опыт Франкла не раз помогал мне и многим из тех, кому я о нем рассказывал. Итак, вот эта история — история полностью осознанного опыта близости смерти.

Однажды на вечерней проверке Франкла по неизвестной причине направили на сортировочный транспорт. Франкл знал, что это означает направление в газовую камеру. Никто из распределенных на этот транспорт живым не возвращался.

Что он *мог* предпринять? Броситься на проволоку, чтобы, покончив с собой, избежать страшной участи? Он, который всегда боролся против лишения жизни ее последнего шанса на исполненность? И это ему приходили в голову такие мысли! Но что же он *мог*? Прежде всего, он попрощался с матерью. (Отца уже не было в живых.) Затем попрощался с женой.

Когда пришло время расстаться с Тилли (существовало строгое правило, запрещавшее семьям жить вместе; мужчины и женщины были размещены в разных секторах), Франкл с тяжелым сердцем направился

²³⁵ Заключенные в нем пользовались намного большей свободой передвижения и выбора места проживания, чем в других лагерях. — *Прим. науч. ред.*

²³⁶ 68.

²³⁷ 13 февраля 1943 г.

²³⁸ Längle, 1984. С. 47–63.

к воротам, чтобы оттуда еще раз увидеть закат. И пока он шел, к нему пришло осознание того, что, собственно говоря, он уже совершил все, что мог в этой жизни. Впервые не было больше ответственности, обязательств, необходимости принимать экстренные решения. Груз жизни и бремя забот его оставили. Мрак медленно отступал, ему на смену приходило чувство легкости. Это было доселе неизвестное ощущение, словно его бытие парит над жизнью. Словно потустороннее дуновение коснулось Франкла. Как если бы его жизнь закончилась, и теперь он наблюдал ее из зрительского зала. Что бы еще ни преподнесла ему действительность, от него больше ничего не зависит, его роль сыграна. Трудно описать, какой глубины чувства пробудило во Франкле это понимание. Чувство счастья, благодарности, радости и удовлетворения исполненной жизнью, связи и единения с собой и миром, от которого он в то же время был уже немного отделен. На этом месте голос Франкла сделался поразительно мягким, теплым, в нем слышались близкие слезы. Он говорил медленно: незабываемое переживание, для которого нет названия, вновь трогало его! Он искал способ выразить это. Его голос, жесты, выражение лица говорили больше, чем слова. Лицо его посветлело, оно словно озарилось далеким светом и, хотя речь спотыкалась и была неуверенной, в глазах появилось выражение легкости. Я тоже, несмотря на свое волнение, чувствовал растущую легкость.

Как врачи мы понимали: это была та эйфория, которая наблюдается у пациентов в терминальной стадии, и еще — у тяжелых туберкулезных больных. Однако мы оба знали и чувствовали, что это состояние, в то же время, — больше, чем психофизическая реакция. Может ли человек в минуты глубоко прочувствованной близости смерти, которую многие пациенты даже не осознают, смутно воспринять нечто потустороннее?

Франкл говорил, что на той прогулке простился с жизнью. И был недалек от решения убить себя. Но на смену этой мысли пришла новая, противоположная. У него проснулся интерес к тому, что «эта жизнь преподнесет мне еще», как выразился он в одной беседе²³⁹. Словно зритель в кино, он хотел узнать, каким будет конец фильма, что еще непредвиденного подкинет судьба. Очнувшись, он нашел себя в том состоянии, которое позже назвал в своей книге «самодистанцированием». Он пережил его с особой силой, в форме экстаза, который позволяет человеку отчасти изъять себя из происходящего, отойти в сторону и почувствовать неуязвимость своего я. Ведь человек как духовная сущность всегда несколько возвышается над жизнью, которую непосредственно ведет.

²³⁹ Frankl, 1986. С. 48.

Размышляя позже над своим растущим любопытством к тому, чего ждет от него жизнь, Франкл назвал его своеобразным «научным подходом к жизни». Такой подход — следствие той «объективности», которую Франкл вслед за Ветхим заветом считал высшей личной добродетелью²⁴⁰ (см. главу «Франкл и религия», с. 146). Пока не доказано, что этап действительно будет отправлен, и именно в газовую камеру, — в жизни в принципе может случиться все что угодно, в том числе и невозможное. Даже если человек больше не в силах надеяться, если видит одну лишь безысходность, эта конструктивная позиция может способствовать появлению «надежды на надежду». Это особый вид спокойствия, основанный на знании: каким бы неизбежным и неотвратимым ни казалось событие, всегда есть шанс, что оно не произойдет — даже если мы не представляем себе, каким образом могло бы случиться «чудо».

Франкл: «Вообще-то я абсолютный противник слепой надежды: нет ничего ужаснее, чем похлопать неизлечимо больного или умирающего по плечу и сказать, что все обойдется, все будет хорошо. Напротив, в этом случае мы можем только, пожав плечами, принять свою судьбу — вместо того чтобы бороться с ней. При этом я имею в виду не то пожимание плечами, которое лишает человека всех дальнейших возможностей, а которое подразумевает, что не исключен ни один шанс, и сохраняет веру, что *все* возможно. Но только по эту сторону любого религиозного истолкования, Вы понимаете? Это вещи, которые уже невозможно выразить словами, это нечто, что ощущается в процессе хорошей психотерапии.

Просто дать быть всему, что происходит, больше не обманывать себя, а некоторым образом — исходя из последнего достоинства — ждать; не исключать никакой возможности, включать любой шанс. Мне как раз кажется, что я в решающие мгновения в концлагере поступал именно так. В Освенциме я естественным образом вынужден был учитывать, что в любой момент могу отправиться в газовую камеру. Но в диалогах с самим собой я как-то никогда не переставал признавать, что — пускай только теоретически, но все-таки всегда остается шанс, что я выживу. Вот что я подразумеваю под “оставлять все возможности открытыми”. Быть *слишком гордым*, чтобы сказать: я больше не участвую, я сдаюсь. Быть *слишком гордым*! Посмотрим, чего еще хочет от меня эта дерьмовая жизнь. Посмотрим. То есть — отнюдь не видеть ситуацию в бог знает каком розовом свете, а просто: посмотрим, чего еще хочет от меня эта дерьмовая жизнь».

Лэнгле: «Однако я хотел бы еще добавить, что чисто теоретически сохраняется шанс выжить. Я чувствую *необходимость* это добавить».

²⁴⁰ Ср. также: Frankl, 1990. С. 363 и далее.

Франкл: «Здесь есть еще одно missing link²⁴¹, — *ответственность!* Тут вступает в игру ответственность. В ту минуту, когда я признаю, что есть шанс остаться в живых, я неизбежно беру на себя ответственность не упустить своего шанса (например, проскользнуть в эшелон, заметив, что он идет в лагерь, где нет газовых камер).

Итак, это *пессимизм, но не пассивизм*. Это вообще важное на сегодня уточнение — в наше время следствием пессимизма становится активизм. Прежде, в прошлом веке, можно было быть оптимистом, *нужно было быть оптимистом*, чтобы активно сотрудничать с “прогрессом”. Сегодня нужно быть пессимистом, чтобы предотвратить самое страшное»²⁴².

Франкл полагал, что эта позиция переключается с научно-теоретическим подходом Карла Поппера. Согласно Попперу, научная теория подтверждается благодаря своей принципиальной фальсифицируемости. Точно так же отношение к жизни должно оставаться открытым, чтобы эта жизнь всегда могла нас удивить. Наша «теория о жизни», наши представления о том, как она происходит, принципиально «фальсифицируемы» и, стало быть, могут быть опровергнуты самой жизнью²⁴³.

В 1943 г. Франкл, еще не знакомый с теорией сэра Карла Поппера, «экзистенциально» практиковал ее. В преддверии своего «эвристического оптимизма» он спросил себя: «Кто может на 100% гарантировать мне, что я *не* выживу? Пока никто не может, я должен действовать так, как *будто у меня есть* такие шансы. Следовательно, я не упущу ни одной возможности их повысить»²⁴⁴.

Так оно и вышло. На следующее утро этап просто не состоялся. Франкл так никогда и не узнал, почему его отменили — в первый и единственный раз. Для него это событие стало значимым подтверждением верности описанной позиции открытости и реалистичности: «Пока что-то не произошло, все еще может сложиться иначе».

Я годами рассказывал об этом пограничном переживании Франкла на семинарах по психотерапии, но впервые воспроизвожу его в письменном виде. Возможно, за это время некоторые подробности стерлись из моей памяти, но в целом его рассказ для меня незабываем. Я считаю это переживание основополагающим для жизни Франкла. В своей автобиографии он упоминает о нем лишь вскользь, только как об идее открытости к жизни, пришедшую ему в голову в Освенциме.

В 1944 г. Франкла перевели из Терезиенштадта в Освенцим. Его жена постаралась перевестись вместе с ним. Как уже упоминалось, бла-

²⁴¹ Недостającego звена (англ.). — *Прим. науч. ред.*

²⁴² Frankl, 1986. С. 47–49.

²⁴³ Ср. там же. С. 48.

²⁴⁴ Там же.

годаря работе на военном заводе она была защищена от вывоза из лагеря, и потому могла остаться в Терезиенштадте, что было бы наилучшим и самым безопасным. Тилли удалось добровольно записаться на этап — без пометки «за саботаж», которая означала бы неизбежную скорую смерть в газовой камере. Покидая Терезиенштадт, Франкл вынужден был оставить мать одну. В Освенциме он навсегда расстался и с женой. Она погибла в августе 1945 г. в концлагере Берген-Бельзен, уже после его освобождения англичанами²⁴⁵. Точная причина ее смерти неизвестна. Гибель фрау Тилли, конечно, тем более трагична, что произошла в самом конце, когда шансы на выживание и возвращение домой были столь велики! Франкл рассказывал мне, что, по чьим-то словам, его жену, крайне ослабевшую от голода, при освобождении концлагеря могла насмерть затоптать устремившихся к воротам толпа заключенных.

Еще не зная о смерти Тилли, Франкл получил от нее своего рода последний живой привет. Перед депортацией в лагерь он купил для нее в венском магазине брелок — маленький глобус. По голубой эмали мирового океана, по экватору выполненная золотыми буквами надпись: «Весь мир вращается вокруг любви»²⁴⁶. Вскоре после освобождения, бредя полем близ Баварского города Тюркхайма, Франкл встретил такого же недавно освобожденного местного жителя. Они разговорились. Во время разговора тот теребил пальцами какой-то маленький предмет. Франкл спросил, что это такое. И что же оказалось? Его случайный собеседник крутил в руках маленький золотой глобус! С высокой долей вероятности — даже именно тот брелок, который Франкл подарил Тилли. Потому что, как он позже узнал, во всей Вене таких было только два. А в Бад-Верисхофене возле Тюркхайма размещался склад безделушек из Освенцима...

Из всех лагерей, где побывал Франкл, газовые камеры были только в Освенциме. Ему повезло, что еще в октябре 1944 его перевели в Кауферинг III, а в ноябре — в Шонунгслагер²⁴⁷ и Тюркхайм²⁴⁸, два внешних филиала Дахау, которые считались относительно безопасными. В Тюркхайме вспыхнула эпидемия сыпного тифа, и Франкл добровольно вызвался ухаживать за больными, чтобы избежать верной смерти, которая ждала бы его, останься он работать землекопом. «Это было для меня простым решением и отнюдь не героизмом»²⁴⁹. Шансы, что эшелон будет действительно отправлен в Тюркхайм, а не «в газ», как говорили заключенные, были невелики. Еще ходили слухи, что это просто улов-

²⁴⁵ 69.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Frankl, 1977. С. 82—93.

²⁴⁸ 77.

²⁴⁹ Frankl, 1977. С. 82.

ка, чтобы люди «добровольно» получали смертельную ночную смену²⁵⁰. Перед отправкой эшелона доброжелательно настроенный старший врач настоятельно отговаривал Франкла, предлагал вычеркнуть его из списка добровольных помощников. Франкл отказался. Он хотел «идти прямым путем, или — если можно так выразиться, — положиться на судьбу»²⁵¹. Франклу везло. Так получилось, что, воспользовавшись подвернувшейся возможностью, он несколько недель проработал в этом последнем лагере врачом — и тем самым спас себе жизнь. Ему повезло, потому что верность своему чутью он ставил выше склонности ставить все на карту. Записаться в этот крайне сомнительный и связанный с особым риском этап было не только «простым решением» из соображений выжить, а «несомненно осмысленным» стремлением врача оказать помощь больным товарищам, вместо того чтобы продолжать «прозябать» и в конце концов «подохнуть»²⁵².

Франкл полагал, что выжил в концлагере благодаря многим «случайностям». В том числе — одному венскому гангстеру, который был старостой, надзиравшим, как и многие другие уголовники, за заключенными в Освенциме. Однажды Франкл оказался сотым по счету в группе из 100 мужчин, определенных на этап, шедший, по всей вероятности, в газовую камеру, или, в лучшем случае, на какое-то опасное для жизни мероприятие. Вдруг этот капо начал грязно ругать какого-то заключенного, делая вид, будто тот хотел улизнуть из группы. Когда сотня отправилась, Франкл осознал, что произошло: гангстер вытащил его из группы и поставил на его место другого²⁵³.

В следующем лагере, в Кауферинге III, ему спас жизнь актер, которому он продал сигарету в обмен на тарелку супа. «Пока я хлебал суп, он уговаривал и заклинал меня преодолеть овладевшее мной к тому времени уныние — тот самый настрой, который, по моим наблюдениям за другими заключенными, неизбежно приводил к пораженчеству, а затем — рано или поздно — к гибели»²⁵⁴. В последнем лагере, Тюркхайме, Франкл спас себе жизнь сам — благодаря «воле к смыслу». Он заболел сыпным тифом и был близок к смерти. Тут он подумал, что теперь его книга никогда не выйдет²⁵⁵. Виктор пришел к парадоксальному, даже противоречивому взгляду: подобно Аврааму, который был готов пожертвовать единственным ребенком, «я пришел к необходимости быть готовым пожертвовать *моим духовным детищем* — видимо, только тогда я буду

²⁵⁰ Там же. С. 91 и далее.

²⁵¹ Там же. С. 92.

²⁵² Там же. С. 82.

²⁵³ 73.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Там же.

достойн выхода моей книги, «Врачебного душепопечения»²⁵⁶. Так он пытался отказаться от желания издать свой труд. Он имел разумное, рациональное основание для такого отказа: «Что же это была бы за жизнь, сказал я себе, если бы ее смысл зависел бы от того, выпустят книгу или нет?»²⁵⁷ В преддверии коллапса (резкого сужения) сосудов, вызываемого сыпным тифом, Франклу угрожало забытие. Случись это, его либо немедленно убили бы, либо сначала удалили бы из барака, как поступали с больными и ослабленными заключенными, которых на лагерном жаргоне называли «хлебным мякишем». Поэтому последним напряжением воли Франкл пытался бодрствовать. Как удалось ему побудить свой дух к мобилизации этих последних, почти полностью истощенных сил? В очевидном противоречии своему рациональному решению отказаться от издания книги, он принялся царапать на листках бумаги стенографические значки — тезисы для ее воссоздания в новой редакции²⁵⁸. Здесь нашло свое подтверждение то, о чем он позже так часто говорил, то, что стало для него образом жизни, очевидно необходимым ему для защиты его рациональности: «Самое благоразумное — не стараться быть слишком благоразумным»²⁵⁹. Благоразумие его отказа от книги он противопоставил «безрассудному» велению сердца попытаться воссоздать ее в безнадежных условиях. Эта была победа эмоциональной «глупости» над разумом. И она в конечном счете спасла ему жизнь.

Заслуживает внимания еще один эпизод, произошедший во время «первой селекции» в Освенциме. Как и все вновь прибывшие, Франкл предстал перед доктором Менгеле. Все должны были по очереди подходить к нему. Одним движением пальца Менгеле отправлял заключенных налево или направо, отделяя крепких и здоровых от больных и слабых. Первые попали затем в бараки, вторые — прямо в газовую камеру. Возможно, Франкл и здесь спас себе жизнь. Он рассказывал мне, что увидел происходящее глазами врача-диагноста и понял что к чему. Когда подошла его очередь, он набрал в легкие побольше воздуха и выпрямился, чтобы произвести впечатление сильного. Палец Менгеле некоторое время колебался, но затем все же указал в спасительную сторону. Правда, Франкл был не очень уверен в истинности своего воспоминания. У него была и другая версия случившегося. Не увидев на стороне слабых никого из знакомых, и заметив на другой стороне нескольких молодых коллег, Франкл прошел за спиной у Менгеле на спасительную сторону²⁶⁰. Здесь перемешались представление, установка, кошмарный сон и действи-

²⁵⁶ 73.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ 77.

²⁵⁹ Frankl, 1959. С. 731.

²⁶⁰ 72.

тельность. Франкл так до конца и не узнал, что в действительности происходило в тот, по всей видимости, самый опасный за все его лагерное время момент. По непроверенным данным, из 1500 человек того состава «первую селекцию» пережили только 150²⁶¹.

Самым сильным его желанием в концлагере было желание, чтобы выжила Тилли. Выжила любой ценой. Когда ему приходило в голову, что при некоторых обстоятельствах она могла бы спастись благодаря женской сговорчивости, он не хотел, чтобы уважение к нему помешало ей²⁶². Франкл «заранее отпустил ей все грехи». Он не хотел потерять Тилли из-за того, что ее сдерживали бы соображения супружеской верности, не хотел, как он пишет, стать таким образом «причастным» к ее смерти²⁶³. Это «выжить любой ценой» напоминает о том, как в Терезиенштадте он «взял себе за правило»²⁶⁴ целовать мать, чтобы гарантировать неразрывность их уз. Он был готов на все, лишь бы сохранить эти отношения.

Жизнь после

27 апреля 1945 г. Франкл был освобожден американскими войсками из входившего в состав Дахау трудового лагеря Тюркхайм (всего к Дахау относилось более 125 внешних лагерей и рабочих секторов). Вскоре после этого американские войска назначили его лагерным врачом — насколько я помню, в самом Тюркхайме или в его окрестностях. Он вернулся домой только в августе 1945 г. — с первым, несанкционированным еще властью грузовиком, шедшим до Вены через Эксельберг²⁶⁵. Мир, в который вернулся Франкл, был уже иным. Да и сам он, вышедший из преисподней, казался пришельцем из другого мира. И вновь для него наступило тяжелое время. В первый же день в Вене он узнал о смерти жены²⁶⁶. Он слышал, что ее нашли среди других погибших только после освобождения англичанами концлагеря Берген-Бельсен. Вдобавок ему рассказали о бродягах, которые по ночам расчленили тела и варили на кострах мясо, а чаще — печень умерших. «Неделями меня преследовало навязчивое видение: бродяги, поедающие печень Тилли...»²⁶⁷

²⁶¹ Pareja, 1984. С. 38.

²⁶² 68.

²⁶³ 69.

²⁶⁴ 1.

²⁶⁵ Frankl, 1994. С. 298.

²⁶⁶ 69.

²⁶⁷ Там же.

Несколькими днями позже ему сообщили о смерти матери и брата. Мать умерла в газовой камере Освенцима, брат — в филиале Освенцима на руднике²⁶⁸. Новость сокрушила Франкла, а известия о гибели, в том числе друзей и знакомых, продолжали поступать. Особенно глубоко потрясла Франкла смерть его близкого друга Хуберта Гсура (которому он в 1947 г. посвятил книгу «Экзистенциальный анализ и проблемы времени»), гильотинированного 5 декабря 1944 г. Друзья опасались за Виктора — боялись, что он покончит с собой²⁶⁹. В таких обстоятельствах даже Франкл, человек с необыкновенно сильной волей и верой в бога и смысл, мог не найти в себе сил жить. В судьбе любого человека могут случиться такие беды, что ему не встать на ноги без посторонней помощи и поддержки. Друзья активно поддерживали Франкла — в частности освобождая его от необходимости принимать решения. Адвокат и будущий вице-канцлер Австрии Бруно Питтерманн «заставил» его подписать документ, который затем превратил в ходатайство о предоставлении должности главврача²⁷⁰. Так Франкл в 1945 г. стал заведующим неврологическим отделением венской поликлиники, которую возглавил и оставался главврачом в течение 25 лет — вплоть до выхода на пенсию. Тот же Питтерманн раздобыл для него пишущую машинку и подталкивал к написанию книги о пережитом в концлагере. Новый завкафедрой психиатрии Отто Каудерс, последователь Пецля, старшего друга Франкла, настаивал на создании третьей, последней редакции книги «Врачебное душепопечение», на материала которой Виктор мог бы защитить докторскую диссертацию. Его настойчивость увенчалась успехом. Эта деятельность «была единственным, что могло для меня что-то значить. Я устремился в работу»²⁷¹.

В беседе со своим лучшим другом, психиатром Паулем Поляком Франкл со слезами говорил о глубочайшем чувстве, связанном со страданием и несчастьями, которые ему тогда довелось пережить: «Такие испытания должны иметь смысл. У меня было чувство — я не могу выразить это иначе, — словно от меня чего-то ожидали, словно от меня что-то требовалось, словно я был для чего-то предназначен»²⁷².

Благодаря этому чувству Франкл сумел преодолеть пассивность, порожденную депрессией и отчаянием, отвлечение к жизни и бессилие. В следующие два года он заложил фундамент дела всей своей научной жизни. За девять дней он надиктовал книгу о концлагере, фактически излил душу. Время от времени он, обессиленный, падал в кресло и заливался слезами. «Я был так захвачен собственными мыслями, которые часто

²⁶⁸ 77.

²⁶⁹ 81.

²⁷⁰ С. 81 и далее.

²⁷¹ 83.

²⁷² 82.

овладевали мной с болезненной ясностью. Шлюзы были открыты...»²⁷³ Кроме того, Франкл диктовал трем сменявшим друг друга машинисткам книгу «Врачебное душепопечение», используя те записи, которые заставлял себя делать в концлагере, на грани беспамятства, в сыпном тифе. (Впрочем, нашлась копия его первоначальной рукописи.) Писательство помогало ему преодолеть психический ступор и переплавляло страдание в достижение. В каком-то смысле Франкл использовал страдание, чтобы преодолеть барьер, мешающий ему писать. Еще первая редакция «Врачебного душепопечения» была написана им под давлением ожидаемой депортации в концлагерь, после того как он около десяти лет откладывал работу на потом; теперь он снова жил под гнетом страдания, в котором вдруг вспыхнул, подобно лучу во тьме, смысл: «Вот тогда мне стало ясно: если уж не кто-то, то — что-то ждало меня. В Освенциме я утратил готовую к печати рукопись моей первой книги»²⁷⁴, хотя надеялся, что по крайней мере это “духовное дитя” меня переживет. И теперь я понял: вот он, мое “Почему”! Нужно было восстановить рукопись. И я ринулся в работу. Книга стала моей диссертацией»²⁷⁵. Благодаря работе Франкл смог снизить накал своего страдания. Этот накал переплавил страдание в задачу, в цель, в «быть-полезным» и «пользоваться-спросом», как это называл Франкл в своей основной экзистенциальной установке в жизни²⁷⁶. Чувство призвания остановило процесс внутреннего окукливания, изъяло Франкла из кокона и снова открыло ему мир. Кроме того, работа исцеляла и защищала его. Через описание пройденного в концлагере страдания, через занятия логотерапией Франкл получал возможность прикоснуться к своей травме и обработать ее, «исстрадать», как он однажды сказал.

Работа над книгами давалась Франклу нелегко. Ради нее ему пришлось пожертвовать своим увлечением скалолазанием и альпинизмом²⁷⁷. Он не взялся бы за этот труд только ради того, чтобы пережить страдание и исцелить душевную травму. Думаю, в конечном счете главный смысл выполнения этой задачи был для Франкла в следовании голосу совести и чувству долга перед своим призванием. Именно ощущение призвания²⁷⁸ давало ему силы писать. В последующем жене Франкла пришлось делить с ним тяжесть его жертв, а возможно, как он считал, идти и на большие жертвы, если не сказать — «на самоотречение»²⁷⁹. Что же до писательства, то Франкл страдал от собственной педантичности и пер-

²⁷³ 83.

²⁷⁴ «Врачебное душепопечение».

²⁷⁵ Frankl, 1994. С. 288.

²⁷⁶ Frankl, 1982. С. 72; Längle, 1988. С. 11 и далее.

²⁷⁷ 87.

²⁷⁸ 82.

²⁷⁹ 87.

фекционизма. Он часами мучился над отдельными фразами, иногда до десяти раз переписывал страницы своей книги, пока формулировки не становились ясными, «как обработанный хрусталь, и прозрачными для сияющей за ними истины»²⁸⁰.

Обе книги, «Врачебное душепопечение» и «Психолог в концентрационном лагере» вышли в 1946 г. Во «Врачебном душепопечении» Франкл представил основные положения логотерапии. Он сознательно выбрал для книги провокационное по меркам сороковых годов название, утверждая, что и врачу следует заботиться о душе пациента, и это его человеческий долг независимо от его религиозной принадлежности. В 1948 г. эта работа была признана докторской диссертацией, как за три года до этого и прочил Каудерс. Тираж был распродан за три дня. Последовало переиздание, которое разошлось через три недели. Книги в то время не переиздавались быстро, потому что бумага была в большом дефиците. Но в том же 1946 г. вышло третье издание, в 1947-м — четвертое, в 1948-м — пятое. Американская комиссия отметила «Врачебное душепопечение» как «самую издаваемую» книгу в немецкоязычной литературе послевоенного времени и выбрала ее для перевода на английский. Уже в 1946 г. она вышла в нью-йоркском издательстве Knopf под названием *The Doctor and the Soul*. Хотя позже темпы переизданий снизились, книга и по сей день доступна как по-немецки, так и по-английски, а кроме того переведена как минимум еще на семь языков.

У книги «Психолог в концентрационном лагере» история совсем иная. Франкл видел в ней документ, свидетельствующий о человеческих возможностях в экстремальных условиях, и хотел опубликовать ее анонимно. Вероятный успех этой книги не льстил его честолюбию и, как он считал, не украсил бы его. А провал, напротив, мог нанести ущерб его репутации психиатра. Как бы то ни было, Франкл решил «опубликовать ее анонимно, чтобы иметь возможность позволить себе быть откровенным»²⁸¹. Книга была уже отправлена в печать, когда друзья уговорили его «взять на себя ответственность за ее содержание, подписавшись собственным именем»²⁸². Но к этому моменту обложка уже была готова, поэтому книга так и вышла без имени автора. Первое издание было выпущено в издательстве «Юность и народ» под названием «Психолог в концентрационном лагере». Продавалась книга тяжело. Тем не менее в 1947 г. ее издали вторично, и остаток этого тиража пошел в конечном итоге на макулатуру. По рекомендации гарвардского психолога Гордона Оллпорта она была переведена на английский и вышла в 1959 г. в издательстве Beacon Press в Бостоне под названием

²⁸⁰ 90.

²⁸¹ 84.

²⁸² Там же.

From Death Camp to Existentialism. Англоязычному варианту с самого начала повезло больше, чем оригиналу. В 1961 г. вышло уже четвертое издание, а в 1962 г. то же издательство выпустило книгу еще раз, изменив название на *Man's Search for Meaning*. К 1966 г. она выдержала шесть изданий. Однако наибольший успех имел вариант в мягкой обложке, выпущенный в 1963 г. издательством *Washington Square Press*. За шесть лет книга была переиздана 14 раз; к 1995 г. только в Соединенных Штатах вышло более 9 млн экземпляров²⁸³. Там эта книга до сих пор в списках лонгселлеров; пять раз она становилась книгой года и была включена в программу многих колледжей. Библиотека Конгресса в Вашингтоне объявила ее одной из десяти наиболее влиятельных книг в Америке²⁸⁴. По утверждению издательства Beacon Press, карманное издание «Психолога в концентрационном лагере» в конце 1980-х гг. стало самой кассовой научно-популярной работой в США. В немецкоязычных странах книга постоянно переиздается высокими тиражами под новым названием: «Сказать жизни "да"».

Несмотря на скромный успех в первые годы, книга нашла огромный отклик и в немецкоязычном пространстве. Франкл приводит в своей биографии²⁸⁵ истории, дающие представление о том, какой резонанс вызвала она у читателей. Карл Ясперс, глубоко тронутый ею, назвал эту работу Франкла *document human*, что можно сказать «о немногих великих книгах человечества»²⁸⁶. Это свидетельство человечности и человеческого в человеке, рассказывающее о том, на что мы способны в чрезвычайных обстоятельствах. Франкл говорил мне, что и Мартин Хайдеггер хвалил его за эту работу, назвав лучшей из всех его книг. Габриель Марсель даже написал предисловие для французского издания.

Франкл мало описывает ужасы и мерзость лагерной жизни. Они остаются на заднем плане. Его внимание направлено на конкретных людей, отдельные события, показывающие человеческую способность справляться с запредельными перегрузками. Франкл не обвиняет, не судит, не жалуется. На протяжении всей книги он целиком поглощен переживанием и преодолением непереносимого. Книга показывает и одновременно предупреждает о том, на что человек способен — в самых разных смыслах. Она и о том, какое чудовищное зло мы способны причинять друг другу, и о том, что страдание можно встречать стойко и открыто, не склоняясь перед ним, и о том, *как* можно это пережить и даже — *как* мы в конечном счете можем с этим справиться. Быть в согласии с собой и с жизнью, уметь воз-

²⁸³ 80.

²⁸⁴ 99.

²⁸⁵ 85 и далее.

²⁸⁶ 92.

выситься над сиюминутным, формируя таким образом свою жизнь — вот свидетельство силы человеческого духа.

Сила духа жить ради *смысла*, следовать своему долгу и пользоваться своей свободой может проявляться в любых обстоятельствах, не обязательно в концлагере. Для Франкла²⁸⁷ эти три способности — главные характеристики *экзистенции*. Сила духа способна помочь человеку преодолеть отчаяние перед лицом неизлечимой болезни, неотвратимого горя или потери, несправедливости и любого другого зла, — и лепить свою судьбу, участвовать в ее формировании. И наоборот — нет ничего хуже, чем отдаться отчаянию. Отчаяние страшнее самой судьбы. В нем человек теряет позицию. Нельзя сказать, что без отчаяния не было бы страдания. Боль все равно остается. Но самая большая опасность — покориться. И книга Франкла — свидетельство того, что человек может подняться над страданием, встать на ноги и пойти навстречу будущему, каким бы неопределенным оно ни было. В каждом из нас есть эта способность. Она пробуждается, если к ней постоянно обращаются и укрепляют ее везде, где она слабеет или пропадает. Одна из глубочайших задач логотерапии Франкла — утешать и поддерживать человека в страдании, чтобы тот мог его вынести, оставаясь человеком и самим собой, чтобы и в страдании остался верен себе и мог следовать миссии, которую вручает ему жизнь. Эта книга показывает важность того, что Франкл называл «ценностями отношения». Ценности отношения — труднейший путь к обретению смысла. Однако именно они дают человеку возможность найти смысл в любых обстоятельствах, даже в страдании.

Франкл поддерживал свою мотивацию к писательской работе, адресуя каждый отдельный фрагмент кому-либо из тех, для кого писал и кого упоминал в посвящении (см. раздел II, с. 136 и далее).

В послевоенные годы Франкл с особым рвением боролся против идеи *коллективной вины*. Он выступал в защиту гуманистического идеала личной ответственности, писал и публиковал об этом статьи, заступался за людей персонально. После войны высказывания против коллективной вины были совсем не популярны. Однажды Франкл выразил свой взгляд на нее в присутствии коменданта французских оккупационных войск²⁸⁸. Франкл, еврей, прошедший концлагерь, неоднократно приводил в пример случаи, когда эсэсовцы и нацисты демонстрировали исключительно гуманную позицию и прилагали усилия по оказанию помощи — зачастую и нелегальной — нуждающимся людям, заключенным и больным. Так, он вспоминал об одном лагерном начальнике,

²⁸⁷ Frankl, 1994. С. 72.

²⁸⁸ Этот доклад опубликован в сб. «Воля к смыслу (Der Wille zum Sinn)» (1991. С. 86–107).

эсэсовце, который тайком покупал на свои деньги медикаменты для заключенных. После освобождения Тюркхайма заключенные спрятали его от американских военных и объяснили командующему, что «они выдадут его при условии, что его не тронут и пальцем»²⁸⁹. Тогда американский командующий назначил бывшего эсэсовца комендантом лагеря, и в новом качестве тот не только обеспечил больных медикаментами, но и организовал сбор продовольствия и одежды в окрестных деревнях. В том же лагере Франкл знал старосту, который, будучи сам заключенным, избивал собратьев, в том числе и больных²⁹⁰. Виктор снова и снова подчеркивал, что граница, до которой люди могут прийти в своих беззакониях, определяется не их расовой или политической принадлежностью, а проведена в сердце и зависит от того, насколько чутко каждый слышит голос своей совести. И достойные, и непорядочные люди есть всюду — разве это оставляет место идее о коллективной вине? Какой реальности она соответствует? Одни рассказы Франкла о его личном опыте делают отрицание коллективной вины по-человечески понятным. В главе о политике приводятся и теоретические соображения, которые подтолкнули Франкла к этой точке зрения.

Франкл возражал против обвинения людей на основании одной их принадлежности к той или иной группе не только в своих выступлениях и публикациях. Он не колеблясь оказывал помощь и защищал конкретных граждан. Он охотно пришел на помощь своему старшему другу Пецлю, пытавшемуся сохранить за собой пост заведующего кафедрой психиатрии после войны. По свидетельству Франкла, Пецль не был похож на человека, вовлеченного в политику; долгое время оставался только кандидатом в члены НСДАП и не предпринимал ничего, чтобы продвинуться по партийной лестнице. Пецль не интересовала партийная карьера; членства в партии он добивался, чтобы сохранить за собой принадлежавшие ему многие годы работу и должность. Для Франкла и многих евреев было счастьем, что ему это удалось, потому что Пецль, как мы уже говорили, помогал Франклу саботировать эвтаназию. Но к самому Пецлю помощь опоздала. Он был отстранен от должности отделом по делам денацификации²⁹¹ уже в тот день, когда Виктор впервые пришел к нему с визитом.

²⁸⁹ 80.

²⁹⁰ Frankl, 1981. С. 89.

²⁹¹ Отношение Пецля к идеологии национал-социализма остается неясным. Пайтелл (1997. С. 105) сообщает, на основании документов НСДАП, найденных в архиве австрийского Движения сопротивления и касающихся Пецля, что тот вступил в партию в 1943 г. Позже он распорядился, чтобы его заявление о вступлении датировали задним числом, как если бы он подал его в 1941 г. Кроме того, сам Пецль утверждал, что уже с 1930 по 1933 г. — то есть еще нелегально — вносил взносы в НСДАП. В 1938 г. он поддерживал стерилиза-

В других случаях Франкл сумел помочь и даже уберечь от самого страшного. Так, он спрятал у себя на квартире коллегу-психиатра, узнав, что того ищет государственная полиция. Этот доктор должен был предстать перед чрезвычайным судом по рассмотрению дел военных преступников, потому что у него была «какая-то эмблема гитлерюгенда»²⁹². Такие процессы являлись чрезвычайно опасными: на них выносилось только два решения — оправдание либо смертный приговор, причем последний немедленно приводился в исполнение. Еще одну коллегу Франкл спас от смертного приговора, выступив свидетелем на ее процессе. Он «наскреб весь мыслимый позитив» о ней и привел его в качестве аргументации²⁹³. Но что поражало и выводило Франкла из себя — в результате у него становилось все больше противников среди евреев, особенно в еврейской общине. Из-за показаний на суде его на следующий день «вызвали в союз узников — жертв нацизма и спрашивали, что я могу сказать по поводу своего скандального поведения, которым я спас жизнь нацистке. На каком основании я решил, что должен выступить свидетелем и в качестве такового говорить всю правду; вы понимаете, господа, что здесь мне уже нечего было сказать; я повернулся и покинул помещение союза узников — жертв нацизма и его сконфуженных деятелей. Я не люблю, когда делают вид, будто в моем выступлении на суде было что-то особенное; а то, что такой вид все же делают, говорит отнюдь не о моих достоинствах, но, должен добавить, свидетельствует против других — против большинства, для которого, к сожалению, проживать свой естественный долг совсем не представляется естественным»²⁹⁴.

Международная известность

Так сложилось, что деятельность Франкла с самого начал не имела государственной или территориальной принадлежности. Первая же его психологическая публикация появилась в Международном журнале психоанализа, опубликовавшего по настоянию Зигмунда Фрейда работу 17- или 18-летнего гимназиста. Вторая научная работа снова вышла в международном издании — Международном журнале по индивидуальной психологии, на этот раз — по инициативе Альфреда Адлера. И свой

цию душевнобольных, объясняя свою позицию евгеникой (то есть соображениями улучшения наследственности нации). Правда, мне это свидетельство представляется слишком слабым для доказательства национал-социалистических взглядов — во всяком случае, таких, которые выходили бы за рамки пассивного коллаборационизма.

²⁹² 81.

²⁹³ MS. C. 93.

²⁹⁴ Там же.

первый профессиональный доклад Франкл сделал на III Международном конгрессе по индивидуальной психологии в Дюссельдорфе в 1926 г. Позже Союз рабочей молодежи содействовал его поездке во Франкфурт-на-Майне, где он должен был выступить, так как имел опыт участия в заграничных конференциях²⁹⁵.

При чтении биографии Франкла создается впечатление, что его международное сотрудничество было предначертано изначально. Едва он после исключения из Общества индивидуальной психологии организовал молодежную консультационную службу, как за границей уже обратили на это внимание и пригласили его с докладами в Прагу, Брно, Берлин и Будапешт. Затем на несколько лет наступило затишье. В 1938 г. Франкл наконец опубликовал в немецкой «Центральной газете по психотерапии и смежным областям» первую большую статью, названную им «О духовной проблематике в психотерапии»²⁹⁶. Статья давала представление о логотерапии и впервые в печати вела речь о тогдашнем экзистенциальном анализе. Ровно через год в двух швейцарских журналах вышли статьи Франкла «Медикаментозная поддержка психотерапии при неврозах»²⁹⁷ и «Философия и психотерапия. Об основах экзистенциального анализа»²⁹⁸. Они уже не могли выйти в Германии, потому что при нацизме публиковаться еврею Франклу было запрещено. Тем не менее ему удалось напечатать статьи за рубежом.

И после Второй мировой войны деятельность Франкла не ограничивалась Веной. Уже 28 декабря 1946 г. он сделал доклад на франко-австрийской встрече высшей школы в Санкт-Кристоффе (Арльберг, французская оккупационная зона). Вскоре после этого он стал первым австрийцем, которому оккупационные власти позволили выехать за границу, чтобы прочесть доклад на конгрессе в Цюрихе²⁹⁹.

Творчество Франкла в первые послевоенные годы находило живой отклик не только за границей, но и в Австрии, в Вене. Как уже говорилось, его книга «Врачебное душепопечение» вызвала у австрийских читателей большой интерес. Доклад 1947 г., сделанный по приглашению культурного сообщества в венском «Концертхаузе», Франкл повторил на бис дважды³⁰⁰. Сразу после войны он стал главврачом, двумя годами позже защитил докторскую диссертацию и регулярно выступал в венской поликлинике с докладами, которые были очень популярны и пользовались большим успехом. Франкл был единственным в послевоенной Вене лектором, который говорил о психотерапии. Многие его слушатели

²⁹⁵ 40 и далее.

²⁹⁶ Переиздано в 1994. С. 15–30.

²⁹⁷ Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie. 1939. № 43. S. 26–31.

²⁹⁸ Schweizerische Medizinische Wochenschrift. 1939. № 69. S. 707–709.

²⁹⁹ 67.

³⁰⁰ 99.

впоследствии стали видными психотерапевтами и психиатрами. Немало среди них было тех, кто благодаря этим лекциям нашел свое профессиональное призвание. Франклу часто признавались в этом в письмах или в личных беседах и особенно на конгрессах и в торжественных случаях (например, когда отмечали его восьмидесятилетие).

В 1949 г. Франкл получил *вторую докторскую степень по философии* в области психологии. В качестве диссертации была представлена его книга «Подсознательный Бог». Добавку «доктор философских наук» (д. ф. н.) он обычно «скрывал». В одном выступлении, желая узаконить свое право на прилагательное «философских», он указал на это «д. ф. н.», заметив с юмором: «Знаете, дорогие мои, я доктор не только медицины, но и философии, хотя обычно это скрываю. Потому что, насколько я знаю моих венских коллег, скажут не о том, что Франкл — дважды доктор, а о том, что он только наполовину врач»³⁰¹.

Франкл быстро вернулся к полноценной жизни. В 1946 г. он возглавлял неврологическое отделение венской поликлиники и познакомился там с молодой медсестрой, которую прислали из другого отделения за кроватью. Встреча с нею была для Франкла подобна вспышке молнии. «Вы видели эти глаза?» — спрашивал он своих ассистентов, находясь всецело под впечатлением от встречи³⁰². Годом позже медсестра Элеонора Катарина Швиндт стала его женой³⁰³. У них родилась дочь. Семья Франклов поселилась в квартире на Марианненгассе, 1 в 9-м округе Вены, в двух шагах от поликлиники. Эта квартира оставалась домом Франкла до самой его смерти.

Тот факт, что уже в 1946 г. эксперты рекомендовали книгу «Врачебное душепопечение» для перевода на английский, было для Франкла свидетельством большого успеха. Но одного этого перевода для признания в США было недостаточно. Если говорить о немецкоязычном пространстве, то первая книга Франкла распространилась главным образом в Австрии. «Психолог в концентрационном лагере» сначала, как мы видели, вызвала мало интереса. Однако следующие его произведения, книги *Nomoi patiens* и «Безусловный человек»³⁰⁴ равно как и «Подсознательный бог», принесли ему известность у немецкоязычных читателей. Этому способствовало и то, что Франкл старался участвовать в научных заседаниях.

На них он встречался с коллегами — ведущими специалистами и представлял им логотерапию. На упомянутом выше послевоенном конгрессе в Цюрихе ему довелось встретиться с известным швейцарским

³⁰¹ 20.

³⁰² 107.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Объединены в книге «Страдающий человек (Der leidende Mensch)» (1990).

психиатром и психотерапевтом Людвигом Бисвангером³⁰⁵. Конгресс уже начался, но Бисвангер подошел к Франклу и шепотом спросил: «Г-н Франкл, скажите мне только одно: ваша жена выжила?» — Франкл был очень тронут этим вопросом и участием Бисвангера, пробившемся сквозь фасад делового интереса. Он покачал головой. Тогда Бисвангер оцепенел и, пролепетав «Боже мой», в безмолвном волнении пожал ему руку. Здесь просится формулировка, которую Франкл нашел несколькими годами позже и которая лучше всего характеризует молчание Бисвангера: «Там, где нет слов, любое слово становится лишним»³⁰⁶. Впоследствии он однажды навестил Бисвангера, основателя даэин-анализа, в Кройцлингене³⁰⁷.

Франкл придавал большое значение встрече со всемирно известными философами Мартином Хайдеггером³⁰⁸ и Карлом Ясперсом³⁰⁹. Хотя

³⁰⁵ Людвиг Бисвангер (1881–1966), основатель даэин-анализа, который основывается на феноменологии Эдмунда Гуссерля и фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера, и представляет, таким образом, психотерапевтическое направление, основанное на экзистенциальной философии, и родственна в некоторых отношениях экзистенциальному анализу.

³⁰⁶ Frankl, [1950] 1990. С. 386.

³⁰⁷ Похожую мысль обнаруживаем у Германа Броха (Broch Hermann, 1953, 53): «Но что было противопоставлено всей крови, всем жертвам, всем мукам? Стихи? *Не слишком ли мало стихов, и все же — не слишком ли много?* Разве стихи могут изменить такой мир?...» Курсивом выделено предложение, подчеркнутое Франклом.

³⁰⁸ Мартин Хайдеггер (1889–1976), немецкий философ, ведущий представитель экзистенциальной философии, профессор в Марльбурге и Хайдельберге. Заново поставил аристотелевский вопрос о смысле бытия и попытался найти этот смысл прежде всего в человеческом бытии — «здесь-бытии» (Dasein). В своей книге «Бытие и время» (1927) он рассматривает общие специфические характеристики человеческой жизни — «экзистенциалы». Человек («здесь-бытие» — Dasein) открывает себя и свой мир в «заботе о своей жизни» и в «бытии-с-другими», «озабоченно» пребывая в мире, который он разделяет с другими людьми (Mitwelt). Его собственное «я» открывается ему пассивно — в своем общем жизненном настрое, или «расположенности» (Befindlichkeit), активно — в понимании своих возможностей перед лицом действительности. Человек может справиться со страхом — основополагающей настроенностью «здесь-бытия» — только путем превосходящего «предстояния смерти» (Vorlaufen des Tode).

³⁰⁹ Карл Ясперс (1883–1969), немецкий философ, ведущий представитель «философии существования» (экзистенциальной философии), психиатр, затем профессор психологии в Гейдельберге. В 1921–1937 гг. профессор философии в Гейдельберге, с 1948 г. — в Базеле. Экзистенция для Ясперса есть «возможность бытия» (в отличие от онтологии «здесь-бытия» Хайдеггера), о которой не существует никакого объективного знания. Опыт экзистенции неразрывно связан с опытом трансценденции. В «пограничных ситуациях» (страдание, вина, смерть, борьба) человек осознает «объемлющее» и переживает призыв к «под-

Виктор и не во всем соглашался с их идеями, он ценил, что ему довелось общаться с ними лично (впрочем, никаких дальнейших встреч или научно-го обмена за этим не последовало). Мартин Хайдеггер однажды посетил Франкла в Вене, а Франкл нанес ему визит в Месскирхе. Дискуссия, которую они вели в Вене, относилась к «ценнейшим переживаниям» Франкла³¹⁰. Он рассказывал мне, что речь по большей части шла о бренности бытия и человеческом бытии-в-мире. Под конец Хайдеггер произнес: «Если я вас правильно понял, г-н Франкл, под “самотрансценденцией” вы понимаете приблизительно то же, что я под понятием “бытием-в-мире”». Мне хорошо запомнилась фраза Хайдеггера в передаче Франкла, окрашенная характерным для него оборотом (Франкл частенько использовал слово «приблизительно»). Это помогло мне при чтении обоих авторов.

На память о визите Хайдеггера у Франкла осталась прекрасная фотография, сделанная в венском кафе. Франкл вклеил ее в свою гостевую книгу. Философ написал там посвящение, «которым хотел подчеркнуть родство наших взглядов»³¹¹. Это глубокая и очень философская фраза: «Прошлое уходит. Былое остается»³¹². Хайдеггер намекает этим на свое понимание бытия. То, что поднято до бытия, — «присутствует», оно рядом (так участок земли называют «местопребыванием»). Оно вырастает в бытие и сильно им. То, что «существует» — «сущность», в контексте прошедшего оно «существовало» и стало «прошлым». Но сущность сопричастна бытию, и потому возвращается: «Былое остается». Его сущность сохраняется. В нем основа будущего. С ним связана наша собственная сущность. То же, что не было «сущностным», проходит мимо нас, не «присутствуя», не трогая, не делая нас «сущностными», не внося свою лепту в наше бытие, не способствуя ему. Так оно и проходит без следа; уходит, каким пришло — лишь тенью возможностей, так и не ставших «действительностью», «настоящим». Проходит, как пришло, так и не войдя в наше бытие: его не было там, где были мы. Оно нам не встретилось. Мы им не жили, не про-живали его.

Так думал и Франкл³¹³. С его точки зрения, преходящи только возможности. То, что прожито, не может уйти из жизни. Оно остается. Его у нас не отнять, потому что мы его впитали, оно стало частью нас. То, что так «было», стало действительностью, прудлевая себя и в будущее. «Быть-

линному бытию». Он начинает задавать вопрос об «абсолютном» («прояснение экзистенции»). К этому его направляет также и первый шаг «ориентировки в мире», в котором он узнает о невозможности надежного научного познания своей экзистенции в мире.

³¹⁰ 91.

³¹¹ Там же.

³¹² Там же.

³¹³ Frankl, 1982. С. 95.

сущим — тоже один из видов бытия: возможно, самый надежный»³¹⁴. В своих бесчисленных выступлениях Франкл не устал повторять, что люди часто видят лишь «жнивье преходящего», не замечая «полных амбаров былого. В прошедшем нет ничего безвозвратно утраченного — напротив, все стало неотъемлемым. То, что однажды было в мире, в мире остается; не определяется ли все существующее именно тем, что оно создано в мире?»³¹⁵

Не правда ли, фраза Хайдеггера «Прошлое уходит. Былое остается» очень психотерапевтична? Утешительная мысль для того, кто потерял в концлагере всех родных: «То, что существовало, что было сущностным, живет в тебе и дальше, не утрачивается, а возвращается! — А время, с его суетой, угрозами, страхом, — оно минуло. Оно прошло».

Психологически значимым представляется мне и еще один аспект этой фразы. Думаю, зная Франкла, я могу сказать, что Хайдеггер хотел написать ему в «книгу для памятных записей» пожелание не умалять значения биографического прошлого человека для его будущего. Иными словами, стоит заниматься не только своим будущим, как призывает Франкл в логотерапии, но и своим былым, тем, что в жизни было значимым и все еще важно или, может быть, тем, что все еще кровоточит, болит, «преследует». Если былое «остается», то на нем основывается будущее. Являясь сущностным, былое должно присутствовать и в экзистенциально-аналитической психотерапии, потому что оно «возвращается». Пятьдесят лет Франкл открыто противостоял этой идее и в конце концов ее отверг. Тем не менее, она остается.

В своих выступлениях Франкл часто повторял, что за свою жизнь только двух человек считал образцами для подражания: Фрейда и Хайдеггера. Фрейда — за твердость, с которой он, вопреки недоброжелателям, стоял за свою теорию; Хайдеггера — за добросовестность, которая не позволила ему, соблазнившись успехом первой книги, опубликовать неоконченную рукопись (речь идет о второй части произведения «Бытие и время»).

Напоследок хотелось бы привести критическое соображение, которое приходит мне в голову в последние годы, когда широко обсуждается национал-социалистическое прошлое Хайдеггера. Говорят, будто бы после войны он прилагал много усилий для своей реабилитации. Не этим ли объясняется его интерес к Франклу? Может быть, визит Хайдеггера к еврею и бывшему узнику концлагеря, чей рассказ он «особенно ценил», был вызван желанием снять с себя подозрение в приверженности нацистской идеологии? Тут уместно упомянуть, что приезд Хайдеггера оказался для Франкла полной неожиданностью. Франкл рассказывал мне, что, зная он о визите заранее, нашел бы время еще кое-что «подчитать», чтобы иметь возможность дискутировать с философом. В то же время,

³¹⁴ Там же. С. 47.

³¹⁵ Там же. С. 95 и далее.

визит Хайдеггера был для него большой честью и способствовал росту престижа Франкла-ученого. В общем, оба что-то выигрывали от этой встречи. Забота о личном авторитете представляется мне по-человечески понятной и правомерной. Интерес Хайдеггера к теории Франкла не был меркантильным, он не мог использовать ее ни для научного обоснования, ни для освобождения своей философии от подозрений в национал-социалистических настроениях. Поскольку их дискуссия не получила развития, не стала началом переписки, обмена мнениями и отношений, подобных тем, какие Хайдеггер много лет поддерживал с цюрихским психиатром Медардом Боссом^{316, 317}, можно сделать вывод, что мотивом этой встречи был скорее личный интерес. То же можно сказать и о встречах с другими знаменитостями, о которых упоминает Франкл. Разумеется, выносить суждение в этом вопросе нужно с большой осторожностью, потому что тут могут быть и другие объяснения. Возможно, сыграла свою роль склонность Франкла к самостоятельной научной работе; в вопросах теории он предпочитал делать все сам, не принимая участия в коллегиальном творчестве и даже не взаимодействуя с другими учеными.

Хотя Карл Ясперс был коллегой Франкла и превосходным психопатологом (его книга по психопатологии стала учебником и остается им по сей день), их личные особенности не способствовали сближению — при этом философия Ясперса особенно близка идеям Франкла. Понимание бытия и его связь с трансценденцией у Ясперса, на мой взгляд, яснее выражает то, о чем Франкл часто говорит лишь намеками или освещает с антропологической точки зрения, не углубляясь в философию. Франкл говорил мне, что его понятие самотрансценденции равносильно понятию коммуникации у Ясперса. Однако они недостаточно взаимодействовали между собой, чтобы можно было сказать больше о сходстве в их образе мыслей. Аргентинский профессор психологии личности и логотерапевт Оскар Риккардо Оро³¹⁸ недавно написал в своем учебнике, что представления Франкла и Ясперса о человеке созвучны.

Франклу, по его собственному признанию, было нелегко в обществе Ясперса с его буржуазными, даже аристократическими манерами. Такой стиль поведения воспринимался им как нечто недоступное или пугающее. Этот мир был ему чужд. Подобные чувства, впрочем, вызывало у Франкла и общение с мюнстерским философом Йозефом Пипером³¹⁹.

³¹⁶ Медарт Босс (1903–1990), швейцарский врач и психотерапевт, основоположник цюрихской школы дазайн-анализа. Много лет поддерживал научное сотрудничество с Мартином Хайдеггером.

³¹⁷ Boss, 1987. Оро, 1997.

³¹⁸ Оро, 1997.

³¹⁹ Йозеф Пипер (1904–1997), немецкий философ, профессор философской антропологии в Мюнстере (Вестфален).

Каким ценным для экзистенциального анализа могло бы стать их сотрудничество! Но Франкл предпочитал работать в одиночку. По его словам, он читал мало экзистенциальных философов — не считая Макса Шелера. За Хайдеггера, как уже упоминалось, он взялся лишь после того как узнал о визите философа в Вену, и прочел немного — так сказать, из вежливости. Он не хотел специально готовиться к разговору и встретить Хайдеггера «во всеоружии». Хотя мне трудно в это поверить. Скорее, как мне представляется, Франкл понимал, что его идеи близки идеям Хайдеггера, и хотел оградить себя от влияния знаменитого старшего коллеги, претендуя на собственную оригинальность. Правда, он использует понятия Хайдеггера (например, «экзистенциалии»), ссылаясь на него уже в первом издании «Врачебного душепопечения» (1946) и пишет в характерной для экзистенциальных философов манере — используя дефисы и часто употребляя «всегда» и «сущность».

Из французских философов-экзистенциалистов Франкл более всего ценил Габриеля Марселя³²⁰. Поэтому тот факт, что Марсель почел за честь написать предисловие к «Психологу в концентрационном лагере» было для него чрезвычайно лестным свидетельством признания. Правда, лично они так и не встретились. К французским экзистенциалистам Альберу Камю³²¹ и Жану-Поллю Сартру³²² Франкл всегда отно-

³²⁰ Габриэль Марсель (1889–1973), французский философ и писатель. Один из наиболее ярких представителей французского экзистенциализма. По Марселю, основной опыт бытия — «расколотый мир», который отмечен прежде всего состоянием бессмысленности (а не абсурдом, как утверждалось во французском экзистенциализме). Причина расколотости мира — конкретное мышление нашего времени, возведение в абсолют субъекта и его автономии, желание иметь (стремление к власти и влиянию) и утрата отношения к «ты», которое видят только как объект и соответственно обращаются с ним. Его существование есть тайна (*mystère*) его сущности, которая может быть открыта и познана через «акт внутреннего соединения» (*recueillement*). «Участие в бытии» (*participation*) — сущностное участие в личном «ты» ближнего.

³²¹ Альбер Камю (1913–1960), французский писатель и философ, в 1957 г. получил Нобелевскую премию по литературе. Один из наиболее ярких представителей французского экзистенциализма. Идеи Камю в его произведениях содержат три шага: Абсурд (человек жаждет смысла, но не находит его). Следом за абсурдом приходит человек бунтующий, который восстает против абсурда, но успех его неполон. Он все-таки узнает, что его одиночество разделено теми, кто тоже восстал: бунт объединяет. Это смыслообразующее пространство свободы следует справедливо разделить, ибо у него есть границы. Это пространство свободы устанавливает масштаб. Отрицанию бога и истории («нет» богу и истории) оно противопоставляет «согласие с жизнью» («да» жизни) как понимание этого масштаба.

³²² Жан-Поль Сартр (1905–1980), французский философ и писатель, главный представитель французского экзистенциализма. Центральным для него яв-

сился несколько отчужденно. С произведениями Камю он, насколько мне известно, был знаком мало, из Сартра же читал *L' être et le néant*³²³. Помню, однажды он, к моему изумлению, потратил на чтение большую часть дня только потому, что искал какую-то цитату. Вечером, когда я пришел к нему, книга все еще лежала на столе. Франкл не был особенно расположен к Сартру, однако с уважением относился к его трактату об ответственности, который, по его мнению, мог принадлежать перу логотерапевта.

Книги Франкла получили резонанс не только в философских кругах. Все больше и больше читателей писали Франклу, насколько важны для них его работы, как сильно они помогли им. Я сам читал десятки таких писем. На каждое Франкл отвечал лично. О бесчисленных читательских откликах, так много значивших для Франкла, он упомянул в своей биографии лишь мельком³²⁴. В 1949 г. Франкл в первый и единственный раз стал отцом. Его жена Элли родила дочь Габриэлу. Уже в год ее рождения Франкл посвятил малышке книгу «Безусловный человек. Метаклинические лекции».

В 1954 г. Франкла пригласили в Аргентину для чтения цикла лекций о логотерапии. Это было его первое длительное пребывание за границей. По случаю конференции в Буэнос-Айресе учредили первое Международное общество логотерапии.

Но настоящий прорыв на международном уровне произошел после появления его трудов в англоязычных странах, особенно в США — в значительной степени благодаря бывшему учителю Рудольфу Аллерсу. Перед приходом нацистов к власти Аллерс эмигрировал в Америку. После войны Франкл в знак благодарности и уважения выслал ему все свои публикации. Аллерс не поблагодарил Франкла за посылку и никак не прокомментировал его жест. Однако Франкл из принципа продолжал эту традицию, демонстрируя учителю уважение. Его перенятая у отца или унаследованная верность принципам и непоколебимость в этом случае была щедро вознаграждена. Без ведома Франкла Аллерс передал

ляется понятие свободы, которой не может избежать ни один человек. Через посредство свободы «вещи в себе» становятся «вещами для меня», благодаря чему они «должны быть тем, что они есть». Как последовательный атеист считал, что человек несет всю полноту ответственности за свои действия, потому что весь миропорядок происходит из его свободы. Ангажированность и утверждение ответственности за свои действия — это высшая форма бытия.

³²³ «Бытие и ничто» (фр.) — *Прим. науч. ред.*

³²⁴ 90 и далее.

упомянутые труды профессору Гарварда Гордону Олпорту^{325,326}. Олпорт, в начале 1950-х гг. развивавший психологию и психотерапию в направлении экзистенциализма и популяризовавший это направление в своих лекциях, чрезвычайно заинтересовался работами Франкла. Он заказал перевод «Психолога в концентрационном лагере» на английский и написал к ней предисловие. Следующим шагом было приглашение Франкла прочесть курс лекций в Гарварде (1961).

Выступления Франкла пользовались большим успехом, «Психолог в концентрационном лагере» продавалась в США очень хорошо, и Франкла приглашали снова и снова. Он начал беспрецедентную по размаху просветительскую деятельность, и уже в 1960-х гг. стал необыкновенно востребованным лектором в англоязычных странах, а в конечном счете — и во всем мире. Только Америку он посетил около 100 раз, четыре из них — в рамках кругосветного турне³²⁷. Он прочел лекции и доклады более чем в 200 неевропейских университетах. Все чаще ему приходили приглашения от знаменитых политиков и ученых. В первую очередь, без сомнения следует упомянуть о личной аудиенции папы Павла VI, приглашение на которую Франкл получил по случаю поездки с докладом в Рим, о чем стало известно Ватикану³²⁸. Необыкновенно растрогало Франкла приглашение в дом вдовы Эйзенхауера³²⁹, о чем он всегда рассказывал с глубоким волнением. Другие президенты и

³²⁵ Гордон Олпорт (1897—1967), американский психолог, основатель психологии личности как особой предметной области психологии, в 1924—1930 гг. преподавал социальную этику, затем до 1966 г. — психологию в Гарвардском университете, в Кембридже, Бостоне (Массачусетс). Наряду с индивидуальной психологией занимался вопросами диагностики и психологии предрассудков. Главные произведения — *Personality* (1937; в 1949 г. переведена на нем. яз. как *Persönlichkeit*) и *Becoming* (1955; в 1974 г. вышла в переводе на нем. яз. под названием *Werden der Persönlichkeit*) В России книга издана под названием «Становление личности» (М.: Смысл, 2002). — *Прим. науч. ред.*

³²⁶ Олпорт (Allport, 1955) выяснял своеобразие, особый мир и уникальность личности и выступал за такой образ человека, который бы не был подчинен ни власти принципа удовольствия и неудовольствия, ни господству схемы «стимул-реакция». Его критика механистических представлений в психологии привела его к требованию «переливания крови» в психологию личности, для чего ему казалась пригодной «философия существования» с ее фокусированием на становлении (*becoming*) и ее «более широким и свежим пониманием страха, храбрости и свободы». Он упрекал психологию в том, что она «мало что может сказать о небытии (смерти) и еще того менее — о страхе перед мнимой бессмысленностью существования, которую Тиллих описывает как характерный страх нашего времени» (Allport, 1955. С. 79 и далее).

³²⁷ 94 и далее.

³²⁸ 102 и далее.

³²⁹ 95.

знаменитые политики разных государств тоже принимали его у себя³³⁰. В 1979 г. Mobil-Oil-Konzern выпустил книгу под названием «Австрийцы планеты». К их числу был причислен и Франкл.

Успешная научная и публицистическая карьера Франкла побудила издательство Urban & Schwarzenberg обратиться к нему в начале 1950-х гг. с предложением выпустить многотомное *справочное руководство по учению о неврозах и психотерапии*. Франкл согласился стать соиздателем и привлек к проекту Виктора фон Гебзаттеля, основателя «Антропологической психотерапии», и Йоханнеса Г. Шульца, автора «Аутогенной тренировки». Пяти томный справочник занимал видное место среди учебной литературы вплоть до 1972 г., когда вышло двухтомное сокращенное издание.

1970 г. ознаменовал собой новую веху: Международный университет США в Сан-Диего (Калифорния) присвоил Франклу *ad personam*³³¹ звание первого профессора логотерапии. Не случайно поэтому, что I Всемирный конгресс по логотерапии в 1981 г. состоялся именно в Сан-Диего.

Во всем мире насчитывались уже десятки дипломных работ и диссертаций по логотерапии, когда Элизабет Лукас³³² в 1970 г. защитила свою, первую в Вене, диссертацию по теме «логотерапия как теория личности»³³³. Работа была создана на основе масштабного эмпирического исследования, посвященного обретению испытуемыми смысла. В конце 1970-х гг. Франкл вновь вызвал сильный резонанс у венской молодежи. На одном докладе, для которого отвели самую большую аудиторию Венского университета, в зал набилось 4000 человек — при том, что аудитория была рассчитана только на 800 мест. В конце концов до-

³³⁰ 100.

³³¹ *Ad personam* (лат.) — «лично». — *Прим. науч. ред.*

³³² Элизабет Лукас (род. в 1942 г. в Вене) с 1965 по 1971 г. изучала психологию у Рорахера и Гуттманна и защитила первую в Вене диссертацию по логотерапии (1971). Цель — «эмпирическое обоснование логотерапии» (233), для чего в предварительном исследовании 1000 человек «выяснялись те факторы, которые вносят наибольший вклад в личное “обретение смысла”» (Там же). Она получила девять «смыслогенных факторов», среди которых «личное благополучие» и «самореализация» стоят на первом месте (Там же). На основании этих данных был разработан опросник, «лого-тест» (1986), опробованный впоследствии на 340 испытуемых (из них 55 человек — психиатрические и неврологические пациенты). Затем с 1973 по 1986 г. Лукас работала в консультационной службе и в 1986 г. основала Южнонемецкий институт логотерапии (Deutsche Gesellschaft für Logotherapie e. V.) в Фюрстенфельдбруке под Мюнхеном, где с тех пор проводит занятия по логотерапии. Она была также членом-учредителем Немецкого официального общества логотерапии. Написала 12 книг, в которых говорит о логотерапии простым и понятным языком и всячески поддерживает своих читателей.

³³³ Lukas, 1971.

клад слушали 1500 человек³³⁴. При этом изначально ректор отказался отдать большой лекционный зал, считая, что Франкл не наберет такую аудиторию... Так Франкла оценивали в 1970-х гг. в Австрии. Похожим образом дело обстояло двумя годами позже в Граце. Снова 1500 слушателей толпились в актовом зале и двух аудиториях с мониторами. За границей Франкл уже давно собирал тысячные аудитории. Поэтому он часто жаловался на недостаточное признание его и логотерапии на родине, особенно в Вене³³⁵.

После выступления в Вашингтоне газета «Вашингтон пост» писала: «Г-н Франкл удостоился самой высокой чести, какую только может оказать Вашингтон: желающих попасть на его доклад было столько, что они образовали пробку»³³⁶. Где бы за границей и прежде всего в США он ни выступал, лекционные залы оказывались переполненными. Число слушателей порой превышало несколько тысяч, и случалось, они целиком заполняли трибуны на футбольных стадионах.

Росла не только популярность Франкла и интерес к поднимаемым им вопросам; научное и общественное признание выливалось в новые формы. Институт философской антропологии в Каракасе был назван его именем. Появлялось все больше логотерапевтических обществ и институтов: вслед за Институтом логотерапии в Беркли (Калифорния), основанным Йозефом Фабри³³⁷, подобные сообщества зарождались в Соединенных Штатах повсюду. Затем они возникли в Германии, Бразилии, Австрии, Южной Африке, Канаде, Италии, Испании, Венгрии, Чехословакии, Голландии и т. д. Множилось число учреждений, называвших себя «институтами Виктора Франкла».

Особенно волнующими для Франкла стали выступления в коммунистических городах Праге и Москве, и коммунистической Польше. Давление режима и бедность не повлияли на энтузиазм слушателей. Часть из них приехали издалека, подчас добирались сутками в тяжелейших условиях и практически без денег. Многие уже были знакомы с Франклом, нелегально переведенным и распространявшимся благодаря самиздату. Такой интерес к его делу приносил Франклу особенное удовлетворение.

³³⁴ MS. C. 123.

³³⁵ MS. C. 123–126.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Йозеф Фабри (род. в 1909 г. в Вене) изучал в Вене право и перед войной эмигрировал в США. 24 года был ректором калифорнийского университета в Беркли. Познакомившись в 1963 г. с книгой Mans's Search for Meaning, в том же году встретился с Франклом, когда тот выступал в Беркли. Затем вступил с Франклом в оживленную переписку, предлагал организацию семинаров и основал Институт логотерапии, который открыл впоследствии много филиалов в США. Фабри издавал также «Международный журнал логотерапии» (International Journal for Logotherapy).

В послевоенные годы Франклу сопутствовал значительный писательский успех. Он создал 31 книгу и более 400 статей. Многие его произведения были переведены — в общей сложности на 24 языка³³⁸. К 1995 г. вышло в свет более 130 книг других авторов, писавших о логотерапии; было защищено более 150 диссертаций и дипломных работ; опубликовано более 1300 статей³³⁹. Свои главные произведения Франкл написал в 1945—1946 гг.; после 1970 г. его публицистическая активность пошла на убыль, тогда как число читаемых им лекций осталось прежним — даже, пожалуй, увеличилось.

Затем начались присвоения звания «почетный доктор». Первое Франкл получил 7 января 1970 г. от факультета юриспруденции Университета Лойолы в Калифорнии³⁴⁰. До 1980 г. ему присудили эту степень еще три раза — такого числа достигли немногие академики. В конце 1980-х гг. начался настоящий бум присвоений. За следующие десять лет он получил еще 25 таких званий; всего их у него 28. Таким образом Франкл заслужил славу психиатра и психотерапевта, удостоенного самого большого количества почетных докторских степеней.

Семейная жизнь Виктора складывалась вполне счастливо. Его дочь Габриэла стала психологом и вышла замуж за физика Франца Везели, который со временем защитил докторскую диссертацию и стал профессором Венского университета. У Везели двое детей, дочь Катя и сын Александер. Вся семья живет на окраине Вены в 14-м округе. В старости Франкл приобрел по соседству с дочерью небольшую квартиру с видом на природу. Отпраздновав свое восьмидесятилетие, он проводил там все больше времени. В последние годы было сложнее отправиться на любимый Ракс. Сердце слабело, все чаще наблюдалась мерцательная аритмия. Дегенерация желтого пятна привела к снижению зрения. К концу жизни Франкл видел настолько плохо, что практически не мог читать. Поэтому он оставался в Вене и искал общения с природой неподалеку от своего второго жилища. Кроме того, он хотел жить ближе к родным.

В зимний семестр 1996/1997 гг. Франкл прочел свою последнюю лекцию. Сам он говорил лишь около 20 минут. Несколькими месяцами раньше, в июле 1996 г. он дал последнее интервью перед большой аудиторией. Франкла пригласили прочесть торжественный доклад на Первом всемирном конгрессе по психотерапии в Вене. Его друг, заведующий венской кафедрой психологии Гизельхер Гуттманн взял у него интервью, и Франкл даже в этом возрасте пленил слушателей блеском своего феерического ораторского дара. Он был вознагражден продолжительными овациями, к чему привык за предыдущие 20 лет. Только на этот раз его приветствовали в родной Вене — насколько мне известно, впервые. Это было его финальное выступление.

³³⁸ 110.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Fizzotti, 1970. С. 11.

В последние месяцы жизни состояние его сердца сильно ухудшилось. Врачи поставили Франкла перед выбором: либо он решится на рискованную операцию, либо вскоре умрет из-за возрастающей сердечной слабости. Франкл решил на операцию. Очнуться после нее ему было уже не суждено.

2 сентября 1997 г. он умер.

Погребение, по еврейскому обычаю, было проведено в течение 24 часов. Присутствовали на нем только близкие. Франкла похоронили в фамильном склепе на Венском центральном кладбище. В своих предварительных распоряжениях он отказался от официального погребения, которого мог бы удостоиться как почетный гражданин Вены. Отдавая последнюю дань ностальгии, он предпочел семейную могилу.

Его смерть вызвала новую волну общественного признания и поток некрологов. Сообщение, подготовленное семьей и переданное затем Институтом Франкла³⁴¹ собственному агентству, было распространено через международные агентства по печати. Почти все немецкоязычные издания сообщили о его смерти. В Австрии газеты поместили некролог с фотографией Франкла на первой полосе. С этого сообщения начинались выпуски вечерних новостей. «Франкфуртер альгемайне цайтунг» посвятила Франклу длинную статью, а «Нью-Йорк Таймс» отвела ему три четверти полосы. В то время как первая больше говорила о его научных достижениях, вторая сделала акцент на учении Франкла как творении человека, пережившего холокост.

Франкл был личностью мирового масштаба. Гуманизм и незыблемая вера в смысл бытия сделали его опорой и примером для отчаявшихся. Благодаря своему философско-антропологическому творчеству, примирительному отношению к прошлому и человеческим слабостям он стал для мира воплощением совести.

³⁴¹ Институт Виктора Франкла (Лангвизенгассе 6, А-1140 Вена) «поставил своей задачей распространение логотерапии и экзистенциального анализа. Среди прочих целей института — научная обработка архива Виктора Франкла, — собрания рукописей, писем, аудио- и видеопленок с 1945 г. до наших дней; содействие обмену информацией между институтами логотерапии и экзистенциального анализа, существующими во всем мире; проведение конференций и семинаров; издание международного журнала» (из приложения к: Франкл, 1994. С. 349). «Журнал Института Виктора Франкла» — это официальный орган одноименного Института и «публикует специальные статьи о теоретических (психологических и философско-антропологических) основах логотерапии, а также о практических аспектах ее применения в сфере терапии, консультирования и воспитания» (там же). Журнал выходит дважды в год; главный редактор — профессор университета, д-р Франц Й. Веселы. Совместно с коллегой — профессором, д-ром Эудженио Фиццотти из Салезианского университета (Рим) руководит «Международным центром документации по логотерапии и экзистенциальному анализу» (Вена / Рим), издающим полную библиографию всех публикаций, признанных Франклом как логотерапевтическая литература.

II. ФРАНКЛ КАК ЛИЧНОСТЬ

Персональность и личностные особенности Франкла¹

В первой части книги Виктор Франкл предстал перед нами как герой истории своей жизни. В иные моменты у нас появлялась возможность встретиться с ним — «с ним» значит здесь с *персональностью* (Person) Франкла. Коль скоро в этой главе речь идет о персональности Франкла и его личностных качествах, следует вкратце пояснить значение этих двух понятий. Персональность в нашем понимании означает возможность вступать в общение с самим собой, а также с миром, переживать, претерпевать себя и свой мир, и возможность испытывать радость от этого. Мы сказали: мы встретились с персональностью Франкла. Это значит, что мы нашли у Франкла ту духовную способность, которая познает, в своем разуме и совестливости принимает решения и сознательно относится к принятому решению или отделяет себя от него, потому что отвечает за себя. «Его», то есть того, кто действует и деятелен, кто на основе своей биографии и своих личностных качеств (Persönlichkeit), своих задатков, способностей, проблем, недостатков, склонностей и сильных сторон деятельно влияет на мир и участвует в формировании будущего. В этой встрече мы сталкиваемся с *персональностью*, с той открытостью человека, которая жива *отношением к другому* и в то же время в этой *интимности* утверждена

¹ В данной главе А. Лэнгле использует два разных понятия: Person и Persönlichkeit, которые на русский язык переводятся одним словом «личность». Для удобства перевода мы используем для слова Person термин «персональность», а для слова Persönlichkeit «личностные особенности, черты или качества». В связи с ключевым значением понятия Person в экзистенциальном анализе в специальной литературе по этому вопросу слово Person не переводится, а дается в виде кальки — «персон». Значение обоих понятий автор разъясняет в тексте данной главы. — *Прим. науч. ред.*

на себе самой. Благодаря этой динамике взаимоотношений между «я» и другими она есть та сила, которая приводит человека в *общение* с самим собой и миром. В этой франкловской концепции персональности², которая составляет также основу «персонального экзистенциального анализа»³, персональность представляет собой ту способность человека, которая, пребывая позади всего телесного и всех сопутствующих психических чувств и потребностей, есть то, что делает его способным обходиться, работать с душевно-телесными данностями и вещами мира. Благодаря персональности человек есть не просто реагирующий, результирующий вектор потребностей и устремлений, но субъект принятия решений, деятель, ответственный, добросовестный человек. Человек как персональность не реактивен, но активен.

Под личностными особенностями, напротив, понимаются те характеристики, которые проявляются прежде всего в устойчивом образе действий, как например склонность к агрессии, спонтанное социальное поведение, устойчивая склонность к определенным проблемам и сильные стороны. Во введении к главе об отношении Франкла к эмоциональной сфере мы даем более подробное пояснение (см. с. 116).

Этот раздел книги посвящен составлению из мозаики отдельных встреч единый портрет. Из проявлений персональности и сочетания личностных черт должен проступить профиль человека. Конечно, подобный образ может быть лишь приблизительным, и прежде всего он никогда не сможет заменить личной встречи. Человек бесконечно больше всего того, что может быть о нем сказано. Никакие слова не могут выразить персональность человека такой, какой она является в настоящий момент или была в прошлом, исчерпывающим образом. Персональность, смотря по тому, какого рода наша встреча с ней, — может заключать в себе еще много дополнительных оттенков и иных акцентировок, которые всякий раз определяются также персональностью и личностными особенностями воспринимающего. Однако несмотря на всю ограниченность высказываний, которые мы можем сделать о каком-либо человеке как персональности, все-таки возможно найти характерные черты и описать его сущность.

Начнем с того, *как воспринимала Франкла широкая общественность* и что послужило основой его славы. В чем секрет того глубокого уважения и огромного почтения, с которым относились к нему во всем мире? — Влияние Франкла, по моим наблюдениям, обусловлено прежде всего двумя существенными чертами. Они нашли отражение также в некрологах.

² Cp. Frankl, 1959; 1990; 1991. С. 108–118.

³ Längle, 1993c.

Во-первых, это была *примиряющая позиция* выжившего узника концлагеря, которая стремилась дать проявиться тому, что, несмотря на ситуацию, все же было действительно добрым, человечным и ценным. Франкл сосредоточивался на *добре*, потому что в конце концов только добро зачтется. Это высказал Лео Бек, главный раввин Берлина (для Франкла это была очень значительная личность, глубоко его впечатлившая), в своей «Молитве о примирении и мире между народами» в 1945 г. в концлагере: «...и пусть имеет силу только добро, а больше не зло»⁴. Только позитивное устоит во времени, только для позитивного стоит жить. В позитивном заключено будущее, подлинное, истинное, ответственное. Позитивное — это фундамент, *positum*, то есть положенное, на котором может основаться существование. Франкл всегда выступал за это, с этим он обращался к людям и был ими услышан. В борьбе за позитивное Франкл был всецело самим собою. Он являлся сформированным философией и религией врачом-духовником в борьбе с нигилизмом⁵.

Другим впечатляющим свойством Франкла была его *непоколебимая вера в смысл*, которая позволяла ему жить дальше «несмотря ни на что». Несмотря на все потери и боль и вопреки любому возникающему отчаянию, Франкл прожил жизнь, которая была непоколебимо привержена жизни и «несмотря ни на что говорила жизни “да”». Он стал вдохновляющим символом сопротивления человека абсурдности страдания, символом величия человеческого духа, задатки которого несет в себе каждый, и эти задатки составляют его человечность и служат основой его человеческого достоинства.

Это были две задачи Франкла, которые восприняла и поняла в нем широкая общественность. Для них он жил, и обе эти задачи он мог бы соединить в категорию «смысла», чтобы она составила жизненно-практическое понятие, доступное пониманию также и в повседневности. Судьба Франкла — типичная «школа жизни». Благодаря этому траги-

⁴ После войны Лео Бек опубликовал эту «молитву о примирении и мире между народами». Франкл получил ее список от франкфуртского раввина и религиоведа Пинхаса Лапиде, которого очень чтил. В своей речи по случаю открытия мемориального камня на месте бывшего трудового лагеря Кауферинг III 11 ноября 1984 г., узником которого был он сам и в котором он чуть не погиб, Франкл упоминает об этой молитве.

⁵ «Я придерживаюсь логотерапевтического принципа видеть во всем и в каждом — а это означает: во «всех» ситуациях, но также и в «каждой» личности — возможности смысла, а это, в свою очередь, означает: возможность превратить негативное в позитивное. Итак, я не слеп и вижу так называемые человеческие слабости моих учеников и сотрудников, но я стараюсь концентрироваться на их сильных сторонах». (Из письма Франкла Йозефу Фабри от 6 января 1981 г. в: Fabry / Lukas, 1995. С. 156.)

ческая сторона его биографии приобрела постфактум непредвиденный смысл. Его жизнь стала мемориалом противостояния бессмысленности. Если так говорит бывший узник концлагеря, то это слово имеет большой вес. Ему верят, ему нужно верить, что же еще можно возразить на это? И кто рискнул бы при нечистой коллективной совести выступить против такого человека? Этот аспект также нужно принять во внимание. Все это привело к тому, что исповедь Франкла сделалась неприкосновенной для критики. Но то, что считается неприкосновенным и к чему нельзя прикасаться, становится священным. Такова опасность, которая, по моему мнению, грозит биографии Франкла. Его порой объявляют неприкосновенным и превращают в святого. При всем почтении, которого он заслуживает, и при всем уважении к его человеческим и научным достижениям, из Франкла не следует делать икону, недоступную для критики⁶. Мы должны иметь возможность понять его, прикоснуться к нему, и нужно оставить ему возможность сделаться камнем преткновения и противоречия. Тогда его жизнь и его дело останутся в нас живыми, а не будут возвышаться на пьедестале, паря над повседневностью на недостигаемых высотах, подверженные воздействию только пыли истории.

Тот, кто внимательно присматривался к Франклу, читал его сочинения, слушал лекции и посещал курсы, видел человека *острого ума*, ясности мысли и выразительности понятий. Этот бодрый дух проявился в нем через мастерскую *риторику*, которая с первых слов увлекала слушателя и подчиняла его своей власти. В его речи была заставлявшая задумываться весомость, в его голосе — убеждавшая слушателя торжественность, а его жесты излучали жизненную силу, способную воспламенять. Уже с первых слов его выступлений чувствовалось, что говорит человек великий, все обдумавший, убежденный и подлинный. С грамматической точки зрения предложения часто были незакончены и не лишены ошибок. Я много лет не обращал на это внимания, пока однажды мне не пришлось делать транскрипцию одного пассажа в его докладе. Это не имело значение, когда вы его слушали, потому что вы *слышали его*. Надо заметить, что в своих выступлениях он не пользовался конспектом. Это естественно: учитывая его риторическое дарование, читать по бумажке было бы ниже его достоинства.

Тексты Франкла показывают его пристрастие к блестящим *стилистическим формулировкам* и игре слов. Они порой юмористически, порой всерьез и чаще всего вдохновляющим образом подчеркивают бодрость его духа. Если он определяет логотерапию как «учение

⁶ На вопрос о том, какие качества он ценит в людях больше всего, Франкл ответил: «Смелость для открытой критики в мой адрес» (Frankl, 1988). Мы не делаем одолжения Франклу, если не излагаем вполне ясно критики и не выясняем отношения к ней.

о смысле против пустоты смысла (Sinnlehre gegen die Sinnleere)» или говорит, что «смысл должен быть найден (gefunden) и не вправе быть изобретен (erfunden)», то подобные речевые обороты предназначались для того, чтобы слушатель мог лучше запомнить содержание. Поэтому его игра словами — это не только остроумные находки. То, что порой звучит столь легковесно, нередко является результатом многочасового процесса формулирования мысли, при котором Франкл не жалел усилий. Временами он прибегал к излишне тонкой игре слов. Она производит отталкивающее впечатление. Подлинность и весомость сказанного подчеркиваются радостью от формалистической удачи. Порой мне казалось, что Франкл не устоял перед связанным с этим искушением прибегнуть к риторически эффектному обороту и что он испытывал от этого почти детское удовольствие.

В докладах сильнее, чем в книгах проявлялась еще одна сторона личности Франкла, которую можно назвать *нарциссизмом*. Это была громоздкая, очень «много о себе воображающая» манера, которая сопровождалась желанием делать себя центром всего. Франкл, ведший свою родословную от знаменитого Махарала — рабби Лева в Праге (он подчеркивает это в первом же абзаце своей автобиографии⁷), очевидно нес в себе ощущение, что он — нечто великое и особенное. Я замечал: он уделял немало сил, времени и умения для поддержания такого образа на публике. К сожалению, не самое приятное впечатление производят уже первые страницы его автобиографии, когда в главе о матери он пишет в основном о самом себе и обо всех «знаменательных» обстоятельствах, которые сопровождали его рождение. Я позволяю себе говорить об этом по праву близкого к нему человека, потому что эту черту Франкла часто критиковали — в особенности плохо знавшие его люди. Часто в кратких замечаниях ярко высвечивается его нарциссизм. Он подчеркивает, что был старостой социалистически настроенных гимназистов *всей Австрии*⁸, лечил дочь *всемирно известного зоолога*⁹ и *знаменитую сегодня* писательницу Илзе Айхингер¹⁰, в молодежной консультационной службе мужчины предлагали *ему* свою помощь¹¹. Пересказ им двух стихотворений, написанных в пятнадцатилетнем возрасте, демонстрирует не только поэтическую одаренность автора, но и его самовлюбленность¹². Так, на основании анализа этих стихотворений, он называет себя

⁷ 1.

⁸ 39.

⁹ 36.

¹⁰ 46.

¹¹ 47.

¹² 17.

«остроумным»¹³, чтобы затем засвидетельствовать в себе, на примере рассказа об экзамене, «присутствие духа». Не имея намерения отказать Франклу в обладании этой способностью, все же спрашиваешь себя, не случилось ли подобного и с другими экзаменующимися? Наверняка многим приходилось в ситуации, когда не знаешь точного ответа, комбинировать нужное из обрывков знаний, угаданных или всплывших из глубин воспоминаний. Франкл не смущаясь ставит себе в заслугу то, что в ходе экзамена экспромтом изобрел целую медицинскую теорию, разработанную одним «знаменитым» врачом¹⁴.

Порой меня задевало, когда приходилось наблюдать, как он извлекал из всевозможных поводов нарциссистскую выгоду. Например он сообщал, что в известном смысле оказался пророком в отношении двух художников. Ибо задолго до того, как они вошли в моду (то есть уже в начале 1930-х гг.), он купил зарисовку обнаженной модели Эгона Шиле и как поклонник заполучил собственноручную подпись Густава Малера. «То, что мои идеи рано или поздно войдут в моду, вероятно потому, что становятся своевременными, проявилось также и в том, что американский кандидат в президенты Макговерн использовал их в предвыборных речах, так же как и один из кандидатов в президенты Австрии (Гляйснер)»¹⁵. В концлагере его печалило, что «другие с подобным коэффициентом интеллекта могли что-то предпринять,.. тогда как у меня-то уже не было никаких шансов добиться толку от своего интеллекта, но я должен погибнуть в лагере»¹⁶. «Поэтому в то время как высота моего коэффициента интеллекта парадоксальным образом печалила меня, меня всегда радовала мысль, что другие намного позже додумались бы до идеи, которая пришла мне на ум, то есть когда я осознал, что у меня, собственно говоря, был приоритет перед прочими»¹⁷. Это его мало смущало, «потому что я думал про себя: другие должны мучиться и что-то печатать, тогда как я, без мучительных трудов, сознавал, что я достиг бы этой идеи так же точно, как и другие, (знаменитые), ставшие знаменитыми благодаря своим публикациям...»¹⁸. В редакции своей автобиографии 1995 г.¹⁹ он добавляет в этом месте фразу: «Для меня, собственно, ничего бы не значило, даже если кто-нибудь получил бы за мои идеи Нобелевскую премию». Возможно, Франкл именно так и думал, но я не очень-то верю. Ибо я знал его иным. Он тщательно следил за тем, чтобы при цитирова-

¹³ 17.

¹⁴ Там же.

¹⁵ MS. C. 11.

¹⁶ 12.

¹⁷ MS. C. 10; ср. также C. 13.

¹⁸ C. 13; MS. C. 10.

¹⁹ 13.

нии упоминалось его имя. Его удручало, если выступления или публикации других имели больший успех, чем его собственные, тем самым лишая его ореола недостижимого и уникального.

Не думаю, что Франкл оказал особую услугу логотерапии, говоря, будто создал это название, чтобы не повторять всякий раз нескромное «я думаю, я полагаю, я открыл»²⁰. В прежней редакции автобиографии говорилось²¹: «Если я говорю о “логотерапии” и “экзистенциальном анализе”, то я могу избавить себя от необходимости снова и снова говорить о самом себе — и тогда просто говорится, что не я, а “экзистенциальный анализ” сумел нечто доказать; но если однажды окажется действительно необходимо говорить от первого лица, то я ведь все еще смогу уклониться, прибегнув к такому обороту речи: “мы, логотерапевты”, стоим на той точке зрения, что нечто следует делать так, а не иначе»²².

Чтобы завершить предыдущую цитату, где утверждается, что он сознавал себя «столь же толковым, что и другие, знаменитые, ставшие знаменитыми благодаря своим публикациям», Франкл выражает мысль, которую так ясно он никогда более не высказывал. Эту мысль он, в типичной для себя манере, вкладывает в уста своего друга Петцля: «В этом смысле мой великий старший друг Отто Петцль был прав, назвав меня однажды пророком»²³. Нередко у меня складывалось впечатление, что Франкл действительно ощущал себя таковым.

В другом месте первоначальной рукописи Франкл самокритично оценивал свое стремление к славе, признанию и величию, и с юмором называл себя «страдающим манией величия». Перечислив положительные отзывы о своей логотерапии²⁴, Франкл приходит к следующему выводу: «После этих отзывов теперь должен придти еще кто-нибудь и перед лицом подобной мании величия решиться утверждать, что я страдаю адлеровским комплексом неполноценности»²⁵. Отвечая на предложение Хиллари Клинтон (супруги американского президента) встретиться с ним в Вене в 1996 г., Франкл снова в шутку назвал себя человеком, которому грозит мания величия, на этот раз от получения столь почетного приглашения²⁶.

Нарциссизм Франкла был менее заметен за границей, но в Вене вызывал известное отчуждение и даже неуважение, от чего он всегда страдал. Это обстоятельство, особенно отличавшее профессиональный круг

²⁰ Frankl, 1981. С. 155; Frankl, 1997. С. 272.

²¹ Frankl, 1981. С. 155.

²² Насколько я мог заметить при сравнительном чтении текстов, этот абзац — единственный, который не был включен в новую автобиографию.

²³ MS. С. 10.

²⁴ 46.

²⁵ MS. С. 45.

²⁶ Ср. главу о политике (с. 165 и далее).

венских психотерапевтов, он приписывал непониманию и неприятию своих сочинений. Иногда он ощущал это даже как злонамеренность и проявление конкуренции. Тот факт, что его нарциссизм помешал многим личным встречам и стоил ему потери уважения других, им самим, видимо, никогда не был осознан в полной мере. Он слишком явно ощущал себя «пророком» в психотерапии, который — как он иногда говаривал — не ценится «в отечестве своем». Я думаю, Франкл был настолько убежден в величии своего открытия, что втайне был уверен: только история сможет оценить его по достоинству. Поскольку его предок, рабби Лев из Праги, пользовался почтением людей, а он сам так же почитал Фрейда²⁷, он находил естественным, что и ему, как «домысливателю до конца»²⁸, подобает не меньшее уважение. Из уважения к рабби Леву никто не смел сесть на его место в синагоге. Рядом с ним ставили второй стул, «ибо никто не решался почтить себя равным *рабби Леву* и занять его место»²⁹. Нечто подобное Франкл чувствовал к Зигмунду Фрейду, считая, что его вклад «в основные положения психотерапии является непреходящим, и так же непреходящи его достижения»³⁰. Место рабби Лева веками оставалось незанятым, и в отношении Фрейда можно было утверждать: «Никто никогда не сможет сравниться с ним»³¹.

Чтобы описать свое отношение к Фрейду, Франкл цитирует³² его ученика Вильгельма Штекеля, который на вопрос об отношении к Фрейду отвечал: гном, стоящий на плечах великана, может видеть дальше и больше, нежели сам великан³³. И поэтому он прибавлял к «коперниканскому повороту»³⁴ Фрейда четвертый³⁵ «коперниканский поворот» и применял

²⁷ В «Теории и терапии неврозов» (1956) Франкл пишет в конце книги (С. 203): «И все же остается в силе то, что я сказал в одной из своих книг, написанных по-английски и не переведенных на немецкий язык [«Воля к смыслу» (The Will to Meaning, 1969. New York)]: что психоанализ будет составлять основание также и для психотерапии будущего, хотя бы даже он, как и всякий фундамент, все более пропадал из виду по мере того, как на нем воздвигается здание этой психотерапии будущего. И потому вклад Фрейда в основоположение психотерапии остается непреходящим, и так же точно его достижения несравнимы ни с чем...» После этого Франкл и здесь приводит рассказ о раввине Леве.

²⁸ 12.

²⁹ Frankl, 1956. С. 203.

³⁰ Frankl, 1997. С. 60.

³¹ Там же.

³² Frankl / Kreuzer, 1986. С. 13 и далее.

³³ Frankl, 1982. С. 10.

³⁴ Frankl, 1991. С. 127.

³⁵ Франкл пишет (Frankl, 1991. С. 127), что «нарциссизм» человечества, согласно одному из высказываний Фрейда, «трижды пережил тяжелое потрясение: первый раз — от учения Коперника, второй раз — от учения Дарвина, а третий раз — от учения самого Фрейда».

это понятие к своей собственной экзистенциальной исходной установке. Это несколько примеров того, как проявлялась нарциссическая склонность Франкла и как она влияла на его деятельность.

Слушателям и читателям Франкла бросается в глаза еще одна его черта: его любовь к *шуткам*. Правда, он мог быть и просто остроумным, но на первом плане было удовольствие от игры слов и неожиданных словесных поворотов, отражающих некоторую ситуацию или описывающих что-нибудь. В своей автобиографии Франкл отчасти знакомит нас с этой стороной своей натуры³⁶. Едва ли существовал хоть один доклад, в ходе которого Франкл не рассмешил бы публику. Его лекции о «парадоксальной интенции» являлись, по большей части, подлинными спектаклями, на которых аудитория покатывалась со смеху. Даже в тексты своих книг Франкл не стеснялся вставлять анекдоты. Я хочу воспроизвести здесь два из них, потому что они не опубликованы.

Первый анекдот он называл типичной характеристикой еврейской мысли: еврей идет по Центральному парку в Нью-Йорке. Вдруг что-то мягкое шлепается ему на голову, он хватается это и понимает, что держит в руке птичий помет. Возвратившись на небо, он с грустью говорит: «А для гоев (неевреев) они поют!» Любимым анекдотом Франкла, напоминающим об изматывающих научных дискуссиях, был следующий: маленький Макс и его друг хотят узнать у своей бабушки кое-какие важные житейские подробности. Собравшись с духом, они спрашивают: «Бабушка, не можешь ли ты сказать нам, откуда берутся дети?» Бабушка начинает рассказывать про аиста. Ребята смотрят друг на друга, и Макс, отведя друга в сторонку, говорит: «Ну что, просветим ее или пусть умрет в неведении?» — Франкл любил найти для всякой ситуации или обсуждаемой темы подходящий анекдот, в забавной форме передающий их суть, и это стало для него своего рода спортом. Для него это означало одновременно размышление о теме и занятие ею, — но также отстранение и оживление.

В первом варианте рукописи Франкл приводит и другие примеры своего остроумия, которых нет в опубликованной биографии. Они хорошо передают ту атмосферу, которую мне часто приходилось ощущать, общаясь с Франклом.

«Когда я изучал анатомию у Тандлера, мне пришлось однажды рассказывать в патологоанатомическом зале о препарированной мною тазовой кости; демонстратор спросил: как можно прощупать *promontorium*. *Promontorium* — это наиболее выступающая вперед самая нижняя часть позвоночника. — И я, естественно, ответил так, как было предписано: “*per rectum* или *per vaginam*”, то есть через прямую кишку или через вла-

³⁶ 18–22.

галище. Он был доволен; но я развил свою мысль: “Но не всегда”. Демонстратор был озадачен, он желал знать, что это значит: не всегда? А я ответил: у мужчины только через прямую кишку. Подобное никогда еще никому в голову не приходило»³⁷.

«Различие между лечением причины заболевания и просто симптоматическим лечением тоже можно пояснить с помощью анекдота: Летом на даче человека каждое утро будит петух, начиная кукарекать точно в нужное время. Дачник идет в аптеку, просит снотворное и подмешивает его в корм петуху — терапия причины! И к тому же еще “коко-терапия” (вместо “логотерапии”). Странно, когда медикамент служит для излечения того, кто совсем не принимал этого лекарства»³⁸.

Подобное случилось и с самим Франклом. «Я неоднократно получал подтверждение, что при цепных кошмарных сновидениях аспирин оказывает эвфонизирующее действие. Мне много раз снилось, что мой брат, который давно уже умер, тяжело болен и лежит при смерти. Я всякий раз просыпался в испуге, и наконец принял аспирин. И что же? В следующем сне мой брат сделался совершенно здоров. В другой раз мне приснилось, что моя жена мне изменяет; наконец это показалось мне уже слишком, и я принял аспирин. И что же? В следующем сне я изменил *своей жене*»³⁹.

Если вы близко знали Франкла и имели с ним *личные встречи* или доверительные беседы с глазу на глаз, то после нескольких юмористических, остроумных или исполненных самоиронии замечаний, относящихся к нему самому, вы как через чашу леса прорывались на потаенную полянку его внутреннего, глубинного существа. Там вы находили тонко чувствующее и сочувствующее сердце, робко и пугливо скрываемое. Оно проявлялось только в редких ситуациях, отмеченных печатью доброжелательности и уверенности.

О сочувствии как черте своей личности Франкл писал сам, как и о том, что в сущности не был злопамятным⁴⁰. Напомним, что он из сочувствия к пациентке с поперечным поражением спинного мозга каждые выходные поздно вечером приносил в палату эдельвейс, сорванный им во время своих альпинистских прогулок⁴¹. Перед нами был участливый человек, которому однако при утонченности его чувств приходилось тщательно оберегать себя от травмирующего вмешательства. Я сам порою испытывал жалость, когда видел, как боль или страдание других глубоко проникали в сердце Франкла. Тогда он срочно должен был что-нибудь

³⁷ MS. C. 21.

³⁸ MS. C. 27.

³⁹ MS. C. 27.

⁴⁰ 15.

⁴¹ MS. C. 15 и далее.

предпринять, чтобы облегчить его страдания. Зато он никогда не начинал с самоутешения, всегда старался облегчить страдания других, по крайней мере посочувствовать. Эта способность сопереживать была нервом его врачебного призвания. Величайшим несчастьем для него было видеть или опасаться, что человек под ударами судьбы утратит надежду, если на его глазах рушилась вера в смысл и ценность жизни, короче говоря, если кому-нибудь грозила потеря чувства последней защищенности. Поэтому его высшей врачебной задачей было давать людям утешение⁴², и не профессиональное или философское, а то, которое дает человек человеку. Это ощущалось даже тогда, когда его утешения выглядели беспомощно, невеликато, даже оскорбительно. Потребность утешать была так велика, что в отдельных случаях Франкл становился слеп и бесчувствен, несмотря на добрые побуждения. Одна женщина рассказала мне как разговаривала с Франклом по телефону вскоре после операции по ампутации груди. Он сказал, что ей не следует смотреть на дело так трагически, ведь у нее осталась вторая грудь. По крайней мере, именно так она его поняла. Было ясно, что этими словами он хотел облегчить ее страдания, но женщина чувствовала, что он не понимает ее отчаяния, и его утешения, скорее, оскорбляли ее.

Франкл был скорее прагматичен, в силу чего высоко ценил деятельную помощь, а «рефлектирование о самом себе» было ему «глубоко неприятно»⁴³. Он стремился игнорировать, забыть, потерять из виду себя, чтобы быть в полной мере самим собой⁴⁴. Поэтому его автобиография состоит из наблюдений, рассказов, рефлексий, описаний, но почти не содержит чувств, мало субъективных переживаний или суждений о личных отношениях. Он сам охотно скрывался за рефлексиями и предпочитал дать другим говорить о себе или оценивать друг друга⁴⁵.

При столь сильно выраженном сочувствии неудивительно, что Франклу всю жизнь было важно понять, как люди справляются со страданием. Логотерапия — это методическая попытка обратить всякое страдание к лучшему.

Поэтому Франкл заговаривал о негативном только в случаях, если в нем было уже заметно или могло проявиться нечто позитивное. В про-

⁴² Ср., напр., Frankl, 1979. С. 80 и далее.

⁴³ Frankl, 1975. С. 108.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Напр., Адлер, Петцль, Соучек, Торелло и др. То, что именно анекдот, в котором человек имеет тайное намерение выяснить, где находится публичный дом, и благодаря умелой маскировке достигает своей цели, является любимым анекдотом Франкла (С. 21), — вероятно, тоже относится к этой теме. Равно как и его желание, чтобы логотерапия была «секретной рекомендацией» (MS. С. 121). Не связана ли с этим и манера публично сообщать о смерти человека только после его похорон?

тивном случае он предпочитал обходить проблемы, конфликты или вину. К примеру, он говорил о национал-социалистическом прошлом Хайдеггера⁴⁶, но только для того, чтобы подчеркнуть, что тот раскаялся, и прибавить: «Разве гений не вправе делать ошибки и публично сознаваться в них?» Он говорил об Адольфе Айхманне, но только для того, чтобы показать на его примере, как может выглядеть в подобном случае преодоление личной вины. Он хотел заставить его читать доклады на тему: «Как становятся Айхманном?» Таким образом из этого предмета могло возникнуть нечто осмысленное для человека (и для Айхманна), если человек позволяет себе предстать в качестве пугающего примера и предостережения для других. И если бы ему довелось еще раз встретиться с лагерным врачом Менгеле, он попытался бы убедить его признать свои ошибки и спросить: «Что бы вы сделали на моем месте, чтобы искупить вину?»⁴⁷.

Зная и чувствуя Франкла, я ощущал его *глубочайшее стремление* к утешению и безопасности. Смысл и ценности были для него постоянной возможностью обрести доступ к этой защищенности. А сеять вокруг утешение являлось для него основным человеческим призванием.

Жажда защищенности была у Франкла столь сильна еще и потому, что он в силу стремления быть в центре внимания тем самым неизменно обрекал себя на некоторое одиночество. Решения он предпочитал принимать единолично, даже те, которые затрагивали других людей. Например решение остаться в Вене в 1942 г. он, похоже, выработал наедине с собой и своим богом. Диалог вообще давался ему тяжело. Он был столь выдающимся оратором, что и в разговоре постоянно сбивался на стиль доклада. Беседы с ним зачастую превращались в монологи с комментариями собеседника. Ясно, что работать в команде Франкл никогда бы не смог. Разрыв с GLE и со мною совершился в той же манере. После долгих лет дружбы я получил по почте заказное письмо, в котором он слагал с себя обязанности почетного председателя GLE. Перед этим не было ни единого упоминания о подобном намерении. Напротив, у нас уже был согласован срок встречи для обсуждения предстоящих проблем, и вот за три недели до этого пришло его письмо.

Франкл предпочитал решать дела наедине с собою и своим богом. И потому уже в 1950 г. мог написать, что для этого диалога с богом, с

⁴⁶ Следующие примеры Франкл приводил в учебных группах венского Общества логотерапии и экзистенциального анализа, но также и во время «часа вопросов» 15 декабря 1990 г. на большом психотерапевтическом конгрессе в Анахайме (Калифорния) перед почти двухтысячной аудиторией.

⁴⁷ Адольф Айхманн (1906—1962), оберштурмбанфюрер СС, возглавлявший отдел по делам евреев, руководил организованным в 1941 г. «окончательным решением еврейского вопроса» в виде депортации евреев в лагерь массового уничтожения.

собеседником в самых интимных разговорах с самим собою, необходим опыт одиночества: «Конечно, человек должен быть одинок — только тогда он может заметить, что он не один и никогда не был один»⁴⁸. Итак, мы можем предположить, что внутреннее одиночество питало глубину его религиозности. В личной вере и в разработке логотерапии Франкл поставил это свое стремление на пользу делу. Логотерапия была для него методом, позволяющим вывести человека из отчаянного одиночества нигилизма и привести его через утешение и обретение смысла к ощущению безопасного пребывания во всеобъемлющем целом, а, в конечном счете, — в боге. Франкл отмечал, что не следует пренебрежительно говорить, будто «пока гром не грянет, мужик не перекрестится»⁴⁹.

Эта глубокая, весьма личная мотивация в сочетании с психической структурой его личности вносила в жизнь Франкла напряженность. Мне было особенно жаль, что трудности, которые он испытывал в диалоге, затрудняли его, так стремившегося к защищенности и душевному утешению, отношения с другими людьми. Об этом уже много сказано в главе о родителях. Непосредственным следствием нарциссической структуры была трудность в создании и поддержании близости с другими. Тем самым эмоциональная связь с человеком смещалась в некоторую более духовную установку почтения, и в этом он находил себе компенсацию. Франкл так же ожидал почтения и к себе как компенсацию эмоциональности, с которой он не очень хорошо умел справляться (но тем сильнее стремился). На том же уровне, мне кажется, находится склонность к долгу, традиционалистские черты в его религиозности и идеалистические черты в его философии. Мы подробно остановимся на этом в главе об отношении Франкла к религии.

Особая глава будет посвящена *отстраненности от эмоционального*, наложившей особую печать на жизнь и деятельность Франкла. Именно в связи с нею следует рассматривать также и пристрастие Виктора к юмору и прежде всего его остроумие. Ведь даже смеясь, он создает отчуждение и дистанцию между объектом и его наблюдателем. Его сосредоточенность на себе и радость от собственного ума и одухотворенности делали его порой бесчувственно-прямолинейным. В молодости он мог говорить людям в лицо неприятности и находил в этом удовольствие. Он рассказывает⁵⁰, как случайно встретил на улице девушку, к которой был равнодушен, и спросил ее, не больна ли она гонореей. Сказав это, он угадал правильный диагноз. Или как одной коллеге, баронессе, с которой только что познакомился, он во время танца сказал, какого рода сексу-

⁴⁸ Frankl, 1990. С. 370.

⁴⁹ Там же. С. 379.

⁵⁰ MS. С. 15.

альную практику она предпочитает, — и тоже попал в точку. Или как он «не отказал себе в удовольствии», «принудить» Тилли пойти с ним в подвечном платье в один книжный магазин, в витрине которого была выставлена книга «Мы хотим пожениться». Когда продавец спросил, что ей угодно, Тилли, покраснев, сказала: «Мы хотим пожениться»⁵¹.

В главе об Альфреде Адлере уже говорилось о том, что Франклу тяжело давалось *говорить что-нибудь о других людях*. Прежде всего, он не мог говорить о других плохо, что мешало ему высказывать критические замечания. Неудовольствие он выражал через отсутствие похвалы. Это, конечно, скрывало многие конфликты, и его позиция в отношениях с людьми представлялась нечеткой. Мне самому пришлось столкнуться с этим. Опасение задеть человека своей критикой он обосновывал убежденностью, что только добро имеет значение. Но обозначить даже положительное чувство для Франкла представляло трудность. Когда он описывал свое первичное эмоциональное переживание защищенности⁵², он не любил называть его изливанием отеческой любви. Франкла отличала боязнь рассуждать о чувствах. Поэтому он говорил лишь о своих достижениях и поступках. Одновременно с этим он боялся говорить о самом себе, охотно предоставляя эту возможность другим. Скажем, Адлеру — о том, что логотерапия — это самостоятельное направление⁵³, психиатру из Инсбрука Вильгельму Соучеку — что логотерапия — это «третье направление венской психотерапевтической школы», венскому психиатру и католическому священнику Хуану Баттиста Торельо — что логотерапия есть последняя всеобъемлющая система в истории психотерапии⁵⁴. А одному студенту из Беркли он приписал собственные слова о том, что видит смысл своей жизни в помощи другим людям увидеть смысл⁵⁵. Изданная им автобиография тоже предназначалась сперва другому автору (Ghostwriter), который должен был написать ее на основе рукописи Франкла⁵⁶.

Отношение Франкла к деньгам было двойственно. С одной стороны, деньги для него являлись средством для достижения цели, с другой же стороны, были связаны с престижем. Характерным для него являлось желание публиковать свои книги в виде недорогих карманных изданий, а

⁵¹ 67.

⁵² На с. 22 данной книги мы рассказали, как в возрасте пяти лет он проснулся однажды летним утром и был пронизан несказанно блаженным и одушевляющим чувством, что находится в безопасности, под охраной и опекой (10), и, посмотрев вверх, увидел склонившегося над ним отца.

⁵³ 43.

⁵⁴ 87.

⁵⁵ 106.

⁵⁶ MS. C. 1.

за свои доклады он не хотел взимать входной платы. Ни у кого не должно было возникнуть чувства, будто деньги могут препятствовать ему читать, а публике — слушать его. После войны, по его словам, он никогда не просил денег за частные терапевтические сеансы, в крайнем случае, принимал их как добровольное подношение. То, что курс обучения логотерапии стоит денег, было ему неприятно. Все связанное с помощью людям должно совершаться на общественных началах, безвозмездно. Деньги не должны играть в жизни никакой роли. «Сами по себе они (деньги) интересуют меня очень мало, самое большее, что я допускаю — деньги иметь нужно, но подлинный смысл обладания ими состоит в том, что мы можем позволить себе не думать о них...»⁵⁷

Из-за этого Франкл не становился транжирой, но был экономен. Его замечания о терапевтах или докладчиках, которые «тянут у людей деньги из кармана», были, на мой взгляд, продиктованы завистью. Этот налет недоброжелательности понятен: я заметил, как он не в силах заставить себя требовать с кого-нибудь деньги, тогда как другие делали это «без сомнений и колебаний». Из-за коммерциализации (и научной нечистоплотности) Франкл даже называл психотерапию «подлой отраслью»⁵⁸. Но в ходе своих лекционных турне он не стыдился взваливать на какую-нибудь небогатую логотерапевтическую организацию весьма существенные дополнительные расходы. Таким образом, косвенно Франкл принимал деньги, но все-таки не сам. Возможно, здесь, как говорят психологи, имел место своего рода «когнитивный диссонанс»: с одной стороны — не признавать важности денег (идеалистическая жизненная установка), а с другой — чувствовать себя польщенным, обладая деньгами и общаясь с богатыми людьми (нарциссическая компонента).

Можно, конечно, рассказать о целом ряде переживаний и *деталей повседневности*, которые могли бы проиллюстрировать жизнь Франкла. Например, во время каждого лекционного турне он заботился, чтобы получить такой номер в отеле, рядом с которым не было бы церкви. Ибо церковные колокола вызывали в нем сильное возбуждение. Они напоминали о концлагере Терезиенштадт. Поскольку он вообще был чувствителен к звукам, то постоянно заботился о наличии беруш. Причем Франкл пользовался лишь американскими берушами определенной марки, которые в Австрии продавались только в одном-единственном магазине в Граце. И он просил меня, когда я бываю в Граце, покупать и привозить их, если сам почему-либо не купил в Америке. Этих примеров достаточно, чтобы убедиться: Франкл занимался также и обременительными мелочами повседневной жизни. Он исполнял их с принужденной

⁵⁷ 96.

⁵⁸ 46.

пунктуальностью, храня верность своему принципу: подходить к менее значимому с той же основательностью, что и к более важному, более серьезные вещи исполнять столь же спокойно, что и менее серьезные. И все же этот принцип не гарантировал достижения неизменного благополучия. Франкл зачастую сильно страдал от своего стиля работы и порою злился сверх всякой меры. Как то я зашел к нему в неудачный вечер и услышал: «Мой стиль работы невыносим. Говорю вам, если бы я мог, я бы сам себя уволил!»⁵⁹

Франкл был *боязливым человеком*, что связано, вероятно, со структурой его личности и эмоциональной отстраненностью. Его боязливость заставляла его быть пунктуальным, порождала налет ипохондрии и делал его порою педантом. Особенно он боялся оказаться виноватым. Например, совиновым в смерти своей первой жены Тилли⁶⁰, или виноватым перед богом за то, что «должен был и мог бы сделать, но не сделал», после того как ему была дарована милость — на 50 лет пережить Освенцим⁶¹. Это он высказал во время аудиенции папе римскому Павлу VI. Страх оказаться виновным он испытывал также в связи со смертью своего отца. Он сделал ему инъекцию морфия и тем самым, возможно, на несколько часов сократил предсмертные мучения. 40 лет спустя он спросил меня, молодого врача (для него это был мучительный вопрос), как бы расценила это сегодняшняя медицина, и не совершил ли он своего рода эвтаназии. Что я об этом думаю? Мне удалось успокоить его, сообщив, что врачи по внутренним болезням рассматривают введение морфия при начинающемся отеке легкого как каузальную терапию, и, следовательно, он лечил им отца *lege artis* (по всем правилам искусства. — *Прим. ред.*) и просто облегчил его предсмертную агонию. Известно также, что Франкл специально занимался скалолазанием, чтобы научиться преодолевать страх⁶².

В первой рукописи автобиографии Франкл с юмором пишет о своем ипохондрическом страхе, когда он уговаривал себя обратить его в положительную сторону. «Как мы видели, я, в общем, пренебрегаю оскорблениями или неудачами — быть может, благодаря некоторому умению жить. Я снова и снова рекомендую другим делать то, что я сделал своим принципом: если что-то со мной случается, я опускаюсь на колени, — конечно, только в воображении, — и желаю себе, чтобы в будущем со мной не произошло чего-нибудь похуже. Ведь существует не только иерархия ценностей, но и иерархия анти-ценностей, которую в подобных случаях следовало бы напоминать себе. В туалете в концлагере Терезиенштадт я

⁵⁹ 13 и далее.

⁶⁰ 69.

⁶¹ 102.

⁶² Frankl, 1991. С. 277.

прочитал надпись на стене, которая гласила: “Сиди выше любых невзгод и будь рад любому дерьму”. Итак, нужно во всем видеть позитивное, по крайней мере, этому должен научиться всякий, кто желает уметь жить. Должен сознаться: десятки лет с тех пор, как я, студент-медик, узнал, что признак рака бронхов — так называемая мокрота цвета малинового желе, я, всякий раз, когда у меня что-нибудь откашливается, рассматриваю мокроту и с радостью и благодарностью отмечаю — она не похожа на *малиновое желе*. А что касается «дерьма», которому всякий раз следует радоваться, эту радость я знаю по себе: Если в кале нет примеси крови, значит, нам дарован еще один день, который мы можем прожить без рака прямой кишки»⁶³.

Это чувство возвышения над любым несчастьем и благодаря этому относительности всякого несчастья Фридрих Торберг назвал «двумя глубоко укоренившимися у евреев привычками». Поскольку Франкл считал этот пассаж справедливым и в отношении него самого, дадим слово самому Торбергу. Он пишет о двух привычках: «Одна состоит в призывании божьего благоволения на подлежащий осуществлению план, например, поездку, в которую мы, “если будет угодно богу”, отправимся завтра, и из которой мы “с божьей помощью” возвратимся на следующей неделе, если только, “избави боже”, ничего не произойдет, никакого несчастья, и “да хранит нас бог” от того, чтобы это случилось. Так же глубоко сидит, хотя и не имеет религиозных корней, потребность еврея постфактум отыскать в уже случившихся невзгодах положительную сторону. Употребляемое при этом общее место таково: “Мне повезло, что...”, и это выражение может относиться например к внезапному заболеванию, которое не привело к катастрофе только благодаря оперативной врачебной помощи: “Мне повезло, что сразу же пришел врач” или может быть “удачей”, что при этом обнаружен и обезврежен очаг другой опасной болезни»⁶⁴.

Торберг пишет далее: «Когда племянник тети Йолеш Франц рассказывал об автокатастрофе, он закончил свой рассказ таким замечанием: “Мне повезло, что я выскочил с машиной не на встречную полосу, а на парапет моста”. На что тетя Йолеш предостерегающе заметила: “Сохрани нас бог от всего, что мы назовем везением”». Это была любимая цитата Франкла.

Большей частью Франклу удавалось отыскать в своих страхах позитивный момент или преодолеть их при помощи «упрямой силы духа». Но они питали также его *тяготение к суеверию*. Он годами считал, «что журналу, который примет у меня статью, грозит закрытие; некоторое время это действительно так и было»⁶⁵. Но одно суеверие сопро-

⁶³ MS. C. 18.

⁶⁴ Torberg, 1980. С. 13 и далее.

⁶⁵ MS. C. 12.

вождало его всю жизнь — предрассудок «поношения». «Я, конечно, не суеверен по настоящему, но одно я знаю твердо: если я похвалю точность часов, то они остановятся; если же скажу, что они никуда не годятся и им место в мусорном ведре, они опять заработают и будут ходить как следует. Мне никогда бы не пришло в голову сфотографироваться в месте сложного подъема на скалу, если только не случалось раньше успешно преодолевать этот участок. Потому что когда я поступал именно так, мне не удавалось потом одолеть это место и приходилось возвращаться. И сколько раз я записывал в историю болезни люмбальную пункцию или пункцию мозга, то есть цистернальную пункцию, столько же раз она не удавалась — там оказывалась костная шпора, или костный мостик, или еще черт знает что. Я не стал бы клясться, что так и должно быть, но если уж так происходит, то это меня не удивляет. Собственно говоря, у меня есть полное право быть откровенно суеверным, потому что в моем характере несомненно присутствуют фаталистические черты — я рационалист и перфекционист, и я так воспитан»⁶⁶.

Когда Франкл шел по городу, и как раз перед тем, как ему нужно было переходить дорогу, на каждом светофоре загорался красный свет, то у него появлялось ощущение, что в этот день судьба не благоволит к нему. И он часто говорил, упоминая об этом, что не хочет произносить этого, чтобы не напророчить беды. Если, когда Франклу было уже за 80, его приглашали на выступления, которые предполагались только через год или полтора, он говорил, что соглашаться на это — значит искушать судьбу. «Я как-то дал согласие при условии, что я еще буду жив к тому времени — но я ведь не хочу напророчить себе смерть, говоря такие слова».

Если выше мы говорили о пугливости, которая пронизывала жизнь Франкла, то нужно назвать еще и глубоко пессимистическую черту в его личности, которая была связана со смертью. Он считал удачей, если кто-то мог выполнить свой долг и «в качестве вознаграждения имеет право умереть», как он когда-то написал. Но смерть Франкл рассматривал как самое худшее из того, что предстоит человеку, что может притупить его радость жизни. Хотя прежде он в своей теории рассматривал смерть как двигатель в поиске смысла⁶⁷, однако сам был полон страхов по этому поводу. Даже в этом последнем акте, предстоящем человеку, Франкл из неотвратимого пессимизма, связанного со смертью, пытался извлечь нечто положительное.

«Жаль, что жизнь не начинается со смерти, ибо тогда самое худшее не ожидало бы нас всегда только в будущем, а с другой стороны, смерть

⁶⁶ MS. C. 12 и далее.

⁶⁷ Frankl, 1982. C. 83.

ведь не так уж и плоха, потому что тогда мы наконец достигаем такой стадии, когда ничто уже не может не удаться нам»⁶⁸.

Отношение Франкла к эмоциональной сфере

Отношение Франкла к эмоциональной сфере мы разбираем в отдельной главе, потому что это важно именно для психотерапии. Предварительно я хотел бы дать краткое объяснение этого.

Один из определяющих факторов для человека — это его отношение к своей эмоциональной сфере. Отношение к миру чувств, то место, которое отводит ему человек в своей жизни, наделяет его теплотой и способностью устанавливать отношения с другими. Иначе обстоит дело с познавательной сферой. Интеллект, мышление и память характеризуют человека с точки зрения инструментального подхода к миру, постижения структур и взаимосвязей, широты горизонта через создание логических взаимосвязей и доступных для использования запасов памяти. Отношение человека к миру чувств характеризует его отношение к собственной витальности. Оно отражает его включенность в жизнь и глубину его переживаний. Наряду с эмоциональной сферой к личностным особенностям человека относятся его ценностные установки и позиции, а также способность и готовность к действию. Связующим общим знаменателем над этими отдельными чертами личности является *персональность*. Личность в смысле совокупности черт характеризуется относительно статичными и устойчивыми качествами, которые отчасти являются врожденными (наследственными), а отчасти приобретены или трансформированы в течение жизни. Персональность же есть та сила и способность человека, то «я», которое наделено способностью разума в смысле «восприятия» и понимания, а также способностью принимать решение.

Для нас, психотерапевтов, отношение человека к собственной эмоциональной сфере особенно важно. Поэтому значительная часть психотерапевтической работы посвящается проблемам чувств и тому, как человек относится к ним. Эмоциональная жизнь человека в наше время получала слишком мало образования. Люди мало учились обращать внимание на свои чувства, понимать их и бережно обращаться с ними. Вследствие этого возникают трудности, страхи, неуверенность, одиночество, депрессия. Нам уже некомфортно в собственном образе, у нас развиваются функциональные и психосоматические нарушения. Из-за утраты эмоциональной сферы жизнь становится однообразной, она бедна переживаниями. Ценность жизни больше не ощущается и поэтому утра-

⁶⁸ MS. C. 8.

чивается. Примечательно, как отношение человека к своей собственной эмоциональной сфере отражается в его окружении, скажем, в ходе беседы и в атмосфере, которая от него исходит. Прежде всего эмоциональная сфера непосредственно влияет на отношения между людьми, а также расставляет акценты в их творчестве и деятельности.

Поговорим об отношении Франкла к эмоциональной сфере. В главе о родителях упоминалось, что Франкл был больше похож на отца и в меньшей степени унаследовал доброту и сердечность матери. Сам Франкл считал это характерной чертой своей натуры⁶⁹. Хочется проследить это на примере стиля его выступления и разработанного им для себя распорядка дня.

В своих докладах и книгах Франкл производит впечатление рационального, когнитивно акцентированного человека. Он называл себя рационалистом⁷⁰. В нем мало было эмоционального оживления, скорее, он производил впечатление остротой ума, тонкой наблюдательностью и рефлексиями, интересными примерами из жизни. Несмотря на это отстраненное отношение к чувствам он умел захватывать аудиторию своей речью и будить чувства слушателей. Например, он рассказывал историю о враче⁷¹, который через несколько лет после Второй мировой войны встретил еврейскую женщину, носившую браслет с девятью оправленными в золото зубами. «“Красивый браслет, — заметил врач”. “Да, — отвечала она. — Это зубик Мириам, а это — Эсфири, а это — Самуила...”». И одно за другим она назвала имена всех своих сыновей и дочерей. “Девять детей — и всех утащили в газовую камеру”». На вопрос, как можно продолжать после этого жить, она ответила, что теперь возглавляет приют для сирот в Израиле... Очевидно, что самого Франкла такие примеры не оставляли равнодушными и глубоко трогали. Не трата лишних слов, ему удавалось подобными примерами будоражить эмоции слушателей. У него был стиль наблюдателя, который держался на известной рефлектирующей дистанции. Если он становился слишком близким и трогательным для слушателя, он вновь создавал необходимую дистанцию, приводя подходящий к случаю анекдот. Причем анекдот чаще всего служил и как средство расстановки акцентов в том духовном содержании, о котором шла речь.

Используя такой отстраняющий и изобилующий историями и анекдотами языковой стиль, сам Франкл нередко иронично-критически высказывался о нем. Правда, он сознавал свои риторические способности, однако у него оставались сомнения относительно весомости и проник-

⁶⁹ 4, 14.

⁷⁰ Ср. с. 26.

⁷¹ Frankl, 1994. С., 270; также Frankl, 1981. С. 62; эту историю Франкл взял из книги Георга Мозера (Mosser Georg, 1978).

новенности речи. Мне кажется, он и сам чувствовал, что порой, несмотря на весь риторический блеск, выступлению недоставало чего-то существенного, адекватного серьезности темы: а именно постоянного движения вглубь, возникающего благодаря эмоциональному участию и вовлеченности во внутреннее движение. Если вы слушали его доклад, ход его мысли, как правило, ослеплял, пленял вас, держал в духовном напряжении. Ваш ум был занят, вы были эмоционально заинтересованы, вы могли соглашаться с ним и постоянно подтверждать его правоту или критиковать его мысли. Однако более глубокому эмоциональному волнению, увлеченности он не позволял задерживаться, долго длиться или медленно затухать. Франкл работал не с эмоциями, а с «рацио», интеллектом и разумом. Для этого ему служили прежде всего «аргументы», как он любил говорить⁷². С их помощью он хотел в первую очередь убеждать, точнее говоря, убедить слушателя в осмысленности жизни. Он стремился отучить его от чувства депрессии или отчаяния, удержать склонных к суициду (которые могли бы находиться среди его слушателей) от рокового шага. Не раз Франкл говорил мне, что каждый доклад он строил таким образом, чтобы человек с суицидальным типом психики, который, весьма вероятно, сидит среди его многочисленных слушателей, не получил дополнительного повода для самоубийства. Он стремился, насколько возможно, отвлечь его парой весомых аргументов от страшного намерения. Эти аргументы должны были привести его к такому отстранению от самого себя, чтобы он не поддавался эмоциональному давлению, но мог противопоставить ему крепость духа. Это поясняет нам, что порой важно установить дистанцию в отношении своих эмоций и аффектов.

В своих докладах Франкл последовательно воплощал этику *врачебного душепопечения*⁷³, то есть совместной ответственности людей за свое духовное здоровье, которое сеет прежде всего утешение, надежду и осмысленность. Сознывая свои стилистические средства, Франкл часто говорил, что он «проповедует» о смысле. В практике логотерапии ему был важен не «труд переноса», но «труд убеждения». Он стремился дать человеку достаточно аргументов, которые бы защитили его от отчаяния и удержали от возможного суицида (а между тем всякий человек может неожиданно попасть в тяжелую жизненную ситуацию!), подкрепляя и подтверждая в его глазах осмысленность жизни и укрепляя в жизнеутверждающей позиции⁷⁴.

⁷² Ср., напр., заголовок его доклада: «Аргументы в пользу трагического оптимизма» (1990. С. 79 и далее).

⁷³ Так он озаглавил свое первое и главное сочинение, ср. Frankl, 1946/1982.

⁷⁴ Ср. Frankl, 1990. С. 87; Lukas, 1981.

Подобная методика *сохраняет известную дистанцию*, поскольку она приглашает человека к размышлению. Позиция наблюдателя вызывает не столько эмоциональную сосредоточенность на самом себе, сколько, скорее, обращенность от себя — к миру и его осмысленности. Она составляет тот аргумент, который должен удерживать от самоубийства. В силу той же дистанции Франкл с юмором относился как к своему «проповедническому стилю», так и к эффекту своих слов. Позднее, говоря о своих выступлениях, Франкл рассказывал анекдот, который относил к себе. Речь шла о замечательном раввине, которому, по случаю его визита в Вену, ученики и почитатели купили билет в оперу. Случайно вышло так, что давали «Парсифаля». На следующий день раввина спросили: «Ну, рабби, как опера?» А он в ответ: «Боже мой, все смеются». Вот таким и я себе представляюсь. Каков Франкл, какова его лекция, каковы его курсы? Боже мой, все смеются: он сыпет милыми шутками и оживляет речь анекдотами, о форме речи, считайте, можно не говорить»⁷⁵.

Благодаря этому анекдоту мы можем снова смеяться над Франклом — и с помощью анекдота ему удастся отвлечь нас от себя самого и от того, что движет им, и все-таки оставаться человеком, говорящим об этом. Здесь все же ощутим налет печали от того, что его усилия, вероятно, остаются бесплодными и превращаются в занимательное шоу. Выражая через раввина свое ощущение, он отчуждает сам себя, вносит дистанцию, раскрывающую, но через отчуждение в то же время сразу же скрывающую, какую-то часть его боли и неуверенности. Этот прием «синхронного отстранения» от личного и интимного производит два эффекта. Говорящий не позволяет нам оставаться у себя; он словно приглашает нас к себе домой, но сам уходит, как только пришли гости. Для сочувствующего слушателя, ищущего возможность быть к нему ближе, больно видеть, как он берет назад предложение о личной встрече, отклоняет попытку приблизиться к нему, им же самим инициированную.

Но в то же время дистанция дает простор, облегчает ситуацию, вызывает смех: и наконец человек уже не так цепко держится за себя самого! Как приятно ощущать, что он не обречен обращаться ко мне со своей проблемой, но справляется с ней сам, во всяком случае, достигает способности свободно говорить о ней. И так приведенный выше анекдот заключает в себе, на мой взгляд, способность самоотстраненного наблюдения как своего рода компенсации за чрезмерное самодовольство. Франкл способен был применить к самому себе свою тонкую восприимчивость. Он отмечал, что его блестящий риторический дар и способность развлекать существенно способствовали тому, что на его лекциях чаще всего был аншлаг. Он признавал, что, возможно, люди приходили не только

⁷⁵ MS. C. 55.

ради того, чтобы послушать, о чем он говорит, но и получить удовольствие от его ораторского искусства. И он гордился своим талантом.

Даже если сам Франкл полагал, что ему важны только слушатели и «аккуратное» изложение содержаний, я не решаюсь принять это утверждение без оговорок. Потому что ему *так же* было важно знать, полна ли аудитория. Имело значение и то, *на его ли стороне* смеющаяся публика⁷⁶. Кроме того, не оставался без внимания *и он сам*: важно было, чтобы его спрашивали и ему удивлялись. Будь это не так — он, конечно, сумел бы устранить из своих докладов элемент развлечения, дабы удостовериться, что люди приходят ради содержания, а не ради смеха. Я могу представить, что бы он сказал на это: «Господин Лэнгле, не думаете ли вы, что люди стали бы слушать меня, если бы содержание не было помещено в подобную упаковку? Я поступил бы глупо, если бы не приносил его в таком виде, чтобы люди хотели его у меня покупать!» И тут он прав — история это подтверждает.

Многое из его отношения к эмоциональной сфере проявляется в стиле его лекций. Благодаря своей манере он мог сообщить слушателям важное и ценное, особенно поддержать в них сознание силы духа, оптимизм, надежду, дать утешение, внушить доверие, помочь находить смысл. Но он всегда опасался, не начинал ли порой в докладе из-за утвержденной дистанции преобладать развлекательный элемент и не лишал ли он изложение его экзистенциальной значимости. Он понимал, что в сущности «проповедовал», то есть говорил «свысока», давал духовное утешение. Он замечал (и вполне осознавал это), что познание, прозрение, убеждение лишь тогда подлинно утверждено и действительно, когда оно опирается на наши собственные эмоции. Его нужно глубоко воспринять, прочувствовать и выстрадать. Слишком рано установленная дистанция прерывает этот путь скорбей и мучений, ибо этот процесс развития и созревания может совершаться только в доступной чувству близости другого. Он знал это, замечал, однако не мог выдержать необходимую для этого эмоциональную близость к излагаемым темам. И все же доклады Франкла — это блестящее свидетельство присущего ему дара убеждения, подлинности и риторической одаренности.

Рассмотрим теперь отношение Франкла к эмоциональной сфере *в обыденной жизни*. Здесь также он предстает человеком рассудка, также руководствуется прежде всего рациональными размышлениями.

Его распорядок дня был исключительно точно спланирован и выверен. По тому, как Франкл говорил со мной о своем режиме дня, можно судить, что он следовал, в первую очередь, принципу экономии времени и эффективности труда. Этому было подчинено все остальное. Он как

⁷⁶ Ср. с. 20.

правило не позволял мешать ему в работе, пока она не была закончена. Согласно этому принципу он строил и график встреч с людьми. Иногда ему приходилось долго размышлять, прежде чем запланировать встречу, чтобы взвесить все «за» и «против». Если, например, его спрашивали по телефону, когда можно зайти к нему, он задумывался и говорил: «Так, около семи... погодите, может быть, лучше в четверть восьмого, потому что, возможно, я еще не закончу одну работу, если возникнет что-нибудь непредвиденное. Или нет, приходите в десять минут восьмого, потому что в полвосьмого начнутся новости по телевидению, а нам, может быть, понадобится больше времени, и тогда вам придется ждать, пока не кончатся новости».

Подобный разговор мог закончиться и тем, что Франкл отказывался от попытки учесть все случайности. Прояснив свою ситуацию и добросовестно предусмотрев также зоны безопасности для сюрпризов и неожиданностей, этот карточный домик рушился в тот момент, когда он начал принимать во внимание интересы собеседника, которому ни в коем случае не хотел доставить неудобств. Тогда он слагал оружие и говорил: «Ах, что уж, приходите, когда хотите». Не забывая при этом рассказать анекдот о своем бывшем шефе и учителе, неврологе Йозефе Герстманне, который, как полагал Франкл, «довел до крайности» манеру планировать время. С Герстманном приходилось регулярно торговаться за каждую минуту, тратя при этом пять — десять минут на размышления, чтобы затем, как правило, прийти к консенсусу.

Нередко забота о разумности и стремление к совершенству ставили Франкла в безвыходное положение. Возникало чувство безысходности, которое могло и раздражать его, потому что ему приходилось пережить только что описанную неудачу. Но замечательно было то, что по большей части ему удавалось принять такую неудачу с юмором. Именно в этом пункте его остроумие коренилось в глубоком убеждении, что «всего разумнее... — не желать быть чересчур разумным»⁷⁷. Какая духовная защита для человека с задатками перфекциониста! Эту мысль Франкл встретил в псалмах⁷⁸. Он регулярно использовал этот девиз в терапевтических целях при лечении неврозов навязчивых состояний и рассмотрел его также в теоретическом отношении в «Психопатологии невроза навязчивых состояний»⁷⁹.

Франкл сделал своим принципом преодоление чувства и господство над ним. Он не только следил за тем, чтобы заканчивать всякую работу в наиболее сжатые сроки, чтобы не попасть под пресс незаконченности, но

⁷⁷ Frankl, 1956. С. 114.

⁷⁸ «Не будь слишком справедлив и не делайся чересчур мудрым! Почему хочешь быть безумцем?» (Книга Екклесиаста, или Проповедника, гл. 7, стих 16).

⁷⁹ Frankl, 1956. С. 114.

обычно также «начинал с неприятного, а приятное оставлял на потом»⁸⁰. Он не позволял настроению или удовольствию управлять им. Он не следовал принципу радости, который вполне может стимулировать творчество и способен инициировать нечто существенное, но руководствовался приятным осознанием того, что неприятное осталось «позади». Франкл жил не столько в гармонии с настоящим (что позволило бы ему пережить опыт эмоциональной близости и наслаждаться тем, что приносит каждый час), но в обращенности к будущему, так сказать, «в обращенности к обетованию». Он преодолевал настоящее в планировании будущего. Здесь перед нами мотив, характерный для франкловского понимания смысла: идея о том, что человек, в сущности, ориентирован на будущее. В будущем заложен смысл, который в настоящем есть чистая потенциальность, сугубая возможность, которая ждет того, чтобы тот или иной человек осуществил ее.

Господство рассудка над человеком отражается также в другом жизненном принципе, которого Франкл строго придерживался: подходить к менее значимому с той же основательностью, что и к более важному; более серьезные вещи исполнять столь же спокойно, что и менее серьезные⁸¹. Порой он читал тексты других авторов и исправлял в них ошибки с той же тщательностью, что и в корректурах собственных книг. Он должен был иногда останавливать себя, чтобы не поддаваться соблазну вносить в текст новые исправления. Ибо часто это оказывалось бессмысленным: текст был уже опубликован или принадлежал перу другого человека. Но если он возвращал рукопись автору, то считал себя обязанным подчеркнуть или исправить все замеченные им неточности (опечатки, грамматические ошибки, погрешности стиля и т. п.). При этом он замечал, что это были ошибки, которые бросились в глаза при прочтении (а это значило, что он не может взять на себя ответственность за правку всего текста). Поскольку количество рукописей, которое он получал по почте в период с 1984 по 1990 г., становилось слишком велико, он принимался делать корректуру только тогда, когда видел перед собой хороший текст. Если последний был слишком плох или не нравился Франклу, он сознательно воздерживался и не делал никаких исправлений. Это уже было знаком внутреннего отстранения.

При любой возможности Франкл проводил выходные на Раксе⁸² — горном хребте примерно в 70 км к югу от Вены, у границы со Штирией. Там можно было с комфортом подняться на фуникулере до высоты около 2000 м. В отеле на горной станции для него и его жены всегда был забронирован номер, которым он обязательно пользовался раз в неде-

⁸⁰ 14.

⁸¹ 13 и далее.

⁸² 24.

лю, если находился в Вене, и погода была сносной. Прогулки в горах и скалолазание являлись его страстью⁸³. Но к ней он подходил с позиций рациональности и целесообразности. Дело в том, что Франкл ездил на Ракс до глубокой старости (когда уже не мог подниматься на скалы), чтобы максимально хорошо отдохнуть. Поскольку удалось сэкономить время⁸⁴, он старался так спланировать два дня в горах, чтобы в промежутке между занятиями корректурами и письменными работами, которые брал с собою, можно было предпринять продолжительную прогулку. Для него было важно, чтобы в ходе вояжа по горам он доходил «до крайнего изнеможения». Это физическое напряжение воспринималось им как закалка и как отдых. После этого он всегда спал, чтобы затем, согласно графику, на свежую голову посвятить себя рукописям. Для него было принципиально важно заночевать высоко в горах, потому что это особенно освежало и давало заряд энергии для последующей работы в долине. Этот эффект он объяснял себе возбуждением костного мозга, начинающим усиленно вырабатывать красные кровяные тельца...

Отдых заключался для Франкла не просто в движении на свежем воздухе. Ему нужен был призыв, живой опыт того, что вот сейчас нужно отдать все, чтобы соответствовать ситуации и при этом достичь предела своих возможностей. Отвлечься Франкл мог только во время лазания по скалам⁸⁵. Время горных прогулок было приятно тем, что он мог дать волю своим мыслям. Многие идеи, воспоминания и ассоциации, которые есть в докладах и книгах, пришли ему в голову, когда он пересекал Ракс и Шнееберг, и он мог переработать немало переживаний, пока размеренно прохаживался там, погруженный в себя⁸⁶. Хотя жена сопровождала его на прогулках, он любил «маршировать» молча, чтобы отдаться течению своих мыслей.

Переживание природы и телесности было подчинено строгому, устремленному к эффективной работе образу жизни, и более или менее зафиксировано в почасовом графике. Тогда по вечерам он с удовольствием проводил пару часов в непринужденной беседе с проводниками и владельцем приюта, «простыми и неиспорченными» людьми. Он слушал их рассказы и рассказывал анекдоты и происшествия из жизни. Однажды мне случилось видеть, как он пытался вступить в беседу с этими людьми. При этом я испытал странное чувство. На моих глазах г-н профессор, широко известный и повидавший мир, много путешествовавший и постоянно занятый сугубо духовными, интеллектуальными вопросами, пытался стать в уровень с «горцами», приноровиться к ним, сойти за одно-

⁸³ 23.

⁸⁴ 14.

⁸⁵ 23.

⁸⁶ 24.

го из них, чтобы быть принятым за своего. В этом было что-то детское, неспособное преодолеть пропасть — проводники невозмутимо терпели это, а я не был уверен, заметил ли что-нибудь Франкл. В обществе этих бородатых, загорелых, неторопливо беседовавших людей Франкл казался мне мальчиком, желавшим «попасть в компанию». О его любви к простым людям мы уже говорили в главе «Социальный контекст».

О пеших прогулках достаточно. Скажем еще немного о скалолазании. Альпинизм был самой сильной страстью Франкла⁸⁷. Но он очевидно начал заниматься им не по склонности, а по необходимости, потому что изначально очень этого боялся. Чисто рациональные соображения побудили его сопротивляться своему страху через восхождение в горы и научиться преодолевать себя⁸⁸.

В связи с рационализмом и рациональностью в повседневной жизни, я вспоминаю, что Франкл неделями страдал от упорных приступов сухого кашля. Он испробовал все лекарства, которые знал как врач, а также домашние средства, предложенные женой. При этом мы снова и снова говорили с ним о других возможных медикаментах. Однажды я предложил попробовать гомеопатию. Последовала долгая дискуссия, в которой Франкл, как настоящий аллопат, выразил антипатию и неверие по отношению к гомеопатии. Однако в конце концов, ввиду упорного характера кашля и безуспешного лечения, он был готов принять гомеопатическое средство. Взяв в руку бутылочку с шариками, рассмотрев ее, расспросил еще раз о лекарстве, а потом вернул невскрытой. При этом он сказал, что подобные вещи невозможно понять с точки зрения химии, а попасться на удочку банального плацебо он не желает. Его не убедило даже уверение в безопасности средства, если эффективное разведение будет ниже постоянной Лошмидта. Тогда я привел аргумент, что и плацебо может дать результат, главное — он избавится от кашля. Это он тоже отверг. Улучшить свое состояние при помощи ненаучного метода, основанного на иллюзии, — как ученый, он не мог себе этого позволить. В подобных ситуациях рационализм делался иррациональным. Он превращался в страх перед неизвестным и необъяснимым. Иррациональным в этом страхе было опасение отравиться из-за «неэффективного разведения». Вероятно, страх есть одна из основных причин всякой односторонней рациональности. При помощи рациональности человек пытается преодолеть страх. Во всяком случае, боязнь сопровождала Франкла всю жизнь, как отмечалось в предыдущей главе.

Рационалистическая черта в характере Франкла наложила отпечаток на его труды. Поэтому биографические сведения о нем не просто любо-

⁸⁷ Cp. MS. C. 14; 23.

⁸⁸ Frankl, 1991. C. 277.

пытны, но важны для науки. Зная их, мы можем выяснить, откуда происходят некоторые подходы, позиции и тенденции в логотерапии Франкла, и можем лучше понять ее. В разделе III (с. 204 и далее) мы рассматриваем влияние личности Франкла на логотерапию.

Хотя в нем однозначно преобладала рационалистическая установка и он отдавал разуму первенство и в жизни, и в своей работе, Франкл называл себя *человеком чувства* (Gefühlsmensch)⁸⁹ и *человеком души* (Gemütsmensch)⁹⁰. Поэтому в изданной автобиографии он посвящает особую главу миру своих чувств⁹¹. В ней приводится несколько примеров его эмоциональности. Сначала он описывает сон, в котором сострадание к душевнобольным заставило его добровольно пойти вместе с ними в газовую камеру. В книге это описывается как «волнующий сон⁹²», в первоначальном тексте рукописи Франкл говорил об «удивительно прекрасном сне». Подобный поступок относится, по мнению Франкла, к самому прекрасному, что только можно представить в жизни. «Удивительно прекрасным» было для него, конечно, не ужасное страдание, а человеческая позиция и глубокая человеческая связь, скрытая в подобном поступке.

Как свои самые сильные эмоциональные черты, Франкл выделяет *сострадание* и *благодарность*⁹³. Он чувствовал себя не только смущенным, но и благодарным за то, что «по милости божией» был избавлен от такого несчастья. При этом он сделал правилом для себя и рекомендовал другим «делать то, что я сделал своим принципом: если что-то со мной случается, я опускаюсь на колени, — конечно, только в воображении, — и желаю себе, чтобы в будущем со мной не произошло чего-нибудь похуже»⁹⁴. Для него это «ключ к искусству жизни», но не с целью устраниваться от страждущих. Напротив, благодарность за свою удачу и улыбку судьбы он переживает как обязанность встать на одну ступень с горюющими людьми, разделить их страдание и помочь нести его, солидаризоваться с ними на общем человеческом уровне, как он любил говорить. Способность сочувствия к больным и благодарность за собственное относительное счастье для Франкла тесно связаны друг с другом. Он хранил память о событиях своей жизни, которые принесли ему это чувство счастья, и вспоминал, как устраивал для этого специальные праздники⁹⁵.

⁸⁹ 14.

⁹⁰ MS. C. 15.

⁹¹ 14–17.

⁹² 15.

⁹³ Там же; MS. C. 15 и далее.

⁹⁴ 15.

⁹⁵ 16.

Как еще один пример своей эмоциональности, приведу мнение Франкла, что он «знает у себя лишь немного действительно хороших качеств». Он полагает: «может быть, единственное» такое качество состоит в том, «что я не забываю добра, сделанного мне кем-нибудь, и не злопамятен»⁹⁶. В первоначальной версии рукописи автобиографии⁹⁷ Франкл рассматривал способность к состраданию как одно «из немногих достойных качеств во мне». Он часто руководствуется душевностью, прежде всего в практике терапии. В то же время он называет себя «с одной стороны, душевно холодным, а с другой — сентиментальным»⁹⁸. Но такой самооценкой, по его мнению, он обесценивает одно из немногих достойных качеств в себе — способность сострадания. «Я ничего не преувеличиваю, но припоминаю, что в госпитале “Замок Марии-Терезии” в начале тридцатых годов была в моем отделении девушка с поперечным миелитом. И она знала, что я страстный скалолаз, и всякий раз, когда я поздно вечером в воскресенье возвращался с Ракса или со Шнееберга в клинику, я тихо проходил в темную палату и протягивал ей недавно сорванный эдельвейс. То, что я думал о ней не как мужчина о женщине, а как человек о человеке, для нее, должно быть, много значило. В этом было много душевности и никакой влюбленности ни с той, ни с другой стороны. Американцы, когда встречают слепого, говорят обыкновенно: “Вот я иду, по милости Божией”. Это значит, что только благодаря милости они не слепы. То, что для теиста — милость Божия, для атеиста — простая случайность. Благодарны должны быть оба, а ведь можно быть благодарным, не зная, кому мы благодарны. Достаточно знать, за что нам следует быть благодарными»⁹⁹. Этот прекрасный и глубокий пассаж в опубликованном тексте автобиографии, к сожалению, снят, и потому мы воспроизводим его здесь.

Для описания своей эмоциональной жизни Франкл ведет речь о *желаниях*, которые ему случалось иметь в жизни. Будучи студентом, он мечтал иметь автомобиль, собственный дом и должность приват-доцента. Позже он желал принять участие в первом альпинистском восхождении на какую-нибудь вершину¹⁰⁰. Самые захватывающие вещи, какие, по его мнению, бывают на свете, — это первое восхождение, игра в казино и операция на головном мозге¹⁰¹.

В подтверждение раннего развития силы чувств Франкл приводит два стихотворения, которые он написал в возрасте 15 лет, короткую исто-

⁹⁶ 15.

⁹⁷ MS. C. 15.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ MS. C. 15–16.

¹⁰⁰ 15.

¹⁰¹ Там же.

рию, придуманную им в 13 или 14 лет, и пример присутствия духа во время экзамена по медицине, на котором он мгновенно изобрел целую теорию¹⁰².

В первом варианте рукописи автобиографии Франкл несколько иначе изображает эмоциональную сторону в себе. В качестве примера он приводит в первую очередь свою *сильную интуицию*. О ней мы поговорим немного позже. Кроме того, он упоминает чувство глубокого оскорбления, которого не мог забыть — «не мог бы, даже если я должен когда-нибудь забыть это, но это оскорбление не могу простить этому человеку»¹⁰³. Бывшему коллеге (и одновременно офицеру СС), отбывавшему после войны заключение в одиночной камере, он послал авторский экземпляр «Врачебного душепопечения». Тот ни словом не отреагировал на посылку, даже тогда, когда они позже снова встретились. Он чувствовал себя также оскорбленным судьбой, которая не исполнила два его самых заветных желания: стать следопытом и иметь велосипед. Все это я передаю в авторской интерпретации, чтобы можно было лучше почувствовать характер Франкла.

В конце этой главы, посвященной жизни чувств Франкла, возникает вопрос, в какой степени здесь идет речь именно о чувстве. Описание Франклом мира собственных чувств производит на меня впечатление некоторой беспомощности и отстраненности. Невольно спрашиваешь себя, что понимает Франкл под эмоциональностью, что означают для него мир чувств и душевность. Он относит к ним прежде всего обладание интуицией, душевную сопричастность к страданиям других и благодарность богу. По-детски беспомощными кажутся мне перечисленные за этим пожелания, которым он радовался бы, если бы они исполнились. Напротив, сострадание и религиозное чувство благодарности — это глубокие чувства. Это *два главных чувства*, которыми отмечена жизнь Франкла. Выбор профессии, «смысл» как основная тема его жизни — свидетельства «этики сочувствия», описанной у Артура Шопенгауэра, любимого философа Франкла. Они служат выражением чувствительности Франкла к страданию и благодарностью, окрашенной теплотой с примесью страха. Эта благодарность была радостью жизни и одновременно утешением и магической защитой от еще большего несчастья.

Особенно интересным мне представляется то, что в неопубликованной биографии Франкл усматривает свою эмоциональность в сильной, интуитивной диагностической способности. Постановка диагноза у него «часто руководствовалась чувством». Он приводит примеры того, как

¹⁰² 17.

¹⁰³ MS. C. 16.

он использовал свою эмоциональную диагностическую способность в повседневной жизни¹⁰⁴. Правда, вопрос, было ли это на самом деле чувство, а не бесчувственность в отношении людей, — остается открытым. Для Франкла, во всяком случае, интуиция относится к сфере чувств. И это понятно, если учесть, что у него был сильный интуитивный дар. Он мог, к изумлению многих, мгновенно понять, что их беспокоит, что они думают и чувствуют¹⁰⁵. Его интуиция доминировала в его эмоциональной жизни¹⁰⁶.

В этой, в конечном счете, отвлекающейся от себя («самотрансцендентной») способности к интуиции Франкл обладал даром провидца. В своем чувстве он был в известном смысле «наделен задатками само-трансцендирования». Но интуиция не заменяет «первичных эмо-

¹⁰⁴ Мы уже обсуждали эти примеры на с. 110—111 данной книги, где он на глаз установил у одной пациентки венерическое заболевание, а у другой — определенную сексуальную практику.

¹⁰⁵ Ср., напр., Ascher, 1997.

¹⁰⁶ Для более точного понимания соотношения чувства и интуиции сделаем краткий экскурс в экзистенциально-аналитическое учение о мотивации. Интуиция, собственно, не относится к эмоциональной жизни, но может быть причислена к составу душевной жизни. Она представляет собой глубокую форму познания, которая, в отличие от рационального и интеллектуального познания, черпает свое восприятие из вчувствования в объект (а постольку оно, в конечном счете, соотносится с опытом). В восприятии «следа», «предвестия», это чувство отсылает за пределы известной ситуации к некоторому событию или содержанию. Интуиция — это соотнесенность с предметом (*Sachbezogenheit*). Вчувствование же (эмоция и аффект) не обращается к подобного рода динамике, но раскрывает качество состояния, то, «как» нечто ощущается «на собственной коже», в «собственном сердце» или «в животе», и как оно сказывается в нашем собственном переживании, если ему позволяют прийти в контакт с собою. В чувствовании предмет восприятия соотносится с нашей собственной жизнью и оценивается с точки зрения его витального, способствующего или препятствующего жизни, значения (ср. Лэнгле, 1993. А, б). В то время как вчувствование предполагает самоотношение и свободную психодинамику, в предчувствии (в интуиции) происходит интенциональное, отвлекающееся от самого себя восприятие, которое остается при объекте и связанных с ним процессах развития (как, например, диагнозе, напряженной атмосфере в некотором помещении и т. д.). Макс Шелер (*Scheler Max*, 1980. С. 262 и далее) называет их «интенциональными чувствами», которые отличаются от «чувств состояния». Я сам предпочитаю для первых понятие «интегрированной эмоции» (1993b), поскольку во всяком чувстве, даже в «чувстве состояния», можно установить некоторую интенциональность (в случае «чувств состояния» это — соотнесенность с собственным самочувствием человека). Предчувствие и интуиция характеризуются «прелогическим» («эмоциональным», чувствующим качества, а не «дискурсивным») способом приведения в связь многочисленных («синэстетических») содержаний восприятия. Благодаря «видению вместе» (отсюда термин «интегрированная эмоция») может происходить как бы «считывание» внутренней динамики предстоящего развития некоторой ситуации.

ций» (чувствования и аффекта)¹⁰⁷ с их богатством и многообразием. Этой затрагивающей его собственную жизнь эмоциональности рационалист Франкл скорее боялся. В своей эмоциональной жизни ему приходилось бороться со страхами, ностальгией и страданием, а также с одиночеством и чувством покинутости. Проведя годы в концлагере, он еще ниже стал ставить динамику влечений, и зачастую обесценивал значение психодинамики. Психодинамика разрастается на почве «экзистенциального вакуума», при «отсутствии в жизни смысла» — он знал это по собственному опыту. Все это объясняет, почему он приписывает столь важное место в эмоциональной жизни (самоотстраненной) интуиции.

Вследствие этого в его автобиографии отсутствуют важные сферы эмоционально-душевной жизни. Например, Виктор Франкл не говорит об отношениях, о том, что согревало его жизнь, чему он радовался, что давало ему духовные силы. Он не вводит нас в свои радости и горести, страдания и утешения, встречи и расставания. Мы ничего не знаем о его настроениях, его склонной к юмору, но и раздражительной натуре, его честолюбии, тоске одиночества, удрученности, заботах и множестве страхов. Хотя в своей книге о концлагере, которая должна была выйти под псевдонимом, Франкл с мужеством исповедника говорит о вине и бесцеремонности выживших¹⁰⁸, он не обращается к своему чувству, к тому, что его внутренне заботило и как он преодолевал свою вину. Между тем сквозная тема книги — внутренняя борьба со страданием и преодоление его в религиозном духе.

При этом он мог бы рассказать о столь многом, относящемся к теме настоящей главы: о сильной привязанности к родителям, о глубоком религиозном отношении к богу, о своей страсти к альпинизму. Свою эмоциональность он стыдливо скрывал в глубине души. И относился к ней несправедливо, как мачеха к падчерице.

Как случилось, что рационалист Франкл, сознающий свой долг, называл себя «сентиментальным»? Я понимаю это так: Виктор недостаточно переживал свои чувства, например, слишком часто жертвовал скалолазанием в пользу писания книг, чересчур сдерживал свою эмоциональность в отношениях с людьми, вследствие чего ему ее и не хватало. Вместо этого он отводил душу, мечтая о пустяках. Эти мечты контрастировали с его рациональной, аргументирующей, остроумной натурой. Хотя я воспринимал эту его черту как очень человеческую и симпатичную, но ввиду непростого отношения Франкла к эмоциональной сфере и замещающего характера этих чувств мне ясно: сам Виктор находил эту свою черту «сентиментальной». Ведь она так контрастирует с иными его предпо-

¹⁰⁷ Cp. Längle, 1993b.

¹⁰⁸ Frankl, 1977. С. 18, 23.

чтениями: любимым цветком (кокушник), любимым напитком (содовая с ясенниковой настойкой), любимой книгой («Потерянный горизонт» Джеймса Хилтона), любимым художником (Эгон Шила, чью картину он бы охотно купил), любимой музыкой (песни Густава Малера, особенно «Погребальные песни детей»)¹⁰⁹.

Небольшой эпизод может дать представление о той спартанской строгости, с которой подходил Франкл к своим эмоциям. В то время, когда уже существовали магнитные пленки и пластинки, у него не было записей песен Малера. Разве для него не было важным слушать эти песни, уделять им время, радоваться и согревать ими свое сердце, разделять их печаль? Неужели это было бы слишком сентиментально? Однажды он признался мне, что охотно послушал бы эти песни, которые практически не передавали по радио. В следующий раз я принес ему магнитофонную кассету. Он немедленно послушал их на маленьком кассетном магнитофоне и сразу же вернул мне кассету. В то же время он купил себе необычное, дорогое видеоустройство, которое могло работать и по европейским, и по американским видеостандартам. Это соответствовало его пристрастию к техническим (несентиментальным) забавам. Это пристрастие он рационально обосновывал тем, что теперь может посмотреть видеофильмы (о нем и о других), которые ему присылают со всего мира.

Такие вещи, как хобби, любимый фильм и любимый актер, может быть, относятся к разряду банальностей, и все же они делают понятным образ чувствований, присущих человеку. В качестве своих самых любимых хобби Франкл называл оценку дизайна оправ для очков и галстуков¹¹⁰. Его любимым фильмом был «Магазин на главной улице», любимым актером — Альберт Бассерманн. Он вырезал из газет фотографии людей, которых уважал, и мечтал научиться прыгать с парашютом¹¹¹. Ему нравились женщины с выступающими скулами, как у Уши Глас. Обо всем этом Франкл в главе автобиографии, посвященной жизни чувств, не пишет. Являлось ли это для него, скорее, мечтательностью, нежели подлинной эмоциональностью? Недооценивал ли он включенность человека в эмоциональный мир, потому что он не давал столько же смысла, сколько мир разума? Он, конечно, видел мир эмоций и знал о нем. Но уделял ему мало времени, не позволял слишком приближаться к себе, не хотел, чтобы что-то чересчур трогало и волновало — но он *не мог* остаться глух к страданиям других людей.

Как *сформировалась подобная структура личности*, знакомая с сильными чувствами, но так сильно сдерживающая их? Этот вопрос интересен и в теоретическом отношении. Мы хотим ответить на него на-

¹⁰⁹ Frankl, 1988.

¹¹⁰ Frankl, 1988.

¹¹¹ Там же.

сколько позволяет нам наше знание, опираясь на свидетельства интроспекции (самовосприятия) бодрого духом, гениального человека, и при помощи стороннего наблюдения. Тем самым этот принципиальный вопрос обретет наглядную иллюстрацию.

Я разделяю мнение Франкла, что черты его личности во многом объясняются *наследственностью*. Франкл с детства знал о своем своенравии, строптивости и упрямстве. Поскольку эти черты проявились уже после рождения и сохранялись в течение детства и юности, его самовосприятие, а также наблюдения матери и сестры Стеллы позволяют предположить генетическую предрасположенность. Психологическое сходство с отцом и матерью практически не оставляет сомнений в непосредственном наследовании черт характера.

Если даже исходить из того, что свойства личности Франкла унаследованы им от родителей, *жизненный опыт усилил эти задатки* и способствовал их развитию. Возникает вопрос, почему была подавлена наследственность со стороны матери. Объясняется ли это только генетическими причинами? Или мы имеем дело с усвоением жизненного опыта, действующего по ту сторону механизмов биологической наследственности и принадлежащего к области психического или персонального? Особенно важно при этом, в какой мере Франкл интернализировал свое отношение к родителям. Насколько сильна была внутренняя репрезентация сильного и доминантного отца, склонного к приступам гнева и глубоко сознававшего свой долг? Насколько, в то же время, он испытывал влияние мягкой, добродушной и податливой, значительно более молодой матери как воплощения эмоциональности? Конечно, строгость отца была у него в крови, но она, что очевидно, господствовала в нем не изначально и не постоянно, порой находясь в раздоре с унаследованной материнской эмоциональностью. В биографической части этой книги говорилось, что, будучи молодым врачом, Франкл по воскресеньям посещал варьете, которыми очень увлекался¹¹². В то время он оставлял больше простора для своей эмоциональности. И все же в той же фразе он прибавляет, что «всегда испытывал при этом нехорошее чувство», поскольку следовало бы лучше распорядиться временем и «записать свои мысли, чтобы опубликовать их».

Мы уже задавали вопрос о том¹¹³, как могло возникнуть *чувство неисполненности*. Здесь он всплывает вновь и кажется мне решающим для дальнейшего развития эмоциональных элементов его личности. Быть может нечистая совесть или неумелость не позволяла найти приемлемую форму, в которой Франкл мог бы жить, удовлетворяя свою эмоцио-

¹¹² 14.

¹¹³ Ср. с. 72.

нальную сторону? Быть может, контакты с людьми разочаровывали его? Или переживание собственной мягкости, наслаждение радостями жизни и эмоциями недостаточно удовлетворяли Франкла? А, может быть, непреодолимая тяга к творчеству настолько доминировала, что он не мог более жить эмоциями, не оказавшись во власти неприятного чувства не-исполненности?

Тот отрезок жизни, когда Франкл жил в основном для своей, окрашенной влечениями, эмоциональной сферы, оставил в нем «неприятное чувство» в пустую растратченного времени¹¹⁴. Зная его как человека и его учение, следует предположить, что это неприятное чувство объяснялось не только разбазариванием времени и пренебрежением *обязанностями по части смысла жизни*. Если тогда он лишь почувствовал главный смысл своей жизни, то в концлагере безусловно нашел его в написании книг и разработке логотерапии¹¹⁵. Неприятное чувство могло быть связано также с *нечистой совестью*. Такого объяснения Франкл здесь не приводит. В личных беседах он тоже никогда не упоминал об этом. Как и в автобиографии, он утверждал, что наслаждался этим временем, но сокрушался, что бессмысленно растратил его и сегодня сожалеет об этом. Поэтому ассоциация неприятного чувства с нечистой совестью возникает уже из сопоставления этого высказывания с его образом человека в логотерапии, в котором совести отводилось значительное место. В своих работах Франкл указывает, что любовь достигает персональной высоты только во встрече «я» с «ты» и находит в этой встрече свое исполнение¹¹⁶. Не думаю, что в то время он в глубине души чувствовал иначе, чем впоследствии. Такое понимание человека и сексуальных отношений слишком очевидно занимает центральное место в его работах¹¹⁷. Наверняка оно соответствует его психологической натуре и личному опыту. Вероятно, тогда Франкл еще не обладал достаточной зрелостью, чтобы жить согласно этому идеалу. В статье 1987 г. о любви (это один из последних текстов, переработанных им самим) он называет персональную стадию любви четвертой и последней стадией психосексуального развития. Но это обстоятельство — незрелость — нисколько не отменяет того факта, что отсутствие в сексуальности существенного компонента (встречи с неповторимым лицом, которое не может быть произвольно заменено другим) может ощущаться как что-то неправильное, как несовершенство в форме «неприятного чувства».

¹¹⁴ 14.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Напр., Frankl, 1982. С. 161.

¹¹⁷ Ср. Frankl, 1987.

Франкл в период с 1931 по 1938 г. переживал личный кризис¹¹⁸. У него не было никакого научного проекта, никакой профессиональной задачи, цели для творчества. Кроме того, он утратил свою политическую родину в условиях победившего национал-социализма¹¹⁹. И у него не было постоянных отношений — только непродолжительные связи. В этом, как я предполагаю, состояла главная проблема. Франкл был неуверен в себе, когда дело касалось его отношений с женщинами (думаю, в определенной степени это продолжалось всю жизнь). Казалось, он не верил, что может как человек быть интересным для женщин, ибо считал себя малопривлекательным¹²⁰. Из-за этой нерешительности, а может быть, и по причине особенностей характера, ему, вероятно, было нелегко завязывать и поддерживать отношения. Он всей душой стремился импонировать¹²¹. Оба раза, когда его отношения продолжались длительное время — с Тилли перед войной и с Элли после войны, — они завязывались на работе. Видимо, работа давала среду для сближения и тем самым облегчала установление контакта.

Как мы видели, в 1930-е гг. Франкл пережил состояние «экзистенциального вакуума». Это не болезнь, но почва, на которой могут возникнуть психические расстройства: агрессивность, депрессия и зависимость¹²², а также ноогенные неврозы¹²³. Часто я поражался, что Франкл не указывает никакого основания для возникновения этого интермедияльного, неустойчивого духовного состояния. В качестве причин он называет недостаток инициативы и отсутствие заинтересованности, — но как может появиться столь значительная утрата интересов или недостаток инициативы, чтобы из них в отдаленной перспективе развилась болезнь?¹²⁴

Я полагаю, что *факты биографии могут пролить свет на профессиональную проблему*. Развитие у Франкла этого индифферентно-

¹¹⁸ 71 и далее.

¹¹⁹ Ср. главу о политике, с. 165 и далее.

¹²⁰ 5.

¹²¹ 50.

¹²² Frankl, 1990. С. 87 и далее.

¹²³ Frankl, 1956. С. 135 и далее; 1959. С. 715 и далее; «ноогенные» неврозы, согласно Франклу — это душевные болезни, причины которых заключаются не в психических напряжениях (влечениях), но в духовных (ценностных) конфликтах, отражающихся в состоянии психического напряжения.

¹²⁴ Правда, «экзистенциальный вакуум» не является нозологическим, как и психопатологическим понятием, поскольку не описывает никакой болезни. Он должен бы быть психопатогенетическим понятием, обозначающим известную стадию развития душевной болезни. Но оно осталось чисто дескриптивным, подобно фотографии всего лишь описывающим картину некоторого среза, причем остается неясно, как возник дефицит ценностей переживания (отсутствие интереса) и творческих ценностей (потеря инициативы).

го, равно отмеченного удовольствием и неудовольствием и оттого ско-
ванного эмоционального состояния связано, как мне кажется, с двумя
проблемами. Во-первых, со сложностями, которые возникают у актив-
ного, инициативного и живого молодого человека проживать свои чув-
ства и устанавливать интимные отношения, а во-вторых, укоры совести
из-за связей с женщинами, в которых он себе не сознавался. Первое
заставляло его страдать, вызывало боль, постоянную, малозаметную
утрату радости жизни, а затем опять появление сильных страстей и же-
ланий, удовлетворение которых, без сомнения, означало для него не-
посредственное и значительное наслаждение. Оно было столь сильно,
что Франкл не хотел бы отказаться от него. Поэтому он вновь и вновь
убеждал себя, как радует его такое поведение. Однако радость и наслаж-
дение — не оправдание для поступков, и тут давали о себе знать укоры
совести. Неспособность адекватно жить своей эмоциональной сферой и
своими влечениями вызывала дефицит, который требовал возмещения и
потому должен был вытеснять нечистую совесть. Совесть рождала «не-
приятное чувство» — то, что он делает, неправильно. Но что же делать
с чувством, если не знаешь другого пути? Что делать, если понимаешь:
следовало бы, собственно говоря, работать больше, — но ведь работа
лишает того, что помогает, а именно наслаждения как способа обретения
радости жизни?

«Экзистенциальный вакуум» мог возникнуть потому, что Франкл тог-
да, вероятно, не открылся по-настоящему или не мог открыться своему
«органу смысла — совести» (Франкл). Она указала бы ему на чувство,
на его мучительный недостаток, и позволила бы ощутить, что этот не-
достаток нельзя устранить работой, чтением докладов и социальной ак-
тивностью. Она бы вынудила его прямодушно и сознательно продолжать
амурные приключения. Или же он должен был культивировать свою
эмоциональную сторону, печалиться о страдании и одиночестве других,
посвятить себя искусству, природе и дружеским связям, по необходимо-
сти уделяя время себе и богу. Когда при нацистах Франкл дождался ис-
текания срока своей визы и остался в Вене, чтобы уберечь родителей от
депортации и завязались его отношения с Тилли Гроссер, у него снова
появились почва под ногами, смысл жизни, по-настоящему великая за-
дача, и была любовь к милой и симпатичной женщине, которая не оста-
лась безответной.

После страшных лет, проведенных в концлагере, Франкл полностью
посвятил себя работе. Он научился бережливо, даже скупно тратить свое
время¹²⁵. Сознание долга отныне не давало ему покоя. Выше уже говори-
лось, что у него, в отличие от прежнего времени, рождалось «внутреннее

¹²⁵ 14.

чувство вины», если в чужом городе он занимался «осмотром достопримечательностей», «не прочитав прежде доклада, а значит, не заслужив для себя этого удовольствия»¹²⁶. Он начал жертвовать выходными, чтобы диктовать свои книги, от чего порой страдали его жена и дочь. Случалось, что семейство Франклов в самый подходящий для купания воскресный день сидело в квартире за закрытыми шторами окнами, чтобы не пропустить в комнаты летнюю жару, и маленькая дочь принималась жаловаться на судьбу за то, что они до сих пор не пошли купаться, потому что папа должен закончить работу¹²⁷. Добившись дисциплины от своей эмоциональной сферы, Франкл был требователен не только к себе, но и своих близких лишал радостей жизни¹²⁸. Семья нередко страдала от его нескончаемой работы, и потому не всегда была благоприятного мнения о логотерапии.

Преобладали амбивалентные чувства. Жена и дочь, с одной стороны, ощущали гордость и удовлетворение от достижений супруга и отца и радовались множеству публикаций, докладов, широким откликам и растущей международной популярности логотерапии. Но с другой стороны, они переживали за него, страдали от нападок критиков, считали некоторых оппонентов врагами, которые третировали Франкла от непонимания, а нередко и по злому умыслу. В этом проявлялись любовь и сочувствие обеих женщин к Виктору Франклу. Но их отношение к самой логотерапии по крайней мере в определенные периоды — я могу говорить о периоде с 1983 по 1990 г., когда я тесно общался с этой семьей, — было двойственным. Жена Элли и дочь Габриэле видели в логотерапии своего рода соперницу, которая надолго отнимала у них мужа и отца, завладевала его вниманием и привязанностью. Иногда логотерапия казалась им чудовищем, которое все росло и росло и от которого они не могли избавиться: К этому времени начатый труд давно уже приобрел собственную динамику, которая вовлекала в свой водоворот и держала во власти все семейные дела. Порой г-жа Франкл мечтала: придет же наконец день, когда она больше не услышит ни слова о логотерапии. В начале нашей совместной работы она несколько раз предупреждала меня: «Не губите себя! Не касайтесь вы этой логотерапии, она вас проглотит. У вас семья, вы ей очень нужны. Я знаю, о чем говорю».

Я хотел бы остановиться еще на одной сфере, где находит отражение эмоциональная жизнь, — на эмоциональности в отношениях Франкла с людьми. Войти в эту тему нам помогут *посвящения*, которые предвзряют книги Франкла. Каждую свою книгу, кроме последней он сопровождал посвящением. Тем самым он зримо демонстрировал эмоциональную

¹²⁶ MS. С. 53.

¹²⁷ Ср. с. 87, 89.

¹²⁸ 89.

привязанность к людям, которые много значили для него. Перечислим тех людей, которым он посвящал свои труды. В первых публикациях он вспоминал покойных родственников. Свою книгу «Врачебное душепопечение», начатую еще до концлагеря, он посвятил «покойной Тилли», первой жене. Книгу о лагерном опыте, вышедшую в 1946 г. под заглавием «Психолог в концентрационном лагере» (позже разошлась много-миллионными тиражами под названием «Сказать жизни “да”»¹²⁹ или «Человек в поисках смысла»), посвящалась «покойной матери». Третья книга (объединившая три доклада, сделанные в 1946 г. в народной высшей школе «Оттакринг») под заголовком «Сказать жизни “да”» (1946), посвящена «покойному отцу». Четвертую книгу «Экзистенциальный анализ и проблемы эпохи» (1947) он посвятил своему «другу Губерту Гзуру, казненному 5 декабря 1944 года». Следующая книга, «Время и ответственность» (1947), посвящена памяти «покойного брата», «Психотерапия на практике» (1947) — «покойной Эмми Гроссер», его теще.

В 1948 г. свою седьмую книгу («Подсознательный бог») Франкл впервые посвятил живому человеку: «моей сестре». В 1949 г. жена родила ему единственного ребенка, дочь Габи. В том же году он посвятил малышке книгу «Безусловный человек. Метаклинический курс лекций». Следующую книгу, *Homo patiens* (1950), он посвятил жене Элли. Когда в 1975 г. Франкл объединил эти две книги с некоторыми другими опубликованными работами в новое издание («Страдающий человек»), он посвятил своему внуку Александру. А «Логос и экзистенцию» (1951) — другу Паулю Полаку. Вместе с книгой «Время и ответственность» она составляет основу вышедшей в 1972 г. работы Франкла «Воля к смыслу. Избранные доклады о логотерапии», которую он посвятил внучке Кате.

Следующий труд были вновь посвящен покойному — раввину Лео Беку (1873—1956), с которым познакомился в концлагере Терезиенштадт. «Образ человека в психотерапии» (1959) представляет собой основную часть вышедших позднее книг «Человек в поисках смысла» (1972) и «Страдание от бессмысленной жизни» (1977). Своего покойного учителя Освальда Шварца он упомянул, посвятив ему книгу «Теория и терапия неврозов» (1956), а Рудольфа Аллера — в книге «Психотерапия и экзистенциализм» (1967). Франкл увековечил память о своем скончавшемся меценате Гордоне Олпорте в посвящении ему в книге «Воля к смыслу» (*The Will to Meaning*) (1969). В 1978 г. вышел «Неслышимый крик о смысле» (*The Unheard Cry for Meaning*) с посвящением: «Гарри или Марион, неродившемуся ребенку». Об этом посвящении было немало толков. Чей ребенок имеется в виду? Почему он не родился? Метафора ли это неродившихся, загубленных вследствие аборта или умерших

¹²⁹ *Trotzdem Ja zum Leben sagen* (нем.) — слово *trotzdem* означает «несмотря ни на что...» — *Прим. науч. ред.*

своей смертью в утробе матери детей? На самом деле речь идет о ребенке Франкла. Он так и не появился на свет, потому что его мать сделала аборт. Для Франкла и его первой жены Тилли было ужасно мучительно, что приходится пожертвовать этим здоровым плодом — своим ребенком. Если бы на свет появился мальчик, его назвали бы Гарри, а девочку — Марион. Это было в 1942 г. В то время нацисты фактически «запретили» евреям «иметь детей, даже если они состояли в официальном браке».¹³⁰ «Был распространен указ, из которого явствовало, что отныне еврейские женщины, которые окажутся беременными, будут отправлены в концлагерь. Одновременно Врачебная палата получила инструкцию не препятствовать прерыванию беременности у еврейских женщин. Тилли пришлось пожертвовать нашим неродившимся ребенком».¹³⁰ Семья Франклов предпочло смерть ребенка его вероятному уничтожению вместе с матерью. Однако эта жертва оказалась лишь отсрочкой, ведь оба, Виктор и Тилли, оказались в концлагере в том же году. Там же Тилли позже погибла.

Еще один удар судьбы обрушился на семью, когда у жившей в Австралии сестры Стеллы умер сын (у нее была еще дочь). «Умершему племяннику Питеру Бонди» Франкл в 1979 г. посвятил хрестоматию по логотерапии «Человек перед вопросом о смысле. Избранные труды». Своего покойного друга Отто Петцля он вспоминал в сборнике «Логотерапия и экзистенциальный анализ. Тексты шести десятилетий» (1987). Только его последняя работа «Чего нет в моих книгах» (1995), созданная в сотрудничестве с издательством, не имеет посвящения. В планы Франкла входило желание адресовать ее «правнукам, которые могут появиться после моей смерти». Еще две книги он посвятил живым: в 1971 г. книжечку «Психотерапия для неспециалиста. Радиодоклады о психиатрии» — Гертруд Паукнер, а в 1981 г. работу «Вопрос о смысле в психотерапии» — своему зятю Францу Веселы.

Большинство посвящений обращены к умершим. Он воздвигает им памятники, оставляет следы для памяти, так же как он отмечал особенные события в своей жизни днями поста или праздновал «случаи особенной удачи», специально выделяя для этого особые дни памяти¹³². Память о почивших преобладает над памятью о живых (13 посвящений против семи). Три посвящения связаны с неизвестными нам биографическими данными: другу Паулю Полаку, который в тяжелом 1945 г. дружески поддерживал Франкла¹³³, Гертруд Паукнер (о ней я ничего не могу сообщить) и своему зятю Францу Весели, с которым он любил вести дискуссии.

¹³⁰ 66.

¹³¹ Там же.

¹³² 10.

¹³³ 82.

Насколько я знал Франкла, в этом жесте (посвящениях) обнаруживается не только его эмоциональность (в виде человеческих привязанностей), но и его глубоко логотерапевтическая идейная и жизненная позиция. *Смысл* написать книгу приумножается благодаря тому, что книга будет написана *для кого-то*. То, «что» мы делаем нечто осмысленное, получает еще, так сказать, потенцирующее усиление через осязаемый и ощутимый интенциональный объект в этом «для кого» — и приобретает тем самым еще бóльшую ценность. «Для кого» — это задуманное в интенции отношение (в том числе к кому-нибудь далекому или покойному), «с кем» — переживаемое отношение *при* ком-либо.

Впрочем, о том, что человек, которому адресовано произведение, не всегда вполне и сразу понимал дело как должно, Франкл рассказал в одном забавном эпизоде. Когда, переполняемый радостью, он захотел продемонстрировать дочери, которой было в то время годика два-три, посвящение в книге «Безусловный человек», он открыл ее и показал малышке напечатанные слова: «Моей дочери Габи». Может быть, она уже могла понимать, что эта книга имеет к ней некоторое отношение? Отец хотел, чтобы дочурка разделила с ним радость. «Смотри, что тут написано! Тут написано: “Габи», это для тебя!” — сказал он ей. — “Нет”, — ответила она. — “Железная дорога! Вот это (она показала на первое слово) — локомотив и прицеп”».

Посвящения в книгах Франкла я понимаю как интимное выражение его внутреннего отношения к значимым для него людям. С их помощью он мог показать общественности (и чаще всего — после смерти этих людей) свою привязанность к ним. Посвящение было средством выразить то, что он не решался произнести при личном общении или, если человек умер, что уже не мог сказать. Его посвящения, таким образом, это род воспоминания, где выражались публичное уважение, признание и личное отношение к человеку.

У Франкла было не много близких друзей. Лучший друг его молодости и соратник венский психиатр Пауль Полак скончался в 1981 г. Помимо визитов иностранных гостей, интересующихся логотерапией, мне запомнились только его дружеские контакты с Хуаном Баттиста Торельо, с которым он встречался каждые два года. Торельо был сначала психиатром, а впоследствии — католическим священником и работал на руководящем посту в венском бюро «Опус Деи». Франкл чувствовал искреннюю привязанность к франкфуртскому раввину Пинхасу Лапиде. Насколько я знаю, у них состоялось две (или три?) встречи и несколько телефонных разговоров. Однажды Франкл выразил мне свое желание, чтобы именно Лапиде похоронил его, если только это будет возможно. Однако Лапиде умер раньше Франкла, в начале 1997 г.

Особенно глубокое почтение он испытывал к своему учителю Отто Петцлю (1877—1962), который с 1928 по 1945 г. возглавлял психиатри-

ческую клинику в Вене, а до того — в Праге. Франкл работал вместе с ним в годы нацизма. Для Виктора Петцль являлся старшим другом¹³⁴, которому после войны он хотел предложить свою защиту, и которого поэтому первым посетил после возвращения из концлагеря¹³⁵. Ему он посвятил свою последнюю научную книгу «Логотерапия и экзистенциальный анализ. Тексты шести десятилетий» (1987).

Франкл не очень старался поддерживать дружеские контакты. Для них оставалось не много места в его ежедневном расписании и при его усердии, посвященном логотерапии. Часто он называл другом меня. Для меня, ввиду солидной разницы в возрасте (46 лет, при том что наши даты рождения отличались только на один день), он являлся заботливым *старшим* другом. Вспоминая о своем покойном друге Пауле Полаке Франкл вполне логично заметил: «У меня в жизни было, собственно, только два друга — Пауль и вы. Пауль знал меня дольше, но, я думаю, вы знаете меня лучше. С Паулем мы могли философствовать часами. Но с вами это более личное. Его смерть была для меня большой утратой. Но зато небо подарило мне вас и возместило эту утрату. Благодарю вас». До сих пор помню, как я не находил слов от радости.

Мы общались с ним в 1982—1991 гг., и с 1983 по 1990 г. практически ежедневно занимались вместе, иногда по три, четыре раза в день говорили по телефону. Обсуждали логотерапию, корреспонденцию, принимаемые решения, обучение и публикации. Мы рассказывали друг другу о случаях из практики, методиках и техниках, средствах терапии проблемных случаев. Я многому научился из его практического опыта; он давал мне рекомендации, как лечить пациентов, полезные советы о публикациях и помогал понять свой образ мышления. Часто мы говорили о себе, о наших личных ощущениях, позициях, мыслях и чувствах. Я бы назвал наши отношения открытыми, но не вторгающимися слишком далеко в личную жизнь друг друга. Хотя я часто бывал в обеих его квартирах, а чета Франклов трижды посещала меня, мы никогда не приглашали друг друга на обед. По вечерам у них бывали приемы, в которых я иногда участвовал. Дважды я с семьей посетил Франклов на Раксе, пару раз мы гуляли с ними, и т. д.

Характер наших отношений, по-моему, лучше всего отражают два обстоятельства. Первое — мы всегда обращались друг к другу на «вы», а второе — односторонность отношений. Я хотел бы обсудить и то и другое. Сохранение дистанции, проявляющееся в форме коммуникации контрастирует с содержанием бесед, а также с частотой и конкретным поводом нашего общения. Мы говорили об очень личных вещах. Франкл

¹³⁴ 48.

¹³⁵ 81.

описывал мне свои самые интимные переживания, мысли, чувства и ощущения. При этом мы сохраняли ту форму дистанцированной коммуникации, в которой привыкли общаться: никогда не приближаясь слишком близко и не переступая границ, чтобы не обидеть или не оскорбить друг друга. Однажды, когда мы ехали на окраину города, где жила его дочь, он сказал: «Оригинально, что, несмотря на нашу многолетнюю дружбу, мы остаемся на “вы”». Я считаю, что в этом отличие нашей дружбы: нам нет необходимости кидаться друг другу на шею, но мы с уважением относимся один к другому. И при этом мы способны обмениваться очень личными переживаниями, и прекрасно понимаем друг друга. Может быть, именно благодаря этому подобные отношения и возможны». Я понимал, что для Франкла это было способом установить более тесные отношения со мной (а возможно, и с другими). Я знал, что должен уважать его позицию, потому что с обращением на «ты», которое обнаруживает большую эмоциональность, он бы не совладал. Я чувствовал, что эта дистанция нужна ему, чтобы иметь возможность говорить более откровенно, не испытывая угрозы от чрезмерной близости к собеседнику.

Эта форма отношений вначале казалась адекватной, но со временем перестала меня удовлетворять. Я не был ни его служащим, ни его врачом. Я являлся его доверенным лицом, младшим коллегой и сотрудником, другом, в некотором смысле — повзрослевшим сыном, почитателем, а иногда ощущал себя также его защитником. И все же, несмотря на почтение, с которым я относился к Франклу, и при всем уважении, которое он, со своей стороны, питал ко мне, форма наших отношений, на мой взгляд, не соответствовала их содержанию. Почтение и уважение предполагают определенную дистанцию и, по сегодняшним представлениям, вносят во взаимоотношения некоторую чопорность. Форма наших с ним отношений казалась мне устаревшей, пришедшей из тех времен, когда наличие дистанции между людьми считалось признаком хорошего тона. Обращение на «вы» приветствовалось даже между членами одной семьи.

Вторая характерная черта наших отношений — их односторонность. Я много знал о жизни Франкла, он уже в 1985 г. подарил мне исправленную и дополненную рукопись своей автобиографии, но при этом почти ни разу не поинтересовался моей биографией. Он знал о ней лишь то немногое, что я по собственной инициативе рассказал ему. Наши встречи начинались одинаково: вначале он всегда интересовался моим самочувствием и здоровьем моей семьи, а затем разговор переключался на него и нашу совместную работу. Чаще всего это было интересно и информативно. Но в промежутках звучали его монологи и рассказы о себе, прежде чем мы переходили к теме нашей беседы. Таков был ритуал. Многие годы спустя, негодую на человека, не оказывавшего ему подобного уважения, Виктор сообщал мне, сколько книг и на каких языках он написал.

Остановить его порой было невозможно. Но терпение вознаграждалось. Когда Франкл вновь чувствовал себя признанным благодаря выслушанному вами монологу, разговор становился очень откровенным, плавным и (именно после подобных ситуаций) очень личным. Что больше всего интересовало во мне Франкла? В первую очередь он хотел знать о моих переживаниях и о восприятии его работ, а также мое мнение о совместной работе, планы и идеи. Франкл всегда был готов разделить страдание другого человека. Если речь заходила о чем-нибудь подобном, он тут же становился самым сочувствующим слушателем. Таким я запомнил его в ходе бесед о наших религиозных убеждениях и установках. Он проявлял большую открытость и интерес к моим опыту и позиции.

Хотя Франкл очень берег свое время, он всегда готов был выслушать меня, если я звонил ему или встречал его, причем характерно, что у него всегда оказывалось *больше* времени, чем он объявлял первоначально. Часто он говорил, что я могу «без стеснения звонить ему в любое время» и что мой звонок никогда не может ему помешать. Он неоднократно просил меня заходить почаще. Однажды при прощании в передней (такие сцены зачастую длились целый час) он в присутствии жены сказал: «И приходите еще! Вы для нас практически единственная связь с миром. С кем еще нам в Вене общаться?»

Для меня не подлежит сомнению, что Франкл страдал от того, как трудно даются ему знакомства с людьми. Это стало особенно ясно из нашего разговора, состоявшегося вскоре после его 80-летия (1985). Он рассказал, что созвонился со своим другом, писателем Хансом Вайгелем, который в это время тоже отмечал 80-летие. И при этом заметил с какой-то горечью, что Вайгель в ближайшие дни будет занят распаковыванием подарков! Тот с гордостью сообщил Франклу, что у него вся квартира полна подношений, и что сам бургомистр Гельмут Цинк позвонил и спросил, какой подарок он хотел бы получить ко дню рождения. На это бургомистр получил ответ, что Вайгель хотел бы провести с ним день в Пратере. Цинк выполнил просьбу писателя. А Виктор получил от бургомистра только красивую телеграмму, но ни звонков, ни вопросов о том, что подарить, не было. Франкл вообще получил мало подарков, но зато очень много поздравительных телеграмм со всего мира. Он страдал от того, что ощущал себя не столь любимым, как его друг (хотя в уважении к нему недостатка не было). А это — мучительное чувство для человека, который уже на третьей странице книги «Врачебное душепопечение» написал: «Всякое бытие есть отношение (Alles Sein ist Bezogen-sein)». Но при внимательном прочтении выясняется, что здесь имеется в виду не эмоциональная связь, а, различие, *отличие* от других. В этом месте Франкл пишет: «Бытие = бытие иным», то есть «бытие иным, чем», а значит, отношение (Relation); «есть», собственно говоря, только отношение. А потому мы можем сформулировать

также и следующим образом: «всякое бытие есть отношение». Тем самым Франкл поясняет, что представляющееся ему столь существенным «бытие иным» некоторого лица может быть установлено лишь относительно другого человека — а стало быть, отношение понимается здесь как различающее сопоставление.

Но Франкл не только боялся чувств, потому что они могут довести человека, находящегося в депрессивном состоянии, до самоубийства, или, вселяя в него неуверенность, не давать жить полной жизнью. Переживая чувства, он испытывал также *стыд*, потому что чувства обнажают внутреннюю интимную жизнь человека, делая его ранимым. Чтобы избежать этого, Франкл любил рассказывать пациентам истории из своей врачебной практики, из которых становилось понятно, как *другие* разрешили такую же проблему. Он боялся слишком сильно задеть эмоции слушателей, никогда не заговаривал с ними об их чувствах и старался не нарушить их самостоятельности. Поэтому он не хотел выпячивать свой профессионализм. Работа с аналогиями и примерами из опыта других пациентов создает предметную дистанцию, благодаря которой ни я, ни другой не затрагиваются непосредственно. Не в последнюю очередь именно чувство неловкости за собственные чувства, как и за чувства других, сделало Франкла чутким к тому интимному, что характеризует человека в глубине его бытия и представляет собой его особенно драгоценное достояние. Так, для него *любовь*, *молитва* и *смерть* были наиболее интимными личными актами человека, которые следует оградить от недекоративного вторжения¹³⁶. Поэтому в своих выступлениях он неоднократно говорил, что эти события никогда не должны превращаться в сюжет для телекамер¹³⁷. Человек в любви, молитве и смерти принадлежит только себе самому. Любой наблюдатель лишает эти события их достоинства. Я считаю, что это очень верная мысль. Если мы застаем людей при одном из этих актов, мы непроизвольно опускаем взгляд или отворачиваемся.

Власть над своими чувствами была, конечно, для Франкла важной темой в его теории. Установить дистанцию по отношению к ним, не позволять им диктовать себе, но ставить свободу разума и духа выше чувств, — это тема большого раздела в его антропологии, которому он дал название «само-дистанцирование»¹³⁸. В его словах звучит скепсис в отношении чувств, когда он говорит, что человек не должен позволять происходить всему, что угодно, в том числе и с ним самим¹³⁹. Он справедливо отвергает чувствительность и сентиментальность, потому что они делают нас невосприимчивыми к тому, что могло бы составить наше при-

¹³⁶ Ср. с. 181 и далее.

¹³⁷ Frankl / Kreuzer, 1986. С. 58 и далее.

¹³⁸ Frankl, 1982, 1990.

¹³⁹ Frankl 1959. С. 685.

звание. Ибо сентиментальность держит человека в собственном плену и заставляют путаться в самом себе, так что он теряет свободный доступ к миру, уже не видит в нем смысла, не понимает своих задач и красоту окружающей жизни. Мир чувств, включающий также инстинктивное, принимал порой для Франкла угрожающий характер. Иногда в своих докладах он пренебрежительно говорит о них как о «внутренней подлости», от которой человек должен дистанцироваться¹⁴⁰. Этот страх перед инстинктивным мог быть связан с опытом, который он получил будучи молодым врачом. Когда он годами не мог взяться за перо, тратя при этом время на общение с множеством знакомых, он чувствовал себя несчастным и неудовлетворенным. Переживание того, что тебя могут переполнять мешающие жить чувства, какое он знал по борьбе со своей собственной боязливостью и по опыту лечения пациентов с депрессиями, питало его скептическое отношение к чувствам и заставляло практиковаться в самодистантной психологической установке.

Кроме того, он со своей жизненной установкой вступал в решительное *противоречие со своей теорией*, когда, например, цитировал Паскаля, сказавшего: «У сердца есть свои резоны, которые разум не знает»¹⁴¹. Однажды Франкл дал сделан вольный перевод этого афоризма: «Чувство может быть гораздо более чувствительным, чем рассудок — остроумным»¹⁴². Тем самым он выражает ту «мудрость сердца» (Псалом 89), которая превосходит всякую науку. Она одна способна приблизиться к всеобъемлющему смыслу (сверхсмыслу) — богу¹⁴³. У Франкла и Макса Шелера духовное не тождественно с интеллектуальным и с рассудком, оно не есть *ratio*, но эрос, пафос и интуитивно воспринимаемый, бессознательный *этос*¹⁴⁴. И так *poies*, духовное измерение человека, есть прежде всего любящая способность в ее воспринимающем акте. Этот акт имеет, в сущности, эмоциональное измерение. Но в практике логотерапии эта теоретическая позиция Франкла (и Шелера) под влиянием его личности (и духа времени) претерпела сдвиг в область рассудка и сознания. К *poies* хотели обращаться при помощи аргументов и убеждения, чувства при этом значимой роли не играли. Поэтому в дальнейшем развитии экзистенциального анализа мы внесли в этот пункт поправку (см. главы о влиянии структуры личности Франкла на логотерапию и о дальнейшем ее развитии).

Сердце не символизирует для Франкла, в отличие от большинства людей, любовь, отношение к людям и эмоциональную привязанность.

¹⁴⁰ Frankl, 1991. С. 277.

¹⁴¹ Frankl, 1959. С. 695.

¹⁴² Frankl, 1979. С. 33.

¹⁴³ Там же. С. 89.

¹⁴⁴ Там же. С. 30.

Для него сердце символизирует образ любви к богу. В качестве символа любви к богу оно означает совесть. Оно, как сказано выше, больше склонно к чуткости, чем рассудок к остроумию, а потому превосходит всякую «рациональность и интеллектуальность». Совесть человека коренится в его душевной глубине, в «подлинной глубинной личности» (*wahren Tiefenperson*)¹⁴⁵. Если человек вступает в беседу с ней, то он предстоит богу, собеседнику в самых интимных беседах с самим собой¹⁴⁶. Поэтому человек призван не привязываться сердцем ни к чему и ни к кому, кроме бога. Поскольку же у любящего чувства нет иного места, кроме сердца, то логично предположить, что и оно тоже принадлежит только богу. «Сердце, как сказано в Ветхом Завете, должно быть привержено только богу, любить его всем сердцем, всей душой и всею крепостью»¹⁴⁷.

Тем самым Франкл более духовно, более спиритуалистически понимает сердце, чем например Мартин Бубер. Для Бубера ценности — это то, чему привержено наше сердце. Он приводит одну хасидскую мудрость, в которой говорится, что путь к богу лежит не в нормах, а там, «куда влечет сердце»¹⁴⁸, то есть через эмоциональную привязанность.

Отсылкой к Ветхому Завету Франкл обосновывает и свою жизненную установку соблюдать дистанцию по отношению к чувствам. Он исходит из той ветхозаветной идеи, что высшая добродетель — это справедливость, праведность, целесообразность¹⁴⁹. «Но отдавать должное некоторой вещи, постольку быть целесообразным означает не что иное, как сообщить ей максимально возможную для нее ценность»¹⁵⁰. При этом важно не то, какие чувства мы сами при этом испытываем, каково нам с этой вещью и что мы благодаря ей переживаем. Несущественно, насколько близкими к вещи или к человеку мы себя чувствуем. Важно, чтобы мы считали ее (его) максимально возможной ценностью и бескорыстно делали для нее (него) все, что от нас зависит». Как это сделал и сам Франкл для умирающего отца, спросив его, что ему еще нужно, сделав ему инъекцию и оставив наедине с собой.

В качестве иллюстрации справедливого отношения к вещи Франкл приводит один пример, который должен показать, как достигается максимум собственной ценности вещей. «Возьмем самый простой пример: Я держу в руке шиллинг. Действительно ли стоимость этого шиллин-

¹⁴⁵ Frankl, 1990. С. 361.

¹⁴⁶ Там же. С. 350.

¹⁴⁷ Там же. С. 361.

¹⁴⁸ Buber, 1990. С. 473.

¹⁴⁹ Frankl, 1990. С. 363 и далее.

¹⁵⁰ Там же. С. 364.

га равна одному шиллингу? Или он меняет ценность смотря по тому, оставляю я его у себя или, скажем, подарю нищему? Не имеет ли он для нищего более высокую ценность, и разве нельзя представить себе, что он будет отдан какому-нибудь человеку, для которого приобрел бы максимально возможную полную ценность? И разве это не будет означать, что я помог шиллингу получить его подлинную ценность? Итак, оказывается, что, отдавая монету нищему, я придаю шиллингу добавленную ценность; что я не только помогаю нищему получить шиллинг, но помогаю и шиллингу наполниться смыслом, исполнить свой собственный смысл (*Eigen-sinn*). Мы видим, что столь прославляемая в Ветхом Завете, утверждаемая там как высшая добродетель праведности есть, по всей вероятности, не что иное, как исполнение надлежащего — целесообразность (*Sachgerechtigkeit* — *Sachlichkeit*)»¹⁵¹. Конечно, прибавляет Франкл, целесообразность в отношении к человеку означает любовь, эрос. Это служит основой содержащейся в работах Франкла, но эксплицитно не выраженной «этики смысла».

Нужно специальное исследование, чтобы установить, не является ли та установка в отношении инстинктивного и эмоционального, которую мы узнали благодаря Франклу, также проявлением духа времени, которому он принадлежал. Как проявление такового, она не связана даже с христианской религией. Так, например, Зигмунд Фрейд рассматривал сексуальные инстинкты человека как движущие мотивы эмоциональной и бессознательной сферы. Отображение последствий инстинктивного поведения он находил в греческом мифе об Эдипе, судьба которого отражает судьбу инстинктов отдельного человека и проясняет собственную естественную долю человека в трагедии человеческого существования. Фрейд, будучи выдающимся знатоком мира античности, знал, что в «Эдипе» говорилось о проклятии, о котором отец Эдипа Лай узнал в Дельфах, хотя причин для этого проклятия не было. Стало быть, Фрейд видел трагическое проклятие в естественных инстинктах человека — в его «эдиповой» природе. Это проклятие присуще человеческой психике, если не снимается при помощи аналитического лечения и исправляющей силы осознания. А в чем видит Франкл избавление от оков бессознательных влечений? Хотя он был рационалистом, а не просветителем, он задействует для сдерживания деструктивной силы психического не сознание, а значит, и не рассудок. У него разум, внемлющий дух, *poiesis*, есть та сила, которая наделяет человека способностью выступить в оппозиции, даже если это оппозиция самому себе. Для Франкла, таким образом, силе инстинктов возможно противостоять благодаря «упрямому мо-

¹⁵¹ Frankl, 1990. С. 363.

гуществу духа»¹⁵², руководимому совестью (и представляющему собою нечто большее, чем простое приспособление к реальности, «принцип реальности»).

Франкл и религия

Франкл не любил говорить о своей религиозности и своей вере. Характерна в этом смысле глава «Вера» в его дополненной автобиографии¹⁵³. Она начинается со слегка пренебрежительной фразы «Что же касается веры, я уже достаточно высказался на эту тему»¹⁵⁴. Категорично и безапелляционно, но не совсем к месту перечисляется ряд суждений. Первоначальная рукопись автобиографии более информативна. В ней есть несколько строк, которые впоследствии были сняты и которые, по-моему, заключают в себе интересные сведения. В них Франкл утверждает, что о своей вере «я совершенно лично высказался в одном интервью, вышедшем в книжечке «У окон мира». Совершенно лично и относительно откровенно, так я хочу сказать»¹⁵⁵. Затем он обращает внимание на то, что его высказывания на тему веры противоречивы. Затем Франкл поясняет, от каких факторов зависит то, что он говорит о вере, и из-за чего возникали противоречия. Это перечисление опубликовано в автобиографии¹⁵⁶, правда, без поясняющего введения.

В упомянутой главе из книги «У окна мира»¹⁵⁷ он ясно дает понять, что о самом личном и интимном говорить не расположен¹⁵⁸. «Вы хотите узнать, что за человек Франкл? Это такие вещи, которые можно только прожить!... Я не знаю, кто я такой, я не знаю, что я такое, не знаю, что во мне. Но я знаю одно: если во мне что-нибудь есть, то оно должно проявиться благодаря тому, что я считаю “требованием данного момента”, и говорю то, что я считаю истиной перед лицом момента. Здесь мне приходит на память превосходно слово Гиллеля — одного из двух основателей Талмуда: “Если не я — то кто же? Если не теперь — то когда же? Но если только для меня — то что я такое?”... Ибо я человек лишь постольку, поскольку забываю себя и теряю себя из виду, не замечая себя. Поэтому мне глубоко противно любая рефлексия обо мне самом»¹⁵⁹.

¹⁵² Frankl, 1982. С. 96, 186.

¹⁵³ Frankl, 1995. С. 37–40.

¹⁵⁴ 37.

¹⁵⁵ MS. С. 38.

¹⁵⁶ 37.

¹⁵⁷ Fleckenstein, 1975. С. 100–117.

¹⁵⁸ «Религиозность, по крайней мере так же, как и любовь, представляет собою подлинную интимность», пишет Франкл в «Подсознательном божестве (Der unbewußte Gott)» (Frankl, 1979. С. 41).

¹⁵⁹ Там же. С. 107 и далее.

Здесь снова проявляется страх Франкла направить взгляд на самого себя и откровенно говорить о себе. Выше мы уже однажды отмечали: Франкл много говорил *про* себя и свои достижения в том числе и потому, что мало говорил *о* себе. Примерно так же обстоит дело и с его отношением к религии. В его книгах много говорится о религиозности, вере и боге, даже в заглавиях книг «Врачебное душепопечение» и «Подсознательный бог». Но говорить о собственной религиозности ему неприятно. Франкл указывает две причины этого. Во-первых — религиозная стыдливость¹⁶⁰, препятствующая ему предавать гласности глубину религиозной интимности. Как уже упоминалось, молитва как практика религиозности для него столь же интимна, как любовь и смерть. Эти три вещи, по его мнению, следует «поставить под защиту абсолютной интимности. Ибо, как только за ними подсмотрит посторонний, они станут ненастоящими. Молясь, я не смогу вполне предаться богу, если на меня падает луч прожектора, и я знаю, что это снимают на пленку. В то же мгновение этот акт объективируется — и утрачивает свой подлинный объект, свою интенциональность, ибо молитва есть воспламенение личности или сверхличности того, кому я молюсь»¹⁶¹. Для Франкла бог есть «собеседник наших самых интимных разговоров с самим собой»¹⁶². Тем самым Франкл дает «операциональное определение» бога, которое приемлемо для всякого, независимо от того, верующий он или нет. Ибо для верующего дело обстоит так: все, что он «с предельной честностью обдумывает и обсуждает наедине с собой», он, собственно говоря, обсуждает с богом¹⁶³. Тогда как атеист исходит из гипотезы, что подобный собеседник — это он сам и есть. И не существует никого больше, с кем бы он сам не был тождествен. Франкл приводит еще один точный образ. Человек на сцене жизни, «ослепленный “светом” повседневности», чувствует себя так же, как актер, будучи ослепленным светом рамп, «ничего не видя», все-таки продолжает играть «перед поднятым занавесом»¹⁶⁴.

Второй причиной Франкл называет то, что от разговоров о вере страдает сама вера. «Я ощущаю это как объективацию акта веры: как только его декларируют! То, во что я верю, должно просвечивать косвенно, неявно, иначе оно не подлинно. Если о нем рефлектируют или делают его публичным, оно мгновенно портится и становится поддельным»¹⁶⁵. Он

¹⁶⁰ Там же. С. 108.

¹⁶¹ Там же. С. 108 и далее.

¹⁶² Frankl, 1979. С. 119; 1990. С. 350.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Frankl, 1991. С. 107.

¹⁶⁵ Frankl, 1975. С. 109.

не отказывает интервьюеру в праве задавать подобные вопросы. «Но будет законно, если я уклонюсь от ответов»¹⁶⁶.

Вера, в понимании Франкла, жива своим непосредственным отношением к богу и существует исключительно в акте веры, в молитве, а иначе пребывает в скрытом состоянии. Эта динамическая трактовка духовных актов проходит красной нитью через все идейное наследие Франкла и накладывает отпечаток также на его понятие персональности (Person). Так же, как мы, собственно, не можем говорить о человеке в смысле его персональности, но только *с ним самим*, так тем более мы не можем говорить об «абсолютной персональности»¹⁶⁷, но, только обращаясь к нему, а говорить, обращаясь к богу, можно только через молитву¹⁶⁸.

Поэтому невозможно говорить о вере так, чтобы она не застывала, превращаясь в вещь. Ее также нельзя удержать словом, как и персональность человека, как совесть, как свободу. Франкл остается верным своему образу мысли и своей антропологии, когда говорит: «Но кто может утверждать, что он “верит”? Не думаю, что я могу сказать: я верю!»¹⁶⁹ Религиозные исповедания имеют для него «относительную несущественность»¹⁷⁰, потому что они не помогают проникнуть к богу. Однако Франкл питает большое, «неслыханное почтение к подлинной вере подлинных людей», и ему причиняет «боль все, что норовит смешать религию с грязью, как это теперь модно»¹⁷¹.

Здесь перед нами достаточно необычное отношение к религиозности. Большинство людей могут сказать, верующие они или нет. Франкл заявляет, что не знает этого. В беседах со мной, даже в самых задушевных, о религии, он никогда не оспаривал этого. Но он говорит не только о том, что этого не знает, а если бы знал, не хотел бы говорить о ней из-за глубины интимности связи с богом, но утверждает: «...является ли моя религиозность религиозностью, и если да, то насколько она подлинна —

¹⁶⁶ Frankl, 1975. С. 109.

¹⁶⁷ В православии говорят в этом случае о «лице». Понятие «лицо» соответствует понятию Person западного богословия, однако оно не вошло в разговорный русский язык и поэтому не может употребляться вне богословского контекста, например в текстах по психологии, как это имеет место в западных текстах с понятием Person, ставшим частью литературного и научного языка. — *Прим. науч. ред.*

¹⁶⁸ Франкл, 1990. С. 231; Франкл переводит знаменитое положение Людвиг Витгенштейна, которым он заканчивает свой «Логико-философский трактат» «с языка агностиков на язык теистов»; «о чем невозможно говорить, о том следует молчать» — гласило бы тогда: «о чем невозможно говорить, тому следует молиться» (Frankl, 1982. С. 220).

¹⁶⁹ Frankl, 1975. С. 114.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же. С. 109.

это меня не интересует»¹⁷². Вопрос относится к теме саморефлексии и самопереживания, которую он, как известно, решительно отвергал, и, как мы видим, последовательно отвергал также в своей любимой теме веры. То, чего Франкл требует от себя: отвлечься от самого себя и своих духовных актов — он в принципе рассматривает как наилучший путь для человека. Он полагает, что «анонимные христиане», как называл Карл Ранер тех, кто, обладая христианскими взглядами, живет вне Церкви, собственно, и есть правильные христиане. Ведь «христианство, которое представляет такая невидимая Церковь, есть, вероятно, христианство “в его лучшем виде”, поскольку оно экзистенциально, поскольку ничего с этого не имеет! И потому, я думаю, мы поступим правильно, если будем принадлежать невидимой общности, где нет необходимости носить значок в петлице или партийный билет в кармане пиджака»¹⁷³. Анонимная вера, не делающаяся публичной через исповедание, есть для Франкла самая живая и в то же время наиболее подлинная. Эту веру не так легко употреблять и функционализировать для собственной пользы, потому что от принадлежности к религиозному сообществу мы не получаем никакой выгоды. Всего охотнее, как мы видели, он истолковал бы и логотерапию как своего рода «анонимную психотерапию», то есть именно как «секретный совет» (Geheimtip)¹⁷⁴.

Для меня не подлежит сомнению, что Франкл был очень религиозным и верующим человеком. Почему он не хотел говорить об этом — мы уже поняли. В глубине души *взгляд его устремлен только на бога*, и он с величайшей для себя интимностью предается богу. Она принадлежит одному богу, не дается другим людям и, в конечном счете, есть дар также и для него самого, которому дано стать причастным этой встрече. Эта погруженность в бога жаждет только взирать на бога. От всего, что есть в нас самих, легко отвлечься, потому что оно бледнеет перед этим диалогом с богом, и даже переживается как горестное препятствие для такого обращения. Отношение Франкла к богу — это *приближение к абсолютной само-трансценденции*, к абсолютной преданности божественному «ты».

Тем самым мы, я думаю, описали самое интимное переживание и самую глубокую жизненную установку Франкла. Именно это я чувствовал при наших встречах, когда становился заметен и ошутим сам Франкл в своей персональности. Кто знал его хуже меня, тот легко мог не заметить за его нарциссическими, а подчас и героическими высказываниями этого глубокого внутреннего воодушевления Франкла. В сущности он был вдохновлен искренней любовью к богу и ощущал свою

¹⁷² Frankl, 1975. С. 109.

¹⁷³ Там же. С. 112.

¹⁷⁴ MS. С. 121.

жизнь как глубочайшую обязанность быть орудием и посредником этой божественной вести. После всего сказанного понятно, что Франкл не только никогда публично не признавался в этом, но и не хотел, чтобы это вышло на поверхность сознания и было предано огласке. Он хотел действовать втайне, как «аноним», как человек, который желает издать свою книгу только под псевдонимом (в его случае — под лагерным номером). Франкл действовал скрытно, чтобы не оказаться под подозрением перед собой и другими в извлечении из своей религиозности личной выгоды, хотя бы только и нарциссической. Но невозможно не видеть, что эта черта присуща всей деятельности и личности Франкла. Это врачебное душепопечение, радение (забота) о бессознательной религиозности¹⁷⁵, которую даже не обязательно превращать в сознательную, но следует сделать живой и жизнеспособной, ярко проявляется во всей его деятельности. «Вы узнаете их не по вероисповеданию, а по делам их»¹⁷⁶, сказал он однажды на лекции. Франкл придерживался и в жизни той же позиции: религиозность подлинна только тогда, когда говорит сама за себя, и не имеет нужды в адвокате. Религиозность просвечивает в том, что делает человек, и тем не менее она стыдливо остается в непрерывном интимном акте связи человека с богом. Из этого источника Франкл черпал свою духовную силу. Вера позволила ему выжить вопреки концлагерю и неоднократно повторявшемуся ощущению пресыщенности жизнью. Она дала ему почти миссионерскую стойкость, чтобы справиться с необходимостью читать огромное количество докладов по всему миру, и дала возможность создать множество сочинений. В конце концов, при всей гордости и связанном с этим росте личной самооценки, которому он, конечно, был рад и которым наслаждался, он не выдавал это достижение за свое собственное. По его пониманию, дело было в другом. В этом он признался мне во время одной из наших бесед, затянувшихся за полночь. То же самое, пояснил он, случается и с нами, психотерапевтами, когда нас идеализируют пациенты. Ведь эта «любовь переноса»¹⁷⁷ обращена не на нас, конкретных врачей, а на кого-то, кто стоит за нами, и силу которого мы, психотерапевты, пользуемся — в конце концов, тоже из некой бессознательной глубины. Идеализированная любовь и благодарность, которую испытывают пациенты к своим врачам, концентрируя ее на конкретном человеке, в конечном счете (бессознательно) подразумевают прообраз всякого

¹⁷⁵ Frankl, 1979. С. 54 и далее; 1990. С. 345—371.

¹⁷⁶ Перефраз евангельского текста «по плодам их узнаете их» (Еванг. от Матвея, 7, 16). — *Прим. науч. ред.*

¹⁷⁷ Перенос — термин в психотерапии, обозначающий перенос чувств пациента (клиента) к человеку, который был дорог ему в прошлом, например в детстве, на терапевта. — *Прим. науч. ред.*

блага, а именно бога. Поэтому врач никогда не должен впадать в заблуждение и относить эту любовь к своей персоне.

Этим отношением к богу Франкл был воодушевлен настолько, что, по сути, совершенно не мог отвлечься от него. Если в своей антропологии он попытался преодолеть нигилизм, восстав против редукции человеческой личности до жизненных и социальных сил, и дал доказательство экзистенциальности человеческого существования, то впоследствии для него было важно еще и «превзойти» найденный им гуманизм через указание на «трансцендентальность человеческого существования»¹⁷⁸. В качестве примера того, как глубокая соотнесенность Франкла с богом становится мыслительной категорией в его произведениях, приведу следующую цитату. Она описывает трансцендентальное завершение антропологии:

«Теперь наша задача — через включение трансценденции в учение о сущности человека восстановить тот его образ, который верно изображает существо “человек”, поскольку в этом образе присутствует также и трансцендентальность как его сущностная черта. Дело в том, что верный сущности образ человека превосходит не только пределы фактичности, но и рамки имманентности. В пределах имманентности образ человека не поддается завершению. Или человек постигнет себя как образ божий — или он вырождается и делается карикатурой на самого себя»¹⁷⁹.

Здесь берет начало критика Франкла в адрес философии существования¹⁸⁰. Человек не может начертать проект самого себя. Он может лепить себя только по образу и подобию. «Изобретение» человека, *inventio hominis* происходит путем “*imitatio Dei*”¹⁸¹. Трансценденция не только позволяет человеку образовывать себя, но дает ему возможность отыскать последний смысл жизни¹⁸². Анализ существования и логотерапия имеют «не только право, но и обязанность»¹⁸³, заниматься религиозной проблематикой, возникающей в рамках психотерапевтической практики.

Экзистенциальному анализу Франкл отводит задачу снять вытеснение бессознательной религиозности, тогда как логотерапия «принуждена» устранить сопротивление однажды осознанной человеком религиозности»¹⁸⁴. Это сопротивление можно устранить посредством не переноса, а опровержения, так что логотерапия должна «показать мнимый характер убедительности аргументов против религиозности»¹⁸⁵.

¹⁷⁸ Frankl, 1990. С. 366 и далее.

¹⁷⁹ Там же. С. 367.

¹⁸⁰ Existenzphilosophie. — *Прим. науч. ред.*

¹⁸¹ Там же. С. 365.

¹⁸² Там же. С. 372.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же. С. 372 и далее.

Такая характеристика логотерапии звучит прямо-таки по-боевому. Но и в содержательных формулировках невозможно не заметить, что *тайное послание* франкловской логотерапии¹⁸⁶, которая особенно импонирует религиозным людям или религиозной стороне в человеке, заключается в том, чтобы найти смысл человеческой жизни в сознании подобия богу (в том, чтобы *стать*, как бог — *imitatio Dei*). Грехопадение было попыткой *быть*, как бог, и оно принесло человеку только «знание о двойственности божественного и человеческого, “познание добра и зла”», как говорит о мифе грехопадения Мартин Бубер¹⁸⁷. В этом бесконечном, никогда не прерывающемся стремлении к богу, в стремлении жить в божественном смысле и стать, как бог, «человек никак не может быть своим собственным мерилom», (он может...), скорее, мерить себя «только абсолютом, абсолютной ценностью, богом»¹⁸⁸. Этот бог есть для Франкла «все и ничто»¹⁸⁹. Он превращается в ничто, когда мы хотим схватить его, сделать осязаемым в понятии.

«А когда он есть “все”? Когда под “ничто” мы понимаем непостижимое, несказанное; тогда это “ничто” говорит человеку все.

Это несказанное, неименуемое есть средоточие всякой иерархии в мире: во имя его даются все заповеди — во имя Того, для Кого более не существует никакого имени.

И этому несказанному, неименуемому, этому “ничто” человек говорит “ты”»¹⁹⁰.

Решение вопроса о том, по каким критериям следует оценивать человека, нельзя получить с помощью тезисов или науки, даже с помощью богословия. Для этого нужен *диалогический поворот* в смысле Мартина Бубера¹⁹¹ и Фердинанда Эбнера¹⁹². Согласно им, духовное деяние

¹⁸⁶ Некоторые критики упрекают логотерапию, или то, как ее порой трактуют, в том, что она есть что-то вроде эрзац-религии или секты, и что Франкла усиленно изображают основателем новой религии. Это заметно также и в данном контексте.

¹⁸⁷ Там же. С. 367.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же. С. 369.

¹⁹⁰ Frankl, 1990. С. 369 и далее.

¹⁹¹ Мартин Бубер (1878–1965), еврейский религиовед и религиозный философ. Видел основу человеческого сосуществования, как и отношения человека к богу, в диалогическом принципе [«Я и ты» (Ich und Du), 1923]. Выступал за примирение между евреями и арабами и евреями и немцами.

¹⁹² Фердинанд Эбнер (1882–1931), австрийский педагог и философ культуры, представитель философии диалога. Рассматривал отношение «я» к «ты» как ключевую данность человеческого существования и тем самым предвосхитил некоторые аспекты христианского экзистенциализма Габриэля Марселя. На основе тезиса о единстве «я» и «ты» в слове развил религиозно обоснованную философию языка.

всегда является взаимным, человек изначально ориентирован на некоторое «ты»; ведь уже психология развития и психология детского возраста знает, что использование слова «ты» предшествует употреблению «я». И потому разговор с самим собой есть только предельный и исключительный случай — собственное и изначальное есть беседа двоих. И именно тогда, когда собеседника нет и человек произносит «ты», казалось бы, в пустоту, в ничто, — именно в этот момент он обращает его к вечному «ты». Вечному, потому что человек (пусть и сколь угодно бессознательно) уже обращался к нему, и обращался в том числе от себя самого. Ибо первое слово (Wort), которое мы обращаем к этому «ты», всегда уже есть ответ (Ant-wort). Правда, человек должен побыть в одиночестве — только тогда он сможет заметить, что он не один, никогда не был один. Он должен быть одинок: только тогда он сможет заметить, что его разговоры с собой — разговоры двоих, и всегда таковыми были¹⁹³.

Это одиночество Франкл знал не только в концлагере, от него он страдал уже в предвоенные годы. В сущности, он, возможно, был «великим одиночкой», подобно Серену Кьеркегору.

Свой ход мысли Франкл завершает следующей прекрасной формулировкой: «“Как ни в чем не бывало”, “ничего не подозревая”, “подозревая ничто” — человек предполагает бога»¹⁹⁴.

Как выглядит этот внутренний диалог с богом и как совершается разговор наедине с собою, ничего не подозревая подразумевающее бога, Франкл поясняет нам на примере из личного опыта. Он говорит об этом в конце интервью с Флекенштайном, явно побуждаемый к этому ходом беседы. Это самое глубокое из известных мне откровений Франкла о своей религиозности.

Ввиду его важности я воспроизведу здесь некоторые места дословно. В упомянутом интервью Франкл рассказывает следующее событие: бога можно узнать, только если ты был в полной мере человеком. К нему приводят не исповедания веры, а только вочеловечение. Быть может, поэтому христианский бог должен был сначала стать человеком. Говоря о «бытии в полной мере человеком», Франкл вспомнил одну ситуацию из своей жизни: беспомощность людей перед эсэсовцем-надзирателем. Он рассказал, что до сих пор видит перед собою этих людей, стоящих перед баракom и помнит, как сам при этом мысленно вопрошает: «Ты видишь это, господи? Ну, полюбуйся же на это!»¹⁹⁵ На этот опыт обратила его внимание Лилли Царнке (Lilly Zarncke), специалист по пастырской психологии из Берлина, когда подвергла критике его героизм в страдании. Она указала ему на то, что он написал: честное претерпевание подлинной

¹⁹³ Frankl, 1990. С. 370.

¹⁹⁴ Там же. С. 371.

¹⁹⁵ Frankl, 1975. С. 114.

судьбы есть высшее достижение человека. А ему не мешало бы сознаться (именно в свете собственного лагерного опыта): созревание человека состоит не в том, «чтобы человек сделался героем в несении. Возможно, как показывает опыт, он вообще не прям, но жалок, сломлен, как червь, извивающийся по земле. Несмотря на это, он может приблизиться к своей цели. Даже в крайнем бессилии и бесчестии у него все еще остается возможность сознавать себя следующим Христу»¹⁹⁶. На эту справедливую критику Франкл отреагировал замечанием, что не вполне может следовать за этими доводами. Но его потрясло то, что благодаря Царнке он натолкнулся на свои собственные границы. Да он и не мужествен, не исполнен достоинства, он вел себя в страдании подобно червю. Царнке утверждала, что даже в таком состоянии человек может приблизиться к Христу. Франкл же предпочитает, как она писала, пользоваться понятием «последней человечности», вместо Христа, «перевести» имя Христово в это понятие. А к этой «последней человечности» легче подойти «в жалком состоянии страдания», «чем в дни здоровья, потому что в этом случае мы преодолеваем гордость и сознание собственной правоты»¹⁹⁷. И тогда Франкл начинает совершенно искреннее повествование:

«На меня это произвело впечатление, это я тогда взял это у нее, в этом она права! И так я ощущал это в концлагере, если я вспомню, как моя мать почти 13 минут должна была бороться со смертью, пока совершенно не задохнулась вместе с 999 другими, попавшими вместе с ней в газовую камеру... Я это знаю от человека, который впрыскивал Циклон-Б в эти камеры... Моя мать, самый благочестивый человек, какого я только знал в жизни... И этот немой вопрос в глазах: “За что?” И, может быть, в последний момент она отчаянно хваталась за мысль: “может быть, это избавит от смерти моего Виктора”. Эта беспомощность... Как можно быть героем в концлагере, задыхаясь в газовой камере — не подскажите?

И этот последний взгляд в отказе от себя, в отданности... Но теперь важно не то, кому вы себя отдаете — Христу, Иисусу или Иегове — или вы просто глотаете воздух и в отчаянии кривите углы рта: как бы и что бы там ни было: Вы оказались в точке абсолютного нуля, последнего дна человечности. Человек на сто процентов сделался человеком именно в своей беспомощности и бессилии, в своем отречении, ничтожестве: будучи червем он сделался человеком! Чем более он червь, тем он человечнее. Вы понимаете, что я хочу сказать? Я импровизирую, я сам ищу нужные выражения»¹⁹⁸.

Интервьюер на это сказал, что Христос пережил «опыт червя» в своем вопле на кресте, где познал человеческое бытие вплоть до по-

¹⁹⁶ Frankl, 1990. С. 115.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Frankl, 1975. С. 115 и далее.

следних глубин. В крике «Почему ты оставил меня?» он реализовал свою человечность.

Франкл ответил: «Можно было бы сказать: в этот момент он вполне стал человеком и стал им настолько, что подтвердил свою божественность. Так, что можно было бы сказать: столь стопроцентно, столь тысячепроцентно стал человеком, что законно называть его богом — что бы впрочем вы ни называли богом...»¹⁹⁹

И только этому богу принадлежит его сердце — интимная глубина личности, глубинная личность, именно то, что есть человек в самой сути своего существа и что Ветхий Завет обозначает как «сердце». Наше сердце не должно быть привязано ни к чему другому, кроме бога, которого нужно любить «всем сердцем, всей душой и всей крепостью своею». Это значит, что человек должен любить бога при любых обстоятельствах, во всех случаях, даже если он будет лишен всех возможных ценностей, «...даже если его грозят лишить предпоследней, ближайшей к высшей ценности — самой жизни. То есть от него требуют готовности отдать, оставить все, пожертвовать всем — а стало быть, безусловной готовности к жертве»²⁰⁰.

Итак, бог остается у человека, на него человек должен ориентироваться, даже если ради этого он лишится жизни. Аналогично Франкл понимает и *смысл*. Жизнь «остается осмысленной, даже если бы погибли все на свете традиции, и не осталось бы ни одной всеобщей ценности»²⁰¹. Смысл для Франкла есть представитель бога внутри мира. Поэтому человек, по Франклу, облечен «ответственностью *перед* смыслом»²⁰², а не для смысла, потому что смысл, в конечном счете, мыслится как персональный. «Смысл — это стена, за которую мы не можем отступить, которую мы должны принять как данность»²⁰³. Поэтому он может сказать: «Коль скоро я существую, я существую в обращенности к смыслу и ценностям; поскольку я существую в обращенности к смыслу и ценностям, я существую в обращении к чему-то, ценность чего превосходит мою собственную ценность... одним словом, коль скоро я существую, я всегда уже существую в обращенности к богу»²⁰⁴. Закljučая по аналогии, Франкл видит смысл целого, «сверх-смысл» привязанным к бытию «сверх-личности»²⁰⁵.

¹⁹⁹ Там же. С. 116 и далее.

²⁰⁰ Frankl, 1990. С. 361.

²⁰¹ Там же. С. 22.

²⁰² Frankl, 1982. С. 39.

²⁰³ Там же. С. 221.

²⁰⁴ Frankl, 1990. С. 371.

²⁰⁵ Там же.

Орган, с помощью которого человек может обнаружить смысл в действительности своей жизни — это «орган смысла, совесть»²⁰⁶. Но подчинять себя *совести*, быть ее рабом (Мария фон Эбнер-Эшенбах призывает: «Будь господином своей воли и рабом своей совести!») приемлемо только в том случае — если совесть понимают в ее «существенной трансцендентальности». Только если диалог с совестью «есть подлинный диалог, а значит, нечто большее, чем просто разговор с самим собою — если, стало быть, моя совесть больше, нежели мое “я”, если она есть рупор чего-то иного»²⁰⁷, имеет смысл подчинять себя совести. Совесть не имеет голоса, «ибо ведь он сама суть голос — голос трансценденции. К этому голосу человек лишь прислушивается — но исходит он не от человека. Напротив, только трансцендентный характер совести позволяет нам понять человека и, в частности, впервые глубоко понять его персональность. Дело в том, что в этом случае понятие «персональность» получило бы новое значение; ибо теперь мы можем сказать: через совесть человеческой персональности (Person) per-sonat [звучать сквозь (*лат.*)] некоторая внечеловеческая инстанция»²⁰⁸. «Эту внечеловеческую инстанцию нельзя раскрыть средствами психологии. О ней можно сказать только, что она, в свою очередь, должна иметь бытие персонального характера — причем от этого онтологического умозаключения должно быть возможно делать и обратное заключение о том, что называют богоподобием (Ebenbildlichkeit) человека»²⁰⁹. Поэтому совесть, как имманентно-психологический факт, уже сама по себе содержит отсылку к трансценденции, так же как пуповина человека указывает за границу его собственного тела, на его происхождение от матери²¹⁰. Только перед этой трансценденцией человек может быть ответственным — для свободы достаточно экзистенциальности, однако для ответственности необходимо обратиться к трансцендентальности нашего обладания совестью.

Конечно, эта *отсылка к богу* в совести допускает не только теоретическую дедукцию, но *может быть постигнута* и эмоционально, как метафизическая потребность. Влечение к богу настолько неутолимо, что не может иметь в виду решительно ничего иного, кроме бога. Так чувствует и так говорит Франкл, совершенно в духе Августина Блаженного, и продолжает цитатой из Франца Верфеля: «жажда доказывает несомненность существования воды»²¹¹. Как томление человека указывает

²⁰⁶ Frankl, 1979. С. 83 и далее.

²⁰⁷ Там же. С. 46.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же. С. 46 и далее.

²¹⁰ Там же. С. 47.

²¹¹ Frankl, 1990. С. 373.

путь к богу, так указывает ему путь и любовь. Если человек любит, то он имеет объект. Если человек любит бога, то это доказывает его бытие так же точно, как тезис Рене Декарта, гласящий: «Я мыслю, значит, я существую». Картезианское *Cogito ergo sum* [Мыслю, значит, существую (*лат.*)] Франкл переводит в религиозное *Amo ergo est* [Люблю, значит, я есть (*лат.*)]²¹². Ганноверский логотерапевт и экзистенциальный аналитик Кристоф Кольбе²¹³ показывает, что, согласно пониманию Франкла, человеку дано два пути к богу. Один — из названной только что эмоциональности, то есть из томления, обладающего метафизической значимостью, поскольку не происходит вытеснения этой метафизической потребности. «Другой путь к богу — экзистенциального характера. Он фиксируется в свободном верующем решении отдельного человека».²¹⁴ Но для Франкла вера больше мышления и не может быть вообще уловлена мышлением, ибо «чем более всеобъемлющ смысл, тем менее он постижим», как он говорит²¹⁵, перефразируя Карла Ясперса. А там, где речь идет о предельном смысле, он совершенно недоступен для сугубо интеллектуального подхода.

«То, что *не-знае-мо*, не обязательно должно быть *не-веро-ятно*. Перед вопросом о том, имеет ли все один, пусть и потаенный, смысл, или же мир — это одна великая бессмыслица, знание должно освободить поле боя — принять здесь решение призвана вера. Там, где аргументы, говорящие за или против предельного смысла, взаимно уравнивают друг друга, там смысло-верующий человек бросает на чашу весов всю весомость своей человечности, своей экзистенции, и произносит свое *fiat* [да будет (*лат.*)], свое “аминь”: “Да будет так” — я решаюсь действовать так, “как если бы” жизнь имела бесконечный, превосходящий нашу конечную способность вместить, смысл — “сверх-смысл”»²¹⁶. Вслед за этим Франкл дает свое определение веры: «Вера — это не мышление за вычетом реальности ныне мыслимого, но мышление, приумноженное экзистенциальностью ныне мыслящего»²¹⁷. Но в этом своем решении человек связан символами, которые предоставляют ему отдельные религии или конфессии. Религии Франкл трактует как «системы символов», они суть символические языки.

Однако сам бог, по Франклу, может быть описан только с помощью парадокса, а именно парадокса «одновременной абсолютной трансцен-

²¹² Frankl, 1980. С. 373.

²¹³ Kolbe, 1986. С. 233 и далее.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Frankl, 1979. С. 118.

²¹⁶ Там же. С. 118.

²¹⁷ Там же.

дентности и абсолютной интимности бога, одновременной бесконечной удаленности и бесконечной близости его»²¹⁸.

Как Франкл относился к великим религиозным общностям? К *христианской религии* он чувствует влечение, «потому что она, как никакая другая религия — если отвлечься здесь от буддизма — понимает позитивную ценность страдания»²¹⁹. Ибо он всю жизнь бился над проблемой придания жизни смысла или обретения смысла жизни вопреки страданию. Неудивительно поэтому, что он имеет внутреннее сродство с этой религией. Но он не мог бы разделить представление христиан о том, что страдание сделалось осмысленным для человека после крестной смерти господина. «Ибо в тот момент, когда вы перестанете верить в Иисуса Христа, страдание стало бы бессмысленным! Так далеко я не могу идти с ними»²²⁰. Его не удивляет, что религия, «которая 2000 лет силами лучших умов Запада работает над усовершенствованием образа человека, не произвела такого его образа, который уже устарел во многих отношениях. Поэтому я могу спокойно подписаться под значительной частью антропологии христианства — даже если не мог бы подписаться ни под одной строкой из его богословия»²²¹.

Вторая жена Франкла была христианкой, и его дочь крещена по христианскому обряду. Может быть, для правоверных евреев это было бы немыслимым, но для Франкла важна не исповедуемая, а экзистенциальная вера. Франкл не был христианином, это он повторял в своих лекциях и в интервью Флекенштайну. Франкл был иудеем и сохранил верность вере Моисея. Хотя он не часто ходил в синагогу, — во время знакомства со мною, он делал это один-два раза в год, насколько я могу судить. Но он соблюдал большие праздники из почтения и благодарности к своим родителям, как он говорил. Через веру он мог сохранять живую связь со своими родителями даже после их смерти. Жить в согласии с традицией родителей было для него потребностью. Это поддерживало в нем чувство доверия и защищенности, а также чувство благодарности к ним. Его принадлежность к иудейской конфессии была не исповедной, но коренилась в сознании традиции. Личная же его вера была очень глубока. Все значительные даты своей жизни он отмечал днем поста, например 27 апреля — день освобождения из концлагеря. От религии он ожидал для себя развития и созревания, возвышения над самим собой, как это было у его отца. И он находил также в религии ощущение безопасности, что приносило ему надежду и избавление в минуты страха (а таких у него было немало). Если на самом деле тот, кто любит, существует (Арго ergo

²¹⁸ Frankl, 1990. С. 374.

²¹⁹ Frankl, 1975. С. 111.

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же.

est), если жажда есть самое верное доказательство существования воды, то неуверенный, жаждущий защиты дух Франкла может ощутить себя успокоенным в более значительном порядке и мудрости. Тогда смысл повседневности снимается в сверх-смысле, а отдельный верующий — в семье верующих.

В своей религиозности Франкл перенес из детства во взрослую жизнь чувство личной защищенности, которую невозможно ничем разрушить. В психологическом смысле религиозность Франкла получила свою (высокую) ценность благодаря глубоким детским переживаниям. Ужас перед смертностью, проникший в душу еще тогда, пронзил его насквозь. Если проследить его дальнейшую жизнь, то жажда райского покоя никогда уже не оставляла Франкла. Привязанность к родителям переросла в привязанность к богу. То, что отношение к богу Франкл понимал в связи с психологическим переживанием родителей, ясно из того сравнения, которое он проводил между богом и родителями. Он например возражал против той трактовки глубинной психологии, которая понимает бога как проекцию образа отца²²². Франкл, скорее, трактовал этот пункт противоположным образом: в отношении к родителям отражается отношение бога к людям. «В действительности не бог есть образ отца, а отец есть образ бога. Для нас не отец есть прообраз всего божественного, скорее, верно прямо обратное: Бог есть прообраз всякого отцовства»²²³.

Франкл любил читать псалмы. Многие из них он знал наизусть и порой прочитывал мне один из них. Например, в декабре 1986 г. я записал для себя: *Tibi loquitur cor meum — te quaerit facies mea*. Это — томление молящегося сердца: «К тебе говорит сердце мое, тебя ищет лицо мое». И в разговоре Франкл прибавил еще положение Паскаля: «Я не искал бы тебя, если бы уже не нашел тебя».

Франкл любил сравнивать себя с персонажами *Ветхого Завета*. Он боролся с нигилизмом, как некогда *Иаков* с ангелом²²⁴. Он ставил себе в образец *Авраама*, который был готов пожертвовать единственным сыном, чтобы преодолеть свою печаль. Это верно описывает его болезнь в концлагере Тюркхайм. Как мы уже знаем²²⁵, он должен был отказать себе в своем самом заветном желании — издании «Врачебного душепопечения», потому что болел сыпным тифом. Когда позднее он увидел мозаику с изображением кита, то провел аналогию между собою и *Ионой*. Ведь он мог вовремя эмигрировать в Америку, «не обязан был сдавать подлинный экзамен на зрелость» — то есть попасть в концлагерь, и не сделал этого: «я не хотел делать этого. Я бросил судьбе вызов. Ведь в Америке я

²²² Frankl, 1979. С. 52 и далее; 1990. С. 37 и далее.

²²³ Frankl, 1979. С. 52 и далее.

²²⁴ Frankl, 1997. С. 278.

²²⁵ 96 и далее.

мог бы развивать логотерапию, я мог бы завершить там дело моей жизни, исполнить мою главную задачу; но я не сделал этого и попал в Освенцим. Так и Иона, который должен был исполнить свою задачу в Ниневии, но уклонился от этого, находился за то некоторое время в плену — пусть не в Освенциме, но все-таки в чреве кита. Все это пришло мне в голову, когда я купил в Тель-Авиве мозаику, изображающую кита»²²⁶. Эти размышления о годах в лагере пробудили в нем через историю Ионы мысль, что, возможно, и он, уклонившись от эмиграции в Америку, в наказание должен был сдавать «экзамен на зрелость». В другой раз Франкл ссылается на Ветхий Завет, когда утверждает, что высшая ценность человека есть добродетель праведности, которая «есть, вероятно, не что иное, как объективность — предметность. Но отдавать должное вещи и быть объективным значит придавать ей максимально возможную для нее ценность»²²⁷. К этому пункту мы еще вернемся.

Несмотря на свое иудейское происхождение, Франкл мог негодовать, когда его идеи толковали с точки зрения иудейской религии. В апреле 1987 г. он дал мне почитать статью, которую прокомментировал, делая заметки от руки. Некий «Его преподобие Джон Г. Морган» из Университета Нотр-Дам (штат Индиана) в 1983 г. попытался выяснить корни и ответвления психологии Франкла. Морган находил у него значительные элементы хасидского учения. Франкл написал на полях: «Откуда же мне его знать?» Он поставил под сомнение приписываемые ему «обширные заимствования из хасидской традиции в рамках философии иудаизма», как она трактовалась в последние годы прежде всего Авраамом Иошуа Гешелем²²⁸. Такое зачисление Франкла «по религиозному ведомству» постоянно повторялось и в других статьях, в том числе написанных христианами. Франкл писал об этом: «Что бы я когда-либо ни прочитал об иудействе и что бы ни признал относящимся к делу, все это я включил в свои книги как цитаты! На уроках религии в гимназии (один час в неделю) хасидизма никакого не было!» А о Гешеле сообщал: «Я с ним был за вечерей, но не читал ни одной его строчки!»

Отношение *веры и личностных качеств* является чаще всего коррелятивным, взаимообуславливающим. *Личностные ли особенности* Франкла привели его к этой верующей установке, или, наоборот, *воспитание* и опыт веры наложили на него свой отпечаток? Ветхозаветный ли образ мысли, требующий объективности как величайшего служения богу, внушил и затем подпитывал столь сильное сознание Франклом своего долга? Или причина в структуре его личности, которая, сдерживая эмоциональность, была заинтересована не столько в переживании

²²⁶ MS. C. 90.

²²⁷ Frankl, 1990. С. 363 и далее.

²²⁸ Morgan, 1983. С. 189 и далее.

ценности, сколько в обретении смысла? Не потому ли он стремился не столько предаваться чувству, сколько служить совести?

Я думаю, что оба аспекта — задатки и жизненный опыт или убеждение, здесь сочетаются. Ведь именно на фоне ветхозаветной морали Франкл нашел дорогу к своей (как он назвал ее в разговоре со мной) «этике смысла», которая была жизненно-практическим оформлением ветхозаветной добродетели праведности и предметности²²⁹, как описано выше. «Соответствовать некоторой вещи значит не более чем придать ей максимально возможную ценность. Это, в конечном счете, верно не только по отношению к вещам, но и к людям.... Не случайно Макс Шелер определял "спасение" как максимально возможную ценность личности»²³⁰.

Эта ветхозаветная установка объективности требует *совершенства в жизненной установке самодистанцирования*. На первом плане должны быть не мы, но забота о том, как каждое отдельное благо может получить свою наивысшую ценность. Мы сами приобретаем наивысшую ценность, когда следуем призыву трансценденции в нашей совести. Другому человеку мы можем помочь в достижении его наивысшей ценности, относясь к нему с уважением и прежде всего с любовью. Эта «объективность» привела Франкла к своего рода «фундаментальной научной установке в отношении к жизни». Она позволила ему самодистанцированно смотреть на свою собственную жизнь в экстремальных условиях концлагеря. Он вел себя, как сторонний наблюдатель, трезво и заинтересованно следящий за ходом развития какого-нибудь дела. Мы уже упоминали историю в лагере Терезиенштадт, где он, приняв неизбежность предстоящей ему смерти, взирал «на свою грязную жизнь», чтобы видеть, «что она с ним затевает»²³¹.

В этой объективности речь идет не о наших собственных чувствах, не о переживании и обретении самого себя. Для нее имеет значение только преданность, готовность к служению и *исполнение долга*. Ибо она имеет смысл, который, будучи обнаружен благодаря призыву совести, уже включает метафизическое измерение. Служение смыслу это долг человека. Смысл затмевает любые эмоции. Очевидный пример Франкл привел в описании сцены смерти отца, воспроизведенном мной в начале этой биографии²³². Франкл описывает это как «чудесное чувство, что ты сделал свое дело». Может быть, он мог сделать больше, у него были к этому способности. Свое дело состояло в исключительно в том, чтобы прожить по совести. А это, в свою очередь, означает — действовать по воле бо-

²²⁹ Frankl, 1990. С. 363 и далее.

²³⁰ Там же. С. 364.

²³¹ Ср. с. 89 и далее.

²³² Ср. с. 31.

жеей, насколько нам, людям, возможно воспринять ее. Совершенно в том же духе и его решение дать истечь сроку своей выездной визы, чтобы остаться с родителями в национал-социалистической Вене. Поскольку его совесть потерпела неудачу, не привела к однозначному ответу, а уехать или остаться казалось ему одинаково важным, он надеялся получить непосредственное указание небес. Делом совести было только распознать это указание.

Его понимание долга представляет собою форму *идеализма* в духе Канта и неокантианцев. Оно соединяется с идеей блага, как она выражена у Платона и в неоплатонизме. Идея долга была столь сильна, что Франкл отдавал ей приоритет даже перед эмоциональным переживанием. Например, говорил, что, скажем, видя красивый закат солнца, мы просто «обязаны»²³³ отложить газету, чтобы пару минут созерцать чудесное природное явление. Счастье для Франкла теснейшим образом связано с исполнением долга. Поэтому чувство счастья возможно для него даже в час смерти собственного отца, если только он исполнил свой долг. «Дверь к счастью открывается вовне», — любил цитировать Франкл Кьеркегора. Или он говорил словами Рабиндраната Тагора: «Я спал. И мне снилось, что жизнь — это радость. Я проснулся и увидел, что жизнь — это долг. Я работал — и долг стал радостью»²³⁴.

Откуда происходит идеализм Франкла? Я полагаю, что это соединение религиозной установки (прожить жизнь как путь к богу по дорогам смысла) со структурой его личности. Его борьба с психологизмом и нигилизмом, выступление за духовность человека и осмысленность жизни, антропология, говорящая о непреходящем характере духовной личности по ту сторону смерти, — вот несколько существенных примеров этого идеализма. Он был привержен «идее человека», и обладание подобной идеей окрыляло его, наполняло энтузиазмом, производившим подчас впечатление миссионерского. «“Идея” человека — которую видит именно любящий его — принадлежит сверхвременному царству»²³⁵.

С особой силой неоплатонический идеализм как воплощение идеи блага высказывается в Тюркхаймской речи, где Франкл цитирует фразу из молитвы рабби Лео Бека: «Пусть зачтется только добро»²³⁶. Такова была позиция Франкла в осмыслении прошлого и преходящего. Он также напоминает, что, печалась о бренности жизни, мы должны смотреть «не только жнивные бренности», но и «полные амбары прошлого». «Дело в том, что в прошедшем ничто не утрачено безвозвратно, скорее, все неотъемлемо сохранено». «Ничто однажды бывшее в прошлом не

²³³ Frankl, 1982. С. 62.

²³⁴ Frankl / Kreuzer, 1986. С. 53.

²³⁵ Frankl, 1982. С. 136 и далее.

²³⁶ Ср. с. 124.

утрачено безвозвратно, скорее оно рождено и никогда не будет утрачено. Ничего нельзя устранить из мира, что в нем однажды происходило. Разве дело в большей степени не в том, что создавалось, творилось в мире?»²³⁷ Практический пример этой позиции привел сам Франкл. Когда его спрашивали о причинах, побудивших вернуться после войны в Вену, в которой он претерпел немало страданий и оскорблений в эпоху национал-социализма, он в ответ приводил примеры того позитивного, что пережил в Вене в ту же эпоху. За этой жизненной установкой стоит уверенность, что «Только добро зачтется». Это позволяет ему рассказывать, что в национал-социалистической Вене одна баронесса-католичка «с опасностью для жизни укрывала у себя одну мою кузину, как “подлодку”, и тем спасла ей жизнь». И тогда же один венский адвокат — национал-социалист, рискуя жизнью, подсовывал мне продукты, когда только мог»²³⁸.

Порой кроме самодистанцирования в этом идеализме можно рассмотреть черты человека не от мира сего. Такая позиция позволяла Франклу говорить, что виновных, преступников эпохи нацизма он не знал, а знал только жертв. Так на кого же он должен был сердиться? «Кто и что сделал мне²³⁹?» Мы говорили выше, что идеализм Франкла имел не только религиозное основание, но и был окрашен своеобразием его личности. Заключение в этой установке психическая компонента указывает на некоторую боязливость, в особенности на страх оказаться виноватым и тем самым утратить любовь и защиту бога. К этому присоединяется страх критики, конфликтов и чувств. Мышление Франкла воодушевлялось верой как бы «свыше». Он поистине «был привержен» богу и идее блага и смысла, но не «покоился» на некотором устойчивом эмоционально ощущаемом фундаменте, дающем опору. Так я понимаю и «здание», которое он дал своей жене Тилли в концлагере: сделать все и ни перед чем не останавливаться, чтобы остаться жить²⁴⁰. Для Франкла не стояло вопроса о том, имеет ли он право вмешиваться в интимную сферу жизни своей молодой жены. Это был для него прежде всего страх стать виноватым, как он говорит²⁴¹. Но разве здесь нет недостаточного доверия к ее собственной совести, ее самостоятельности? Ведь решение об этом все-таки нужно было принимать ей самой. Но он, быть может, подумал: я не хотел бы, чтобы ради меня она сделала что-то, что могло бы повредить ей, ибо тогда я чувствовал бы себя виноватым. А для него была

²³⁷ Frankl, 1982. С. 95 и далее.

²³⁸ Frankl, 1994. С. 298.

²³⁹ 80.

²⁴⁰ Ср. с. 98.

²⁴¹ 69; ср. с. 36, 98.

важна прежде всего чистота его совести, как мы уже видели на примере смерти его отца.

Эта боязливость не позволяла Франклу сохранять хладнокровие. Он был человеком, который всегда должен был что-то делать, мог жить «волей» к смыслу, но не «отпусканьем» к смыслу²⁴². Франкл понимал и ощущал свою жизнь как долг активно и деятельно помогать проявлению смысла. Лишь очень редко он дает нам почувствовать, что смысл мог бы реализоваться и сам по себе или, в его притягательности и величии, в его красоте и значительности зовет к себе человека и встречает его.

Кто особенно заинтересовался отношением Франкла к религии, того мы адресуем, помимо уже процитированных работ, к его речи по случаю вручения ему Американской психиатрической ассоциацией премии Оскара Пфистера в Далласе в 1985 г., где Франкл в последний раз говорил о своей религиозной позиции. Оскар Пфистер, швейцарский пастор, находился в тесном контакте с Зигмундом Фрейдом. В память о нем Американская психиатрическая ассоциация вручает эту премию. Франкл — первый ее лауреат, не являвшийся психоаналитиком. В своей речи, отдавая должное богослову Пфистеру, он говорил о соотношении религии и психотерапии: «Человек в поисках предельного смысла»²⁴³.

В заключение еще раз предоставим слово самому Франклу. В главе «Экзистенциальный анализ homo religiosus»²⁴⁴ он говорит о том, что ценности мира кажутся сходящимися в одну точку. Если мы последовательно проследим эти «линии ценности» в пределах нашего существования, то должны будем придти к той точке в трансценденции, в которой они сходятся и которая служить основанием этих ценностей.

«Эта точка была бы тем единым, что единит все ценности между собой. И, может быть, главную иудейскую молитву, состоящую из шести еврейских слов и гласящую, что бог, один — есть единый, может быть, эту молитву в ее глубочайшем и предельном смысловом содержании, тоже стоило бы истолковать в этом смысле. Во всяком случае, остается возможность представлять себе все ценное таким образом, что оно сходится в одной высшей ценности, в “ценности-лице” (Макс Шелер); так что, возможно, всякая истина, додуманная до конца, имеет в виду бога; и всякая красота, возлюбленная до конца, зрит бога; и всякий привет, если его правильно понять, приветствует бога»²⁴⁵.

²⁴² Lassen zum Sinn — находить смысл в том, чтобы оставлять что-либо в покое, как есть, давать быть чему-либо, не вмешиваться в ход событий. — *Прим. науч. ред.*

²⁴³ Frankl, 1984. С. 265–284.

²⁴⁴ Frankl 1991. 63–75.

²⁴⁵ Там же. С. 67 и далее.

Отношение Франкла к политике

Отношение Виктора Франкла к политике определить непросто, и оно весьма изменчиво. То, что я привожу ниже, относится к некоторым высказываниям, к тому или иному прочтению Франкла как политической фигуры и к тем личным суждениям, которые он высказывал в разговорах со мной.

В теории Франкл имел ясное понимание политики, которое оставалось неизменным в течение всей его жизни. Политику он оценивал не на основе таких категорий как власть и подавление, прозрачность, степень исторического сознания или вытеснение этого сознания, социальные вопросы справедливости или эксплуатации. Сохраняя верность своему делу и своему учению, он оценивал политику масштабами этики. Точнее говоря, он давал ей оценки в зависимости от того, насколько отдельный политический деятель или целая группировка задействуют в политике свою совесть. В этой обобщенной и выравнивающей классификации для Франкла существует только *два вида политики*: для первого вида цель оправдывает средство, для второго однако существуют такие средства, которые обесценивают самую священную цель²⁴⁶. Франкл, как и Иммануил Кант, считал, что политика не вправе пользоваться человеком как средством для достижения цели. Не существует такой политической цели (мировая революция, расизм, экономические, идеологические или религиозные мотивы), которая была бы выше человеческого достоинства и оправдывала бы инструментализацию (превращение в вещь) человека. Для него это — высшая политическая заповедь. На протяжении своей долгой жизни Франклу не раз приходилось видеть, что бывает, когда люди ее нарушают.

Франкл не был политиком²⁴⁷, не был политически активным или политически мыслящим человеком²⁴⁸. Он никогда, насколько мне известно, не высказывался публично по вопросам текущей политики, за исключением случая, когда в Австрии активно дискутировалась тема введения комнат для курения в школах: в течение некоторого времени через критические замечания в своих докладах он боролся против этого новшества. Франкл являлся этиком и гуманистом. В этом качестве он мог высказаться по вопросам, которые, разумеется, имели также политическую значимость. Но при этом он не преследовал никаких политических интересов. Ему важно было выразить свое гуманистическое уmonoстроение, применить свою логотерапию и свою антропологию в

²⁴⁶ Напр., Frankl, 1990. С. 310; 1994. С. 300; Frankl / Kreuzer, 1986. С. 51.

²⁴⁷ Vesely / Frankl, 1996.

²⁴⁸ Ср. с. 55, где он, «ничего не предчувствуя», вечером накануне вступления гитлеровских войск в Австрию, читает доклад. Ср. также с. 57 этой книги.

более широком политическом контексте. Так, конечно, поступали и другие именитые психотерапевты. Наиболее известна попытка Карла Роджерса²⁴⁹ при помощи своей разговорной психотерапии оказать содействие в разрешении конфликта в Южной Африке. В Австрии последователь Адлера Эрвин Рингель занимал активную партийную позицию и высказывался по многим политическим вопросам. Франкл в частных разговорах старался дистанцироваться от подобного образа действий. Но здесь следует заметить, что Рингель и Франкл были в профессиональном отношении оппонентами. Рингель часто критиковал Франкла в своих лекциях и докладах, называл его «поверхностным психологом»²⁵⁰, который хочет справиться с проблемами пациентов при помощи логики. Насколько мне известно, Франкл никогда публично не выступал против Рингеля. Они были не только представителями различных направлений в психотерапии, но, вероятно, и по-человечески не особенно хорошо понимали друг друга.

Сам Франкл никогда не выражал симпатий или антипатий к какой-либо партии, политической программе, проводимой политике или к публично обсуждаемому политическому вопросу. Он считал бы вторжением в чужую профессиональную сферу свои попытки как психиатра «исцелить политику». Он хотел избежать высказываний, затрагивающих иную область деятельности, и не желал подкреплять своим авторитетом позицию любого политика или политической идеи.

Я хотел бы подробнее осветить отношение Франкла к политике на протяжении пяти периодов его жизни. От времени его юности мы перейдем к эпохе нацизма, затем — к периоду преодоления прошлого, подольше задержимся на борьбе Франкла против понятия «коллективная вина» и после этого обратимся к его позиции в старости (с 1986 по 1996 г.). В заключение остановимся на его отношении к различным объединениям и союзам.

В юности Франкл был активным социалистом²⁵¹. В старших классах гимназии он стал функционером Союза социалистической рабочей молодежи, а в 1924 г. некоторое время возглавлял Австрийский социали-

²⁴⁹ Карл Роджерс (1902–1987), американский психотерапевт, основатель личностной психотерапии («психотерапия беседы»), известной своей «недирективной» методикой.

²⁵⁰ Здесь игра слов: глубинная психология — Tiefenpsychologie (досл. — «психология глубин») и поверхностная психология — Oberflächenpsychologie (досл. — «психология поверхностей»). Здесь не имеется в виду, что Франкл поверхностен, но что он представляет направление «поверхностной психологии» в противоположность «глубинной психологии психоанализа», хотя такая ассоциация (коннотация) безусловно полемически подразумевается. — *Прим. науч. ред.*

²⁵¹ Frankl / Kreuzer, 1986. С. 51. См. также с. 52 и далее.

стический союз учащихся средней школы²⁵². Впоследствии Франкл рассматривал эту фазу своей жизни как «грехи юности» и оценивал ее отрицательно, называя «социологистическим искушением»²⁵³. Однако он никогда не утаивал его, всегда откровенно сознавался в этом «грехе». У меня даже создавалось впечатление, что в эпоху Крайски, да и позднее, он старательно подчеркивал свое юношеское увлечение социализмом. Ведь тем самым он становился «более приемлемым» для социалистов, так как некогда был одним из них. Мне казалось также, что, подчеркивая свое социалистическое прошлое, он хотел отвести от себя подозрение в крайнем консерватизме. Во всяком случае, такое выпячивание социалистической юности представлялось мне немотивированным.

Как пришел Франкл к социализму, неизвестно. В нашем распоряжении только гипотезы и умозаключения. О его отце мы знаем, что он был «либеральным иудеем»²⁵⁴. Во второй половине XIX в., особенно после 1848 г., либерализм в Австрии процветал. Отец Зигмунда Фрейда в 1867 г.²⁵⁵ с энтузиазмом приветствовал нового либерального министра. Фрейд, как и отец Франкла, тоже был увлечен либерализмом. Это направление особенно поддерживали евреи²⁵⁶. С 1848 г. они получили право доступа к академическим профессиям, и тот, кто располагал достаточными средствами, мог «усердно и страстно предаваться своим интеллектуальным склонностям»²⁵⁷. Как известно, отец Франкла не смог изучать медицину из-за недостатка денег.

С 1880 г. начали свою деятельность массовые политические движения, бросившие вызов гегемонии либерализма: антисемитское социально-христианское и пангерманское и славянско-национальное²⁵⁸. Уже в 1895 г. Вену захлестнула христианско-социальная волна. «Много времени понадобилось либеральным евреям, чтобы понять, что их восхищение “германством” обернулось против них самих, и что для них было бы выгоднее выступать подобно социал-демократам за многонациональную Австрию»²⁵⁹. Для бедных приезжих евреев в Леопольдштадте в 1920-е гг. из всех политических течений оставалось открытым, только массовое социалистическое движение, поскольку другие партии были либо антисемитскими, либо прославянскими.

²⁵² С. 39. В Австрии гимназия называется также «школой средней ступени» (Mittelschule).

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ 5.

²⁵⁵ Schorske, 1985. С. 188.

²⁵⁶ Spiel, 1994. С. 44.

²⁵⁷ Там же. С. 45.

²⁵⁸ Schorske, 1985. С. 5.

²⁵⁹ Spiel, 1994. С. 48.

В главе о социальном происхождении Франкла мы уже рассказали читателю о тех стесненных условиях, в которых он вырос и которые наложили свой отпечаток на его личность.

Он на всю жизнь сохранил привычку к скромному стилю жизни и большую симпатию к «человеку с улицы». Чего-то похожего на предпримчивость я в нем никогда не замечал.

Следует предположить таким образом, что Франкла подталкивали к социализму условия его жизни. Оживленные дискуссии, которые он мог вести со своими товарищами по социалистическому движению, также, вероятно, были для него привлекательными. До полуночи, по его словам, они бродили по Пратеру и обсуждали «не только альтернативу Маркс или Ленин, но и альтернативу Фрейд или Адлер»²⁶⁰. Еще студентом Франкл был вхож в социалистические круги. Я вспоминаю, как он рассказал мне, как они всей группой в «открытой машине» отправились в горы. Эта поездка особенно запомнилась ему, потому что в тот раз у него завязался роман с одной из «соратниц».

В период с 1927 по 1930 г. социалистическое движение в Австрии заметно теряло силу и постепенно растворялось в набирающем популярность национал-социализме²⁶¹. Для Франкла это, видимо, было особенно тяжело, потому что он сроднился с социалистическим движением. Чувство сродства всегда было важно для него. Потеря этого ощущения и идеологическая дезориентированность сыграли свою роль в нарастающей пустоте, которая заполняла душу молодого врача. Мы рассказали об этом в главе «В поисках смысла» (с. 38 и далее).

В тот момент над Австрией раскинул крылья национал-социализм. Франкл, как еврей конечно не принимал активного участия в национал-социалистическом движении, хотя до аншлюса Австрии это было до некоторой степени возможно. Но политика более его не интересовала. Он попытался найти выход и сохранить себя в рамках психиатрической и психотерапевтической практики. По завершении социалистической эры политическая окраска не казалась ему существенной. Впоследствии он, насколько мне известно, никогда не принадлежал ни к какой партии. Например, свои выступления он не ставил в зависимость от того, была приглашающая организация политической или нет. Франкла интересовали лишь психотерапия и антропология; важно было только, чтобы ими не злоупотребляли в политических целях.

Поэтому для него не составляло труда еще до аншлюса Австрии принимать участие в семинарах, проводившихся австрийской земельной группой немецкого психотерапевтического движения, которой ру-

²⁶⁰ 39.

²⁶¹ Cp. Pytell, 1997. С. 106.

ководил Маттиас Генрих Геринг. В 1936 и 1937 гг. Франкл участвовал во всех четырех семинарах. Хотя евреям уже не позволялось читать на них доклады, однако до 1938 г. они могли принимать в них участие в качестве оппонентов²⁶². Франкл, казалось, заинтересованно относился к этому психотерапевтическому движению и, кажется, заступился за него однажды²⁶³. Впрочем, я считаю невероятным, чтобы с этим движением Франкла связывал политический интерес.

Ведь положение Франкла в тот момент было чрезвычайно затруднительным. Он уже не был связан с психотерапией, товарищеские контакты в социалистическом движении распались. Виктор искал собеседников и профессионального общения. Единственная возможность этого, как ему представлялось, была в то время организована национал-социалистами. Хотя у него не было шансов политического роста и его обрекали на роль «оппонента», но хотя бы в этом качестве он мог принимать участие в мероприятиях и воспринимать или же передавать другим импульсы для профессиональной работы. Для некоторых людей участие в семинаре, организованном (нелегально действующими) национал-социалистами, уже есть форма коллаборационизма. В свете того, что натворил впоследствии национал-социализм, это обвинение получает особую тяжесть. Однако ввиду жизненной ситуации и профессиональных интересов Франкла мне кажется неуместным приписывать ему сотрудничество с национал-социалистами. Вероятно, Франкл знал о политической направленности этой организации, поскольку не имел права выступать там с докладами. А значит, до аншлюса Франкл, видимо, не питал к национал-социалистам особой антипатии, которая бы помешала ему участвовать в их семинарах по психотерапии²⁶⁴.

²⁶² Там же. С. 106. Пайтелл считает, что Франкла с этим движением связывал политический интерес, но доказать этого не может.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Утверждение, будто Франкл за два месяца до аншлюса Австрии в «закодированной форме» агитировал в «Христианском сословном государстве (Christlicher Ständestaat)» за «ведущих представителей» Института Геринга (Pytell, 1997. С. 106), представляет собой подтасовку фактов. Во всяком случае, как признает сам Пайтелл, этот журнал имел антинацистскую ориентацию. Возможно, американец Пайтелл не владеет немецким языком. Если бы он читал работу о «Самоосмыслении врача-психиатра» (она даже переиздана в: Frankl, 1994. С. 31–35), ему пришлось бы убедиться в обратном. Правда, Франкл высказывается здесь за включение мировоззрения и ценностных проблем в работу психотерапевта. Подобное требование в 1938 г. уже может заставить читателя нервничать. Но Франкл как раз предупреждает об этой дилемме психотерапевта, состоящей в том, что вследствие необходимости такого включения он подвергается опасности оказывать на пациента мировоззренческое принуждение, чего в любом случае, по его мнению, следует избегать. Он приводит несколько цитат, подтверждающих опасность, в частности, национал-социалистического воздей-

После аншлюса Австрии в марте 1938 г. открытая политическая деятельность была уже, без сомнения, невозможна для Франкла. Он не расценивался национал-социалистами как враг, иначе не получил бы должность руководителя неврологического отделения Ротшильдковского госпиталя. Следует предположить, что эта должность, как и многие другие, освободилась после эмиграции его предшественника. В 1939 г. Ротшильдовский госпиталь был взят под контроль национал-социалистами²⁶⁵. Кроме того, СС регулярно проводила там облавы²⁶⁶. К упоминавшимся в предыдущем разделе книги экспериментам в области хирургии головного мозга национал-социалисты относились терпимо, вероятно, уделяя им мало внимания как «еврейскому лечению», а может быть и одобряя их. Во всяком случае, результаты этих экспериментов еще во время войны с разрешения референта по еврейству Врачебной палаты²⁶⁷ Франкл смог опубликовать в Швейцарии. Как он сам утверждал, выступая в Национальном университете Сан-Диего (Калифорния) 20 февраля 1972 г., национал-социалисты даже побуждали его к этому (как еврей, он не имел права публиковаться на территории рейха), чтобы получить информацию по крайней мере из швейцарского журнала. «Национал-социалисты надеялись, что эти опыты можно будет использовать для военных нужд, проводить в ходе боевых действий на солдатах»²⁶⁸. «Только этому обстоятельству я обязан возможностью опубликовать их результаты»²⁶⁹.

Это сообщение, конечно, оставляет некоторый простор для интерпретаций политических настроений Франкла, потому что он не выска-

ствия врачей на пациентов. Именно в качестве примера того, как не должно быть, он цитирует только что названного профессора М. Г. Геринга и противопоставляет ему «самокритичных психотерапевтов», которые предупреждают об опасности подобного образа действий. Чтобы не быть в этом смысле одиноким, он приводит цитату из некоего Владимира Элиасберга: «Задачей психагогики не может быть навязывание страдающей личности некоторой чуждой для нее ценности» (33). Сам Франкл также попытался решить дилемму между необходимостью останавливаться на обсуждении мировоззренческих вопросов, а значит, и ценностных проблем, и необходимостью избежать абсолютно любого принуждения, в *Zentralblatt für Psychotherapie* («Центральный вестник психотерапии») за 1938 г. (№ 10. С. 33–45). Суть своего решения он повторяет и в этой статье в «Христианском сословном государстве»: «необходимо только прибегнуть к такой ценности, которая как формальная этическая ценность еще не предполагает никакого направления к конкретным ценностям: к ценности ответственности!» (Frankl, 1994. С. 34).

²⁶⁵ Bentwisch, 1978. С. 475 и далее.

²⁶⁶ Stern, 1974.

²⁶⁷ 57.

²⁶⁸ Цит. Франкла по: Pytell, 1997. С. 114.

²⁶⁹ Там же.

зывается об этом прямо. Оценки окажутся различными. Все зависит от политической ориентации и намерений, социальной чуткости, положительного или отрицательного отношения к личности Франкла и в особенности от степени близости знакомства с ним. Поскольку в течение длительного времени я слышу множество кривотолков о деятельности Франкла в период нацизма, а враждебно настроенные голоса пытаются оклеветать его, хочется подробнее остановиться на этой теме. Список этих обвинений приводит Тимоти Пайтелл в неоднократно цитированной работе, которая в 1998 г. вызвала ажиотаж в профессиональных кругах и могла бы испортить репутацию Франкла. Поэтому критику в его адрес я рассмотрю именно на примере претензий Пайтелла. Недостаток этого способа обсуждения заключается в том, что человек, который, впрочем, производит впечатление хорошо информированного, получает рекламу, которую ввиду его сомнительных в научном отношении изысканий и тенденциозных выводов он не заслуживает.

Пайтелл, обнаруживший и опубликовавший приведенную выше цитату, принимает ее за доказательство того, что Франкл «очевидно действовал по согласованию с национал-социалистическим истеблишментом и готов был работать на них»²⁷⁰. Эта «добросовестная оценка» приводит, по мнению Пайтелла, «к выводу», что эти исследования давали Франклу возможность «показаться “полезным” для воинственных устремлений национал-социалистов»²⁷¹. Слова Франкла, что только «этому обстоятельству он обязан» возможности опубликовать результаты его работы, Пайтелл трактует как «благодарность» в адрес национал-социалистов за то, что они «признавали его старания»²⁷². Далее, он приходит к следующему выводу: «В конечном счете, Франкл был готов сотрудничать с национал-социалистическим режимом, и он никогда не вступал в активное сопротивление»²⁷³. По его словам, на критику своего поведения Франк всегда отвечал так: ни от кого нельзя требовать решения, будто лучше попасть в концлагерь, чем склониться перед волей нацистов. Так Пайтелл говорит о «многослойной вине Франкла», которая состоит во взаимосвязи «между истоками логотерапии... и его интеллектуальной и политической активностью после войны»²⁷⁴. Это объясняет якобы, почему после войны он «избрал для себя роль примирителя и почему присуждение ему почетного гражданства служит столь показательной иллюстрацией австрийского недовольства»²⁷⁵. Он, дескать, отказывал своим пациентам в

²⁷⁰ Pytell, 1997. С. 114.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Там же.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Там же. С. 115.

²⁷⁵ Там же.

их последней воле, нарушил солидарность с другими врачами-евреями и только в 1995 г. почувствовал себя «в достаточной безопасности», чтобы «изобразить свои сомнительные медицинские поступки... как героические усилия во имя спасения жизни. Но в действительности медицинские исследования Франкла являлись раболепной предупредительностью, выражавшей известную меру профессионального оппортунизма и отчаянную попытку избежать депортации. Компрометирующее поведение Франкла накануне войны позволяет понять его близость как к Вальдхайму, так и к Хайдеру»²⁷⁶. Пайтелл, правда, признает: для него поразителен сам факт, «что Франкл вообще решился опубликовать эту обновленную версию своей краткой автобиографии»²⁷⁷. В сноске он ссылается на предисловие редактора, в котором говорится, «что книга первоначально не была предназначена для публикации»²⁷⁸.

К таким выводам можно придти, только не зная Франкла и не имея представления о его деятельности в целом. Работа Пайтелла обнаруживает тенденциозность его замысла. Правда, он сам отмечает, что факт опубликования Франклом дополненной версии автобиографии противоречит утверждению о «сокрытии». И все же он пытается найти аргумент для объяснения этого противоречия. Таким аргументом кажется ему замечание из предисловия редактора, что Франкл сначала не имел намерения публиковать эту книгу. При этом Пайтелл игнорирует другое замечание редактора, где тот пишет, что Франкл решился «издать свою 31-ю книгу — сочинение очень личного характера,... и что он, несмотря на преклонный возраст и проблемы со здоровьем с неизменной силой и увлеченностью работал над этой книгой»²⁷⁹. Но Пайтелл мог и не знать, к чему относится пассаж «первоначально не была предназначена для публикации». Поскольку я имею доступ к рукописи книги, я чувствую себя обязанным прокомментировать это обстоятельство, чтобы предотвратить дальнейшие инсинуации. Свои записки под заглавием «Отчет и исповедь» Франкл начинает такими словами: «Итак, эта книга обо мне, моя автобиография, которую я пишу не сам, но которую напишете вы, сударь, вам ясно? As told by Viktor Frankl, как сказали бы в Америке. ("Вы напишете все со слов Виктора Франкла").» Я приступаю к диктовке, м-р Литературный Негр, и делаю это здесь и сейчас, а не на Раксе и не вчера, как я планировал первоначально. У меня до этого руки не дошли, я должен был подняться на Прайнер Ванд с Фрицем из Райхенпфада»²⁸⁰.

²⁷⁶ Pytell, 1997. С. 115.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Там же. С. 121.

²⁷⁹ V.

²⁸⁰ MS. С. 1.

Франкл позволяет себе такую свободную и легкую манеру, говорит для воображаемого «литературного негра», которому в свободном стиле желает откровенно поведать историю своей жизни. Это было, вероятно, в 1985 г., ибо в октябре того же года я уже получил копию рукописи. Поскольку, передавая ее мне, он утверждал, что этот экземпляр — моя собственность и я вправе использовать ее после его смерти по своему усмотрению, я заключил, что под «литературным негром» он имел в виду меня. В августе 1987 г. он вручил мне еще и дополнительный текст. Во всяком случае, высказанным намерением Франкла было опубликовать свои «Отчеты и исповеди». Поскольку он знал, что ему трудно говорить о себе (ведь он был явным противником переживаний самого себя), а когда приходится, его рассказ невольно приобретает нарциссические черты, он стремился, чтобы до читателей его биография дошла в обработке другого, более объективного человека.

Утверждение, что Франкл только в 1995 г. почувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы опубликовать результаты своих сомнительных врачебных опытов, противоречит фактам, которые перечисляет сам же Пайтелл. Франкл никогда не делал секрета из своих работ, указывал в библиографии публикации военного времени, говорил о них на лекциях, например в цитируемом Пайтеллом докладе 1972 г. В группах профессиональной подготовки GLE он также обращался к ним в ходе одной дискуссии.

Поскольку Франкл благодаря своей должности в Ротшильдовском госпитале получил защиту от депортации для себя и членов своей семьи, он всегда указывал, что (в конце 1941 г.) не претендовал на американскую визу. В 1940 г., когда он появился в Ротшильдовском госпитале²⁸¹, о защите от депортации никто еще и не поминал. Конференция в Ванзее, на которой впервые было принято решение об «окончательном решении еврейского вопроса» и после которой начались массовые депортации, состоялась 20 января 1942 г. В 1940 г. депортировали преимущественно участников политического сопротивления, не только евреев, но и социалистов, христиан, цыган. Когда высказывания Франкла вырывают из исторического контекста и выдаются за доказательство чего-то, не выдерживающего проверки историей, это похоже на тенденциозное искажение фактов. Упреки в адрес Франкла в «раблепной предупредительности» перед национал-социалистическим истеблишментом и в политическом оппортунизме бездоказательны. Если Пайтелл ищет объяснения поведению Франкла, то его не нужно выводить из какой-либо политической идеологии, ибо Франкл не был политиком. Оно основывается на его личных обстоятельствах и религиозных убеждениях. Может

²⁸¹ Fizzotti, 1970. С. 4.

быть, такое поведение можно объяснить и понять исходя из структуры его личности. Во всяком случае, стремясь увидеть эти взаимосвязи в действительной жизни, едва ли стоит предаваться погоне за эффектами или «раздувать» политический скандал.

Приписывание Франклу многослойной вины и утверждение о существовании связи между истоками логотерапии и его политической активностью после войны — это прием из той же серии, что и названные выше. Пайтелл стремится быть деструктивным и навлечь на логотерапию политические подозрения, что происходит из социологистического мировоззрения. Насколько я знаю, Франкл никогда не защищался от критических замечаний в свой адрес при помощи аргумента, что ни от кого нельзя требовать, чтобы он предпочел концлагерь сотрудничеству с нацистами. Этими словами Франкл как бывший узник концлагеря хотел оправдать людей, которые, не решившись избрать политическое сопротивление, бежали от нацистов за границу. Франкл понимал тех немцев и австрийцев, кто опасался за жизнь свою и своих родственников и поэтому не восставал против наци. Ибо героизма, который означал бы депортацию в концлагерь, нельзя требовать ни от кого, кроме самого себя. Ни один человек не вправе объявлять кого-то виновным за то, что тот вел себя недостаточно героически. И это не в меньшей степени относится к тем, кто из безопасного сегодня судит о людях, живших в ту страшную эпоху. Хотел бы еще прибавить, что наше поколение, возможно, потомки будут точно так же осуждать за то, что мы молча наблюдали за загрязнением окружающей среды, хищнической добычей сырья, растратой энергии, отношением к жизни до рождения и перед смертью, голодом и нуждой в Африке, Южной Америке и Азии, и т. д. Осмысление прошлого очень важно, потому что с ним связано наше настоящее. Но приоритет принадлежит настоящему и подготовке к будущему, потому что ответственная жизнь теперь должна быть основой для ответственного осмысления прошлого. Недопустимо, чтобы вина за прошлое заставляла нас забывать о настоящем. Это порождает новую вину, о которой нам некогда придется печалиться.

В заключение Пайтелл утверждает, что Франкл «никогда не вступил в активное сопротивление» национал-социалистическому режиму. Очевидно, Пайтелл упустил из виду, что Франкл в меру сил пытался саботировать нацистскую практику эвтаназии душевнобольных²⁸². Это была та сфера, в которой Франкл мог проявлять политическую активность, и только на этом уровне — как врач, психотерапевт и антрополог — он проявлял ее после окончания войны. Франкл никогда не сражался с оружием в руках, не являлся человеком команды, который мог бы участво-

²⁸² 60.

вать в подпольном сопротивлении, потому что он был прирожденным одиночкой. Это был человек слишком далекий от политики, не обладавший бойцовскими качествами и чересчур гуманный по своему мировоззрению. Кроме того, он был законопослушен и признавал существующий строй. На публике им овладевала боязливость. Он не имел достаточно смелости, чтобы уйти в оппозицию или выступать с критикой. Однако в меру своей компетенции в известной ему сфере деятельности он оказывал сопротивление и при этом в известном смысле рисковал. Франклу приходилось врачевать людей, невзирая на их политическую позицию или религиозную принадлежность, с помощью «парадоксальной интенции» он помогал нацистским функционерам совладать со своими страхами²⁸³. Все это для людей, ожесточенных или оскорбленных национал-социалистами, непонятно, даже возмутительно и может показаться коллаборационизмом. Но мотивацию Франкла стоит искать в глубочайшей гуманистической позиции и в следовании клятве Гиппократата.

Прежде чем мы обсудим примирительную позицию Франкла после войны, нужно сказать еще два слова о том опыте *ненависти*, который он получил в концлагере. Этот опыт составляет эмоциональную основу его примирительной позиции. Франкл пишет, что в отношении СС к узникам лагеря не было заметно никакой ненависти. «О ненависти там не могло быть речи... Людей в концлагере даже не ненавидели, как ненавидят, скажем, вредное насекомое — ведь его тоже истребляют, убивают газом. Этих людей даже не ненавидели, да их не хотели и наказывать — так, как желают наказывать например преступников. Здесь, скорее, был искоренен последний остаток личности»²⁸⁴. Франкл объясняет это тем, что в концлагере людей превращали в объекты. Они предназначались для медицинских опытов, были рабочим скотом, товаром. Он имеет в виду, что ненавидеть можно только субъект, но не то, «что мы унизили до значения простого объекта»²⁸⁵. А узникам лагеря отказывали в остатках человеческого достоинства. «Так случилось, что там, где нужно бы было видеть достоинство людей, видели только практическую ценность рабов, пока они были живы и годились для работы; но как только они умирали, их материальной ценности хватало лишь для переработки на мыло»²⁸⁶. Франкл ощутил, что система, или лагерное начальство, смотрели на него и его союзников как на неодушевленные предметы до такой степени, что считала их не стоящими даже ненависти. В этой бесчеловечной агрессии не существовало интенциональной обращенности на конкретного человека. Это была агрессия против коллектива, а не против индивида.

²⁸³ 62.

²⁸⁴ Frankl, 1990. С. 277.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Там же. С. 227 и далее.

Индивида поэтому и не ненавидели, он не поднимался с коллективистского уровня на гуманный, где агрессия может превратиться в ненависть. Такое соотношение между агрессией и ненавистью Франкл разъяснил в одной из лекций в 1971 г.²⁸⁷

«... на человеческом уровне я *ненавижу!* А ненависть, именно в противоположность агрессии, интенционально направлена на нечто, что я ненавижу, и, к сожалению, также на кого-то, кого я ненавижу... Ненависть и любовь — это человеческие феномены, потому что они интенциональны, потому что у человека в каждом случае есть причина, чтобы ненавидеть что-нибудь или кого-нибудь любить».

Эсесовцы не ненавидели узников лагерей, они не вступали на гуманный уровень, у них не было никакой личной причины, они функционировали в системе. Когда в предыдущей главе²⁸⁸ мы критиковали утверждение Франкла, что он не знал лично виновных нацистов, то здесь эту критику нужно несколько смягчить с учетом его опыта «системной» и «несистемной» агрессии. Как выглядела агрессия со стороны узников? В книге «Психолог в концентрационном лагере»²⁸⁹ Франкл ничего не сообщает об агрессии. Скорее, пережив шок от ареста, заключенные пребывали в некой апатии и боролись с чувством отчаяния. Несправедливое обращение и произвол причинял им немало боли, и при этом они испытывали возмущение²⁹⁰. В поминальной речи 1949 г. Франкл дает говорить о ненависти двум своим союзникам:

«И еще был там молодой хирург из того же госпиталя, доктор Пауль Фюрст, и другой врач, Эрнст Розенберг. С обоими я смог поговорить в лагере, незадолго до их смерти. И в их последних словах не было *ни единого слова ненависти* — *только слова страстного ожидания и прощения*; ибо то, что они ненавидели, и что мы ненавидим — это никогда не люди — людям нужно уметь прощать; то, что они ненавидели, была только система, которая одним приносила вину, а другим смерть»²⁹¹.

Этот взгляд соответствует позиции Франкла, тому, как он излагал ее мне или например в своей лекции в поликлинике. Там он зимой 1984—1985 гг. говорил, что убежден — человек, по сути, никогда не стал бы ненавидеть самого человека, то есть персональное в нем, но ненависть обращается лишь на что-то *присущее* человеку, или на то, что он пережил в годы войны, а именно — на систему, вынуждающую человека к поведению, достойному ненависти. Национал-социализм, к примеру, воспитывал в людях коллективистское мышление, потому что всегда вы-

²⁸⁷ Frankl, 1991. С. 225 и далее.

²⁸⁸ 200.

²⁸⁹ Frankl, 1977.

²⁹⁰ Там же. С. 45 и далее.

²⁹¹ Frankl, 1990. С. 346.

носил суждения только коллективно и в целом²⁹². Марио фон Кранах, профессор психологии из Берна, привел в своем докладе на ежегодном заседании Общества логотерапии и экзистенциального анализа 25 апреля 1998 г. интересное с психологической точки зрения замечание. Он рассказал, что, согласно данным эмпирических исследований, отдельно взятый солдат на фронте не является агрессивным. Напротив, оказалось, что он испытывает страх. «Но кто же тогда испытывает агрессию? — Группа как целое». В условиях военного отряда, в связке с другими, над страхом индивида распространяется, так сказать, «системная» агрессия. Возможно, Франкл имел в виду нечто подобное, когда говорил, что отдельное лицо как таковое, по сути, не заслуживает ненависти. В 1971 г. он попытался дать этому объяснение, которое однако затрагивает только некоторую часть способности человека к развитию, а потому остается фрагментарным²⁹³. Он утверждал, что имеет смысл ненавидеть лишь нечто, присущее человеку, а не его самого, ибо «если я ненавижу его самого, то я гипостазирую в нем то, что достойно ненависти, отождествляю его с ненавистным в нем и блокирую в нем способность когда-либо избавиться от этого ненавистного».

У отношения Франкла к ненависти была еще одна, совершенно личная причина. Журналист Курт Виммер²⁹⁴ рассказывает о своей беседе с Франклом: «“Вы когда-нибудь чувствовали в себе ненависть?” — спросил я его в ходе нашей беседы в его венской квартире, и он совершенно спокойно ответил: “Я к этому неспособен”. Его жена Элли подтвердила: “Я никогда не слыхала от него ни слова ненависти”». Свою речь в ратуше 10 марта 1988 г.²⁹⁵ он начинает с воспоминаний о своей семье, а затем продолжает: «И все же я должен просить вас не ждать от меня ни слова ненависти. Кого же мне ненавидеть? Ведь я знаю только жертв, но не преступников, по крайней мере, не знаю их лично, и я отказываюсь объявлять кого-либо *коллективно* виновным». На вопрос, не причинили ли ему в Вене достаточно зла, так что он предпочел бы эмигрировать, Франкл всегда отвечал встречным вопросом: «Кто же что сделал мне?»²⁹⁶ Похоже на то, что Франкл не общался ни с одним убежденным расистом или сторонником войны. Зато он всякий раз перечислял людей, помогавших ему или другим в Вене²⁹⁷. Кого же тогда он должен был ненавидеть? Очевидно, он не знал своих врагов или рассматривал как враждебное начало непостижимые умом коллектив, идеологию, си-

²⁹² Ср. там же. С. 309.

²⁹³ Frankl, 1991. С. 225.

²⁹⁴ Wimmer, 1979. С. 48.

²⁹⁵ См. Frankl, 1994. С. 297 и далее.

²⁹⁶ 80.

²⁹⁷ 80; Frankl, 1994. С. 298.

стему, как мы только что видели. Но возникает вопрос, имел ли Франкл достаточно смелости для обвинения, не боялся ли высказывать критику и объявлять кого-то виновным? Возможно, он закрывал он глаза на бесчисленные несправедливости или попросту вытеснял реальность в своем сознании? Я думаю, здесь есть совмещение двух позиций. С одной стороны, это идеалистическая принципиальная установка Франкла, не желающего слишком резко обращаться с человеком, строго вменять ему некоторое злодеяние, неизменно стремящегося видеть во всем только добро, потому что для него только оно и засчитывается. А с другой — его робость высказывать критику и страх закоренеть в своем суждении о другом человеке, тем самым оказавшись уязвимым.

Эта мысль подводит нас к важнейшему политическому поступку Франкла, благодаря которому он стал известен после войны: к его выступлению *против гипотезы коллективной вины*. В биографической части книги, в главе о жизни после освобождения из концлагеря, мы назвали те причины, которые заставили его выступить против гипотезы коллективной вины. Прежде всего, это связано с тем, что он испытал целый ряд положительных переживаний. Этот положительный опыт он имел как в среде национал-социалистов, так и их жертв, и противоречил идее о коллективной вине. Наряду с этим Франкл теоретически обосновывал постулат о том, что никакой коллективной вины быть не может. Ибо «вина может быть только личной — вина в том, что сделал я сам или чего я делать не стал! Но я не могу быть виновен в том, что сделали другие люди, будь они даже мои отцы или деды. Внушать же австрийцам, которым сегодня от 20 до 50 лет, некоторую, так сказать, «коллективную вину, имеющую обратную силу» я считаю преступным и безумным — или, если сформулировать с точки зрения психиатрии, это *было бы* преступлением, если бы не представляло собой медицинский случай безумия. И *рецидив* так называемой «родовой ответственности» нацистов! Я думаю, именно жертвы коллективного преследования в прошлом должны первыми согласиться со мной. Иначе можно подумать, что вам только и нужно, что толкнуть молодых людей в объятия нацистов или неонацистов!»²⁹⁸

С антропологической и философской точек зрения эта позиция основана на том, что человек несет личную ответственность только за свои поступки. Поэтому он может быть виновен лишь в своих собственных поступках. Строго говоря, человек ответствен исключительно за то деяние, при котором он сам принимал некоторое решение, делал или мог бы сделать выбор. Ибо за то, что неподвластно его свободе (например спонтанные рефлексы его тела), он не несет ответственности, хотя и отве-

²⁹⁸ Речь в ратуше, 1988 г., в: Frankl, 1994. С. 297 и далее.

чает. Он несет ответственность за те свои произвольные реакции, в преобразовании, усилении, ослаблении или подавлении которых мог бы соучаствовать. Поэтому Франкл подвергает критике «фаталистические черты» психологии К.Г. Юнга. В своей «фаталистической вере в коллективное бессознательное» Юнг допустил также коллективную вину всех немцев, «включая тех немецких антифашистов, которые были заперты в концлагеря: они, согласно воззрению Юнга, бессознательно были национал-социалистами»²⁹⁹.

Франкл справедливо указывает: «Кто говорит о коллективной вине, делается сам причастен к несправедливости»³⁰⁰. Ибо он приписывает человеку вину за то, чего тот не совершил. «Обладание ответственностью составляет достоинство человека, достоинство каждого отдельного человека. И всегда только от отдельного человека зависит, попирает ли он ногами это достоинство или сохраняет его в себе. Так же, как последнее составляет личную заслугу человека, так первое составляет его личную вину. А в жизни существует только личная вина»³⁰¹. Что же касается судебных процессов и обвинений, то он цитирует Поля Валери: *Si nous jugeons et accusons, le fonds n'est pas atteint* («Пока мы спорим о правах, осуждаем и обвиняем, основ мы еще не достигли»). А чтобы разорвать спираль несправедливости, он желает не только помянуть мертвых, «но и простить, живым. Так же, как мы протягиваем руку мертвым, невзирая на все могилы»³⁰², так же давайте устремим наши руки и к живым — невзирая на всю ненависть. И если мы говорим: честь и слава мертвым — то давайте прибавим: мир всем живым людям доброй воли»³⁰³. Свою речь в ратуше Франкл закончил, высказывая ту же мысль в еще более жесткой формулировке. Он утверждал: требование сегодняшнего дня в том, «чтобы все люди доброй воли протянули руки друг другу, невзирая на всех могильщиков и все могилы»³⁰⁴.

Однако тему коллективной вины Франкл не всегда трактовал так высокопарно, как в наиболее значительных речах. В 1946 г. он подходил к этой проблеме более дифференцированно³⁰⁵. Тогда он утверждал, что коллективная вина существует в трех отношениях, однако понятие о ней в то время не употреблялось в этом смысле. Эти «три формы, в

²⁹⁹ Frankl, 1990. С. 308 и далее.

³⁰⁰ 80.

³⁰¹ Frankl, 1990. С. 348.

³⁰² То есть, не различая, кому принадлежат эти могилы, — друзьям или врагам. — *Прим. науч. ред.*

³⁰³ Frankl, 1990. С. 348.

³⁰⁴ Frankl, 1994. С. 300.

³⁰⁵ Frankl, 1991. С. 97–105.

которых вина или ответственность только и может быть действительно коллективной»³⁰⁶, таковы:

1. Коллективная ответственность (Kollektive Haftung). Когда человек в качестве члена определенного коллектива как целого объявляется ответственным (haftbar gemacht wird) за последствия какого-то преступного действия этого коллектива. Это относится также к случаю, когда на отдельного индивида не возлагается личная ответственность.

2. Вина за вступление в некоторый коллектив. Здесь налицо личное решение, вследствие которого человек становится до «известной степени также лично совиновным», например, если некая партия совершила преступления, предусмотренные ее программой. При этом Франкл прибавляет — рождение, конечно, не является вступлением в коллектив, поэтому нелепо возлагать на кого-либо ответственность за то, что родился. И даже при вступлении в партию в каждом отдельном случае нужно проверять, насколько человек подвергался давлению, не поступил ли он по принуждению, не по своей воле.

Решать кто, когда и какую ответственность несет — это, конечно, «вопрос деликатный». Во всяком случае, право осуждать другого принадлежит, по его мнению, только тому, «кто сам про себя может доказать, что сам бы он поступил иначе. *Только тот, кто сам предпочел оказаться в концлагере, нежели поддаться чуждому давлению, — только тот, собственно, может переломить шпагу над тем, кто сдался*»³⁰⁷.

3. Коллективная ответственность. Это порождающее недоразумения понятие описывает такую ответственность, «вследствие которой каждый человек некоторым образом оказывается ответственным за любого другого: “один за всех”, как говорится»³⁰⁸. Франкл готов принять такое понимание ответственности, но с известной оговоркой: «Но тогда нам нужно дополнить: “И все за одного”!»³⁰⁹ Если существует нечто вроде коллективной ответственности, она может быть только планетарного масштаба. *«Пусть одна рука не возмнит о себе много из-за того, что не ее, а другую руку поразила опухоль; ведь болеет всегда только целый организм.* И так же другие нации пусть не радуется тому, что не они, а немецкая нация подпала под влияние национал-социализма, ибо тогда было больным все человечество»³¹⁰. Здесь мысль Франкла имеет ярко выраженный системный характер, и он де-факто обвиняет другие страны в том, что они несут свою долю ответ-

³⁰⁶ Там же. С. 97

³⁰⁷ Frankl, 1991. С. 98.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ Там же. С. 100 и далее.

ственности за торжество национал-социализма. Германскую империю, следовательно, стоит рассматривать, так сказать, лишь как «носителя симптомов» в коллективно больной всемирной семье — подобный подход сегодня весьма распространен в семейной терапии благодаря использованию системного мышления.

Франкл идет еще дальше. Он требует, чтобы мы сознались себе и другим: «Каждому человеку, и каждому индивиду так же точно, как и каждому отдельному народу, безусловно “сопутствует” зло.... Зло вездесуще! А поскольку именно в последние годы мы видели, на что бывает способен человек, то мы узнали также и то, что каждый отдельный человек способен на это. Несомненно, не в каждом зло становится действительностью; но в каждом лежат его задатки, по крайней мере, как возможность...» Давайте только не будем верить, будто сатана взял к себе на службу какую-то нацию или монопольно завладел какой-либо партией. Ошибается и тот, кто думает, что только национал-социализм впервые сотворил зло: говорить это значило бы переоценивать нацизм, ибо он не был творческим — даже в зле. Не национал-социализм первым создал зло, он только содействовал его росту, как, может быть, никакая другая система до него; содействовал тем негативным отбором, который производил, и плодотворно рождающей зло «властью злого примера»³¹¹.

Чтобы сегодня не просто снова бороться со злом его же методами и не работать дальше теми же средствами, нужно «разорвать цепь зла, не воздавать больше мерой за меру, злом за зло, но воспользоваться появившимся уникальным шансом преодолеть зло именно тем, что мы не станем увековечивать его и продлевать до бесконечности, не станем исповедывать правило “око за око и зуб за зуб”»³¹². Франкл действительно жил в согласии с этим призывом. Однажды он отправился с бывшим эсесовцем профессором Хансом Штротцка, директором Института глубинной психологии при Венском университете, в таверну. Позже Франкл рассказывал мне, что для него было забавно сидеть с ним за одним столом. Он, бывший узник, сидит за одним столом с бывшим эсэсовцем, и они душевно беседуют. Нужно постараться, чтобы такое себе представить!

Этот спор о коллективной вине имеет, по моему мнению, надвременное значение. Именно в последние годы с прежней остротой возник вопрос о вине, ответственности и примирении в отношении Второй мировой войны. Как мы видели, и в адрес Франкла поступали упреки, его выступления за примирение, как и протест против коллективной вины оценивали как результат политического вытеснения.

³¹¹ Там же. С. 98 и далее.

³¹² Там же. С. 100.

Франкл уже в 1946 г. называл каждого человека и каждую нацию принципиально способной нести вину. Эту мысль он подчеркнул с помощью метафоры, развивающей темы его антропологии. Исходя из антропологического убеждения, согласно которому ни биология, ни социология, ни типология, ни даже принадлежность человека к известной расе не детерминирует с однозначностью его поведение, он приходит к выводу, что с персональной точки зрения некорректно относить людей к некоторой расе. «В этом смысле, следовательно, не существует никаких рас или же существует только две “расы” — раса порядочных людей и раса непорядочных людей.

Это деление проходит через все типы людей: биологические, психологические, социологические. И остается только пожелать, чтобы человечество смогло достичь сознания единой сопринадлежности всех порядочных людей над расовыми и типовыми границами; и чтобы, подобно тому, как некогда иудейство подарило миру монотеизм как учение о едином боге, миру будет дан когда-нибудь и мон-антропизм как учение о едином человечестве»³¹³.

В своей речи в ратуше Франкл снова обращался к этой мысли в несколько патетическом тоне: «Национал-социализм пробудил бредовую идею о расах. Но в действительности есть только две расы — раса порядочных людей и раса непорядочных людей. И *деление на расы* проходит через все нации, а в каждой отдельной нации — через все границы партий. Даже в концлагерях встречались порядочные эсэсовцы — так же точно, как встречались мошенники и предатели среди заключенных. Не говоря уже о главарях. Что порядочные люди были в меньшинстве и, вероятно, в меньшинстве останутся — с этим приходится мириться. Опасность угрожает только там, где политическая система позволяет непорядочным, то есть негативной элите нации, всплывать на поверхность. Но от этого никакая нация не застрахована, и в этом смысле каждая в принципе способна на холокост!»³¹⁴ В доказательство он ссылался на результаты исследования психологов, получившие известность под названием «эксперимент Мильграма»³¹⁵.

³¹³ Frankl, 1991. С. 89 и далее.

³¹⁴ Frankl, 1994. С. 299.

³¹⁵ Эксперимент С. Мильграма (1974), доказывающий готовность человека к повиновению при совершении жестокостей. Испытуемый должен исполнять дозированное наказание «школьника», который якобы совершает ошибки, при помощи удара электрическим током при каждой ошибке. Сила удара током должна быть больше или меньше той, которую сам испытуемый выдерживал при испытании на собственном теле. В большинстве случаев обнаруживалось заметное различие между силой удара током, направляемого другому, и силой тока, которую может терпеть сам испытуемый.

Лично мне это деление людей на две «моральные расы» никогда не нравилось. Оно, по крайней мере в том виде, в котором звучит в речи Франкла в ратуше, слишком недифференцированно и чересчур идеалистично. Ибо в действительности нет ни одного человека, который однозначно принадлежал бы к одной из этих рас. Каждому «безусловно сопутствует зло», как говорил сам Франкл. Никто не может взять на вечный откуп порядочность, как это ошибочно (и опасно — ибо извиняет всех скопом) предполагает подобное понимание понятия «раса». Такой образ мысли я считаю морализаторским. Я говорил об этом Франклу, когда в феврале 1988 г. он показал мне подготовленную речь. Я предлагал ему воздержаться от использования этого названия или избрать другую формулировку. Он ответил: «Вы же должны оставить за мною право на некоторую поэтическую вольность!» Несмотря на все мои сомнения, я должен признать за Франклом умение добавить изюминку в доклад. Ибо именно эту цитату чаще всего воспроизводили, сообщая об этом заседании. Образ «двух рас» охотно используют и сегодня. Его, в частности, употребил экс-бургомистр Вены Хельмут Цильк в заключительном слове на Международном симпозиуме памяти Теодора Херцля, проходившем в Венской ратуше с 22 по 24 сентября 1997 г. Но Цильк развил и другие идеи из обсуждаемой речи Франкла.

Если во время войны Франкл выступал за спасение душевнобольных от принудительной эвтаназии, то после войны он прилагал усилия для спасения людей от преследования «народными судами». Выступить в 1946 г. против коллективной вины — значило плыть против течения. Еще менее популярным оказывался бы тот, кто выступал в защиту нациста. В биографической части книги мы уже рассказали, что однажды Франкл спрятал у себя в квартире коллегу, чтобы спасти его от возможного смертного приговора «народного суда». Упоминали мы и о том, как он, дав свидетельские показания, спас от смерти другую коллегу, за что получил нагоняй от Союза узников концлагерей.

Другой публичной политической активности Франкл не проявлял. За рубежом он был принят аргентинским президентом Альфонсином, с которым обсуждал политические и гуманитарные проблемы. В Южной Африке он также общался по случаю своего доклада с высокопоставленными функционерами. На Филиппинах один из президентов читал в тюрьме его книги, о чем Франкл впервые узнал из газеты. Эти книги, как утверждают, весьма значительно способствовали тому, что президент смог сохранить душевную стойкость. В марте 1986 г. Франкл воспользовался своей лекцией в Московском Государственном университете им. Ломоносова, чтобы подвергнуть критике антигуманные идеологии. Таким дипломатичным способом он попытался критиковать коммунистическую систему. Насколько я знаю, это был единственный случай, когда

Франкл в зарубежном выступлении высказался против политики принимающего его государства.

Когда избрание Курта Вальдхайма федеральным президентом Австрии оказалось в центре внимания прессы из-за его политического прошлого, Франкл публично не выражал своего мнения. Как уже говорилось в биографической части книги, он с пониманием относился к позиции и чувству долга, проявленным Вальдхаймом. Он не считал его военным преступником (что ему инкриминировалось). Вальдхайм побеседовал с Франклом, и последний публично продемонстрировал свою симпатию к Вальдхайму, приняв из его рук в сентябре 1988 г. «Большой серебряный знак почета со звездой». Этот акт, конечно же, стал благодаря СМИ достоянием общественности. Получилось, что Франкл косвенно поддержал Вальдхайма.

За два года до смерти Франкл еще раз оказался в центре внимания политической общественности Австрии. Шеф Партии свободы Йорг Хайдер все чаще ссылаясь в своих речах на Франкла и наконец назвал его своим другом. В одной телепередаче Хайдер, имевший репутацию человека, симпатизирующего нацистской идеологии, показал публике книгу с дружеским посвящением от Франкла. Франкл и в самом деле был ему обязан, ибо по его инициативе он получил звание почетного гражданина Вены. Во время церемонии вручения можно было видеть Франкла и Хайдера, дружески беседующими. Вскоре Франкл из-за серьезных проблем с сердцем был доставлен в реанимацию. Врачи запретили его посещать. Входить к нему в комнату имели право не многие. Хайдер был одним из них. В 1988—1990 гг. Франкл в беседе со мной пару раз положительно оценивал Хайдера, его смелость и политическое благоразумие, его прямолинейность и откровенные манеры. Франклу импонировало то, что Хайдер выступал против огульных суждений и говорил, например, что не все было плохо в эпоху нацизма и что даже в СС служили хорошие люди. Когда Хайдер начал извлекать политический капитал из своих отношений с Франклом, последний дистанцировался от Хайдера. Венская «Стандарт» начала свою статью с соответствующего резюме, «Ньюс» дословно пересказали большой отрывок из передачи с участием Франкла:

«Виктор Франкл, которого Йорг Хайдер называет личным другом, заявляет, что у него нет «ни малейшего оправдания» для выступления главы ПС перед группой Ваффен-СС в Крумпендорфе. Его не радует то обстоятельство, что его имя упоминается именно в этом контексте. Хайдер не раз подчеркивал, что ввиду своей дружбы с выжившим узником концлагеря Франклом он “никогда бы не осмелился оскорбить” его»³¹⁶.

³¹⁶ Стандарт. 1996. 13 янв. С. 4.

«Нас с д-ром Хайдером представили друг другу весной 1995 г. Летом, будучи на званом вечере, я перенес сосудистый криз и был доставлен в госпиталь. Д-р Хайдер, который тоже был на этом вечере, проявил тогда заботу обо мне в размере, далеко превосходящем необходимый. Я благодарен ему за это, и нужно понять, что я теперь не занимаюсь просто публичной педантичностью рассуждая, была ли это только отзывчивость знакомого или уже доказательство дружбы. Во всяком случае, меня не радует то, что мое имя упоминается в связи с крумпендорфским делом. У меня нет ни малейшего оправдания того, как выступил там доктор Хайдер»³¹⁷.

В 1996 г. первая леди США Хиллари Клинтон с дочерью посетила Австрию. Г-жа Клинтон выразила желание встретиться со всемирно знаменитым психиатром Виктором Франклом. Его пригласили на банкет. Это был последний политический акт, в котором принимал участие Франкл. В своей юмористической манере он поблагодарил ее за приглашение, заметив: «Вы являетесь свидетелем трогательной попытки этой дамы сделать меня моим же собственным пациентом с диагнозом “мания величия”»³¹⁸.

То обстоятельство, что порядочные люди остаются в политике в меньшинстве, и даже, может быть, «в вечном меньшинстве, в меньшинстве вечных неудачников», настраивало Франкла пессимистически³¹⁹. «Мы сделали пессимистами, ибо мы знаем, на что способен человек»³²⁰. «Мировая история может показаться иному одним-единственным большим прыжком к катастрофе — броском из одной катастрофы в другую, от последней из случившихся к следующей. И человек может представляться ему скорее существом падающим, нежели “павшим”. В организме человечества всегда есть гнойный нарыв, и если где-нибудь он прорвется и начнет заживать, в другом месте снова начинается нагноение»³²¹. Однако пессимизм Франкла — это целесообразный пессимизм, а вовсе не фатализм. Он должен воодушевлять. «Раньше активизм был соединен с оптимизмом — с верой в прогресс и блаженство от прогресса. Сегодня мы отрезвели, и активизм получает импульсы к движению именно от пессимизма»³²².

В заключение я хочу сказать пару слов об *отношении Франкла к психотерапевтическим союзам и организациям*. В послевоенные годы он был членом правления Международного общества врачебной

³¹⁷ Ньюс. 1996. № 3.

³¹⁸ Курьер 1997. 12 июня. С. 14.

³¹⁹ Frankl, 1991. С. 90.

³²⁰ Там же.

³²¹ Frankl, 1990. С. 312.

³²² Там же.

психотерапии и, как он говорил, «по приказу Кречмера и Петцля» учредил австрийскую секцию общества. Эту секцию он возглавлял в течение всего времени ее существования. В 1988 г. общество существовало только на бумаге, а Франкл 37 лет состоял его председателем. Я сам стал в то время членом этого общества, чтобы хотя бы таким образом поддержать его. Не знаю, было ли оно официально объявлено расформированным.

Франкл всегда с предубеждением относился к учреждению психотерапевтических обществ, особенно обществ логотерапии. В значительной степени это было вызвано воспоминаниями о расхождении с Альфредом Адлером. Самоуправство Адлера и ненаучный образ действий, повлекший за собой исключение Франкла из рядов индивидуальных психологов, на всю жизнь остались для Франкла примером того, как не должно происходить сотрудничество специалистов в психотерапии. По этой причине он никогда не основал ни одного логотерапевтического общества, не предпринимал также попыток преобразовать Австрийское общество врачебной психотерапии в логотерапевтическое. Франкл гордился своей недогматичной открытостью.

Правда, он состоял в учредительном комитете первого в мире Логотерапевтического общества, появившегося в 1954 г. в Буэнос-Айресе во время его визита. Но он, насколько я знаю, не принял на себя никакой должности, даже почетной, в этом обществе. Франкл вообще не был президентом или почетным председателем ни в одном логотерапевтическом обществе. Единственным исключением стало Общество логотерапии и экзистенциального анализа (GLE) в Вене. Он приветствовал его учреждение, чтобы и в Вене существовало такое общество, так как в начале 1980-х гг. во всем мире появлялось все больше объединений логотерапевтов. Пост почетного председателя венского GLE Франклу не был ни предложен, ни присужден. Он настоял на том, что он «с самого начала» занимал эту должность, сопряженную к тому же с известными полномочиями, чтобы не оказаться обязанным нарушить свой собственный принцип: не вступать ни в какие объединения. Он чувствовал себя особенно обязанным этому обществу вследствие сотрудничества со мной. Кроме того, его дочь была одним из учредителей общества и стала членом его первого правления.

Франкл не хотел таких Обществ, но все больше понимал их неизбежную необходимость. Он опасался, что их учреждение уподобится основанию церквей, как он испытал это у Адлера, из-за чего сразу же «возникает проблема правоверного исповедания». Ибо в качестве члена «союзной церкви» мы должны исповедовать определенное учение. Он же хотел видеть в логотерапии «открытую систему»³²³, в которой «ни-

³²³ Frankl, 1997. С. 271.

кто не должен подписываться под тем, что сказал или написал доктор Франкл». Он мечтал, чтобы в логотерапии работали независимые и изобретательные, инновативные и творческие умы. Даже в случае, если эти умы убеждены в истинности содержания логотерапии, они должны время от времени перечитывали его книги. Им следует вооружаться аргументами, делающими их собственные позиции неприступными для «атак пациентов»³²⁴. Он высказывал также сомнения, стоит ли подобным обществам проводить платные курсы переподготовки и выдавать сертификаты. Как он сказал мне в январе 1988 г., он видел в них «средства псевдоудовлетворения для людей, не являющихся ни врачами, ни психологами». В этой беседе Франкл высказал также мнение, что индустрия такого профессионального образования скоро потерпит крах, и люди снова будут читать только его книги.

³²⁴ Там же. С. 272.

III. ДЕЛО ЖИЗНИ

Что такое логотерапия и экзистенциальный анализ?

Вводный обзор

Виктор Франкл называет *логотерапией* основанную им психотерапию, центрированную на смысле. «Логос» здесь означает «смысл». Таким образом, логотерапия является формой терапии путем поиска смысла и работой с проблемами, связанными с его потерей.

Под *экзистенциальным анализом* Франкл понимает картину человека, антропологию, лежащую в основе логотерапии. Тем самым, экзистенциальный анализ — это теория логотерапии.

«Логотерапия и экзистенциальный анализ — это две стороны одной и той же теории. А именно, логотерапия — это метод психотерапевтической работы, в то время как экзистенциальный анализ представляет собой антропологическое направление исследования»¹.

¹ Frankl, 1959. С. 663. В более ранних работах Франкл описывал экзистенциальный анализ также как «анализ конкретного лица (Person)» (Frankl, 1997. С. 61), который приводит «больного к радикальному переживанию своей ответственности» (Frankl, 1982. С. 222). Однако от понимания, представляющего экзистенциальный анализ как психотерапию, Франкл в 1959 г. отказался и отныне называл его только антропологией и теорией логотерапии. Начиная с 1960-х гг., Франкл больше не использовал термин «экзистенциальный анализ», чтобы не дать повода к его смешению с «даэзин-анализом» (Frankl / Kreuzer, 1986. С. 19). С этого времени он говорил о «логотеории» (напр. 1974/1997. С. 30; 1979b. С. 199; 1994. С. 282; 1995. С. 54). В 1983 г. для курсов подготовки в Вене снова был использован термин «экзистенциальный анализ» (ср. Längle, 1996. С. 198). Впоследствии, после 1987 г., Франкл снова обратился к нему и ставил его рядом с предпочитаемым им самим понятием «логотерапия». Экзистенциальный анализ был встречен благоприятно, тогда как логотерапию нередко путают с «логопедией», методикой лечения речи. Логотерапию связывают также с понятием о «логике» и понимают ее как «терапию посредством логики». Сам Франкл уже в 1959 г. (663) указывал на возможность этого заблуждения.

В экзистенциальном анализе речь идет о выявлении (*Bewusstsein* — «анализе») свободы² и ответственности «как сущностной основы человеческой экзистенции»³. Ответственность по Франклу это ответственность перед смыслом⁴, благодаря чему устанавливается связь между экзистенциальным анализом и логотерапией. Ибо без смысла, без последнего смысла, не было бы и ответственности⁵. Это основная мысль экзистенциальной философии. Лично для Франкла этот последний смысл в боге. В экзистенциализме это например достоинство человека перед лицом абсурда⁶.

Франкл противопоставляет возникновение логотерапии психоанализу Зигмунда Фрейда. В то время как в психоанализе речь идет об осознании бессознательных влечений человеческой природы, в логотерапии и экзистенциальном анализе речь идет об осознании духовного⁷. Духовное в человеке проявляется в сознании собственной ответственности и в способности к нахождению смысла. Раскроем эти краткие тезисы подробнее.

По Франклу, человек в своей жизни ищет прежде всего одно: смысл. Проблемой смысл становится обычно тогда, когда его теряют, что может произойти вследствие телесных или психических болезней, потерь, разрывов, одиночества, притупления чувств в рутине повседневности и т. д. Тогда вопрос смысла, на который обычно не обращают никакого внимания, может стать мучительной проблемой и даже основным мотивом мыслей о самоубийстве.

Человек настолько сильно связан со стремлением к смыслу, что он не способен ни на какое действие, если он не видит в нем смысла. Или по-другому: за любым волевым актом стоит стремление к смыслу; любой волевой акт нацелен на смысл. Человек не может ничего хотеть делать, если не видит в этом смысла (даже если задним числом выяснится, что его взгляд был совершенно ошибочным и бессмысленным, тем не менее он оказал в тот момент решающее воздействие на его волю). Поэтому, перефразируя слова Ницше о «воле к власти», Франкл говорит о «воле к смыслу»⁸ и называет ее первичной мотивационной силой человека. Ибо, если человек не видит смысла, не чувствует его, потерял веру и надежду найти его, то он не может действо-

² Frankl, 1990. С. 271.

³ Frankl, 1982. С. 39.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 221.

⁶ Sartre, C. 1943.

⁷ Frankl, 1982. С. 39.

⁸ Напр. Frankl, 1982. С. 161 и далее; 1990; 1991.

вать, более того — не хочет жить, особенно, если необходимо выстоять в какой-нибудь тяжелой ситуации. «Ради чего», спрашиваем мы себя, когда не видим больше смысла. Без смысла жизнь становится бессодержательной и лишенной будущего. У нас нет больше ничего, что могло бы нас удерживать от самоубийства в моменты испытаний. Ибо выносить ощущение бессмысленности это величайшая мука. Греческий миф описывает бессмысленный труд, как величайшее наказание человека: Сизиф катит камень на вершину горы; как только он достигает ее, камень скатывается вниз. И так всю жизнь, вечно. Это прообраз бессмысленного и бесцельного действия. Франкл видит тему смысла настолько центральной для жизни, что стремление к удовольствию (Фрейд) или к власти (Адлер) рассматривает, как вторичные и подчиненные ей. Эти стремления человеческой природы Франкл рассматривает, как компенсацию чувства бессмысленности, как замещение, эрзац в состоянии более глубокого дефицита смысла. Только в этом случае они преобладают в человеке, овладевают им. Они могут приобрести характер мании (когда секс и эротика, деньги, престиж и власть становятся основными стремлениями). Такая мания — это величайшая опасность в духовном отчаянии в жизни, которая ощущается, как бессмысленная.

Тот факт, что человек в глубине своего существа ищет прежде всего и в первую очередь смысл, следует понимать как характерное выражение его существа. Ибо человек есть, по сути, такое существо, которое способно к решению, более того, он *призван к выбору*, активному формированию своей жизни и своего мира. Так характеризует экзистенциальная философия человека, его способ существования. Поставленный перед лицом выбора, он ощущает себя как такое существо, к которому жизнь постоянно обращается с вопросом. Каждая жизненная ситуация, каждый день, каждый час требует от него решения. Это постоянное «*быть спрашиваемым*» является по Франклу основным устройством конституции человека. По сути человек есть «спрашиваемый жизнью», «запрашиваемый ею», жизнь обращается к человеку с вопросом, ставит его перед вопросом. Очень часто самое важное состоит в том, чтобы услышать, понять вопрос ситуации, «вопрос жизни» и давать на него *ответ* — каждый день, каждый час. Самым важным для построения жизни, исполненной смысла является нахождение ответа, такого, который возможен для меня и кажется мне самым наилучшим именно в настоящий момент. Так, отвечая, человек ведет свою жизнь ответственно, пытаясь в поступке осуществить лучшее, насколько это возможно, в каждой конкретной ситуации. Я попытался эту динамическую взаимосвязь вопроса и ответа выразить в одном предложении и осветить в нем с экзистенциально-аналитической позиции оба вопроса: что значит с экзистенциальной точки зрения быть *человеком*? Что значит *жизнь* в экзистенциальном понимании?

Быть человеком значит ставить вопрос⁹, жизнь — это давать ответ¹⁰.

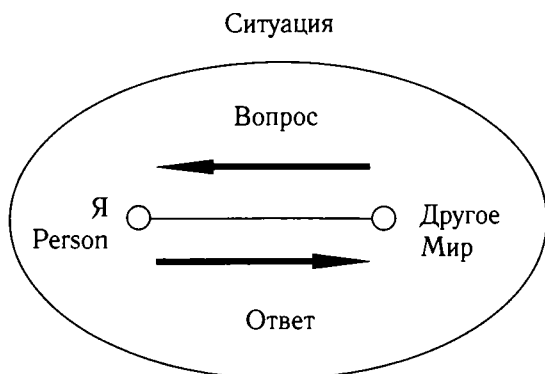

Рис. 1. Схема, передающая «экзистенциальную конституцию» человека. В любой ситуации что-то касается нас, что-то обращается к нам, задевает нас. Действие или поступок тогда имеет смысл, если он принимает это предложение ситуации, это обращение ситуации к нам и пытается сделать из нее лучшее. Из суммы таких отдельных ситуаций, исполненных смысла, возникает смысл жизни

Как духовное существо человек стремится автономно, самостоятельно и ответственно вести свою жизнь. Он не позволяет предписывать решения авторитетам, своим родителям, начальникам, учителям, церкви, институциям или традициям. Эта возрастающая тенденция к самоопределению и самостоятельности сохраняется с начала XX в. и подчеркивает зрелость человека как гражданина, верующего, пациента или частного лица. Она, эта тенденция, требует персональной ориентации. Кто или что говорит человеку, куда все идет или как он должен принимать решение? Эту ориентацию предлагает смысл.

Смысл — это самая лучшая возможность в каждой ситуации. Так определяется смысл в логотерапии. Как же его найти? Основная позиция открытости прежде всего к вопросам, которые ставит нам жизнь, претворяется в конкретный процесс. Этот процесс начинается с того, что в нас более или менее осознанно возникает чувство смысла, когда мы сталкиваемся с реальностью какой-либо конкретной ситуации. Чувство смысла может постепенно развивать-

⁹ In Frage stellen — ставить под вопрос, подвергать сомнению, сомневаться в чем-либо. — *Прим. науч. ред.*

¹⁰ Längle, 1988. С. 10.

ся как ландшафт, медленно выступающий в тумане, или явиться как молния, сразу — с ясностью и уверенностью. Во всяком случае, у человека есть тонкое чувство — с разной степенью ясности — для чего служит этот час, что является лучшим в данной ситуации, что нужно предпринять или, наоборот, не предпринимать. Эта интуитивная способность к нахождению смысла в каждой ситуации — врожденная способность человека к очевидности, к уверенности. Эта способность — *совесть*.

Логотерапия описывает *три «основных пути» к смыслу*. Они дают человеку возможность во всех жизненных ситуациях и при всех обстоятельствах уметь найти смысл. Всем подходам присуще одно общее — речь идет всегда о ценностях. Нахождение смысла происходит через осуществление ценностей:

1. *Творческие ценности*: на первое место Франкл ставит всегда нахождение смысла через осуществление действия (созидание) или создание произведения. Если человек переживает, что благодаря его работе, благодаря его мужественному выступлению за кого-то (осуществление действия, поступок) возникает нечто ценное, тогда он переживает смысл.
2. *Ценности переживания*: также и в переживании чего-то интересного, ценного, захватывающего, глубокого, воодушевляющего и т. д. человек может найти смысл. Это переживания природы, искусства и других людей и прежде всего любовь — вот то, что позволяет человеку найти смысл.
3. *Ценности позиции*: в случаях неизбежного страдания, тяжелой судьбы, при которых у человека связаны руки, так как ничего нельзя изменить (например неизлечимая болезнь, смерть близких, разрыв с партнером и т. д.) начинающее возникать чувство потери смысла можно преодолеть через привлечение позиции. Благодаря ей, несчастье должно быть смягчено, чтобы оно не принесло еще большего вреда. Не продуктивное созидание и не ценность переживания могут помочь в этом случае, а единственно и только *позиция* по отношению к жизни, которая проявляется в том, «как» мы обходимся со страданием и «для кого» мы можем сохранить последнее содержание.

Смысл, согласно логотерапии, не может быть произвольно создан или найден. Нахождение смысла предполагает процесс поиска. Смысл дан конкретному человеку в соответствии с этапом жизни и способностями. Смысл может пойти вразрез с намеченными планами и целями. Может случиться, что в данный момент самым важным оказывается то, чего мы не могли предвидеть заранее и к чему мы не были подготовлены. Бывает, что жизнь предъявляет нам требования, которые не были известны заранее. Вопрос о смысле остро встает именно тогда, когда от нас требуется

изменение ориентации в жизни и она требует от нас открытости тому, чего ожидает новая ситуация.

Вопрос о смысле приводит человека к вопросу о последнем смысле, о «смысле целого». Этот всеобъемлющий вопрос человек не может постигнуть только интеллектуальными силами. Это вопрос о «сверх-смысле». Он не может быть достигнут путем знания, но только путем веры.

Логотерапия только подводит человека к границе этой «бессознательной религиозности». Она пребывает «в покое имманентного», но не запирает дверь к трансцендентному¹¹.

Если смысла не находят или он постепенно теряется, возникает *экзистенциальный вакуум*. Франкл создал это понятие для обозначения устойчивого чувства бессмысленности, сопровождаемое потерей интереса и инициативы. Именно наше время особенно предрасположено к экзистенциальному вакууму, так как оно предлагает человеку множество возможностей и свобод. Жизнь больше не запрограммирована заранее, так как человек в наше время освобожден от борьбы за выживание. Молодые люди и безработные, которые безуспешно пытались найти творческий смысл в жизни, легко поддаются экзистенциальной фрустрации. Попытки возвращения к религиозным связям и традициям, родственным и семейным связям только обостряют ситуацию.

Тот факт, что человек приходит в трудную ситуацию поиска смысла, Франкл сжато обобщил в знаменитой цитате:

«В противоположность животному никакой инстинкт не говорит человеку, что он *должен* делать; в противоположность человеку прежних времен никакая традиция больше не говорит ему, в чем его *предназначение*, и вот кажется, что он уже больше не знает, чего он собственно *хочет*. Так получается, что он или хочет того, что делают другие — в этом случае мы имеем конформизм, — или он делает то, чего хотят *от него* другие — и тогда мы имеем тоталитаризм»¹².

Франкл неоднократно подчеркивал, что поиск смысла как таковой не представляет собой болезни, но является выражением зрелости и духовности человека. Так и экзистенциальный вакуум не есть болезнь. Но если это чувство становится устойчивым и человек на протяжении длительного времени не может найти смысл, тогда экзистенциальная фрустрация может вызвать болезнь. Человек не в состоянии выдержать чувство бессмысленности на протяжении длительного времени, не прибегая к защитным реакциям (прежде всего, это стремление к удоволь-

¹¹ Frankl, 1991. С. 105. Формулировка, возможно, взята у Й. Гольдбруннера, который еще в 1949 г. писал в своей книге «Индивидуация (Individuation)» (С. 105): «Юнг учит обживаться в доме души, но он запирает вас в нем; дверь к трансценденции завалена вещами» (цит. по: Lersch, 1966. С. 636 и далее).

¹² Frankl, 1981. С. 24.

ствиям и власти) или не становясь в конце концов действительно больным. Следствием экзистенциального вакуума Франк называет *агрессию*, *депрессию* и *зависимость*. При агрессии человек создает себе напряжение или снимает с себя чрезмерное напряжение. В депрессии он сдается перед бессмысленностью. А в зависимости — в пристрастии к алкоголю или наркотикам — он пытается смягчить или приглушает чувство бессмысленности.

Наряду с этими формами возникновения душевных болезней, которые непосредственно вытекают из фрустрации смысла, Франкл описал также специфические условия возникновения *других психических нарушений*. В них он видит в качестве общего знаменателя духовную позицию или установку, которые проходят мимо существа человека, или экзистенции, и воздействуют патогенно, то есть вызывая болезнь. Например, *страх* во многих случаях вызывается через обратную связь с установкой защиты по отношению к страху. Установка, направленная на то, чтобы во что бы то ни стало избежать страха, порождает спираль его ожидания. Благодаря стремлению избавиться от страха, он только усиливается. Как специфическую терапию подобных случаев Франкл разработал *парадоксальную интенцию*. Этот метод, широко признан в настоящее время во всем мире для работы со страхами ожидания (не путать с «парадоксальной интервенцией» в поведенческой и системной терапии, которая применяет «интервенцию» терапевта). Парадоксальная интенция ведет к мобилизации «силы упрямства духа», духовной способности человека к сопротивлению. Человек, охваченный страхом, побуждается к тому, чтобы парадоксальным образом самому вызывать в себе то или желать того, перед чем он испытывает страх (собственная «интенция»). Например, человек, страдающий фобией, что у него произойдет сердечный приступ и он потеряет сознание, должен пожелать тут же, на этом самом месте потерять сознание от сердечного приступа, он должен приказать себе это и затем пожелать проделать то же на улице. Каждые сто метров он должен по собственному приказу терять сознание и видеть, как отовсюду стекаются люди и смотрят, как он встает и говорит: «я всегда так делаю, не беспокойтесь...» Применяя парадоксальную интенцию, Франкл одним из первых сделал юмор плодотворным для психотерапии¹³.

Причины возникновения *навязчивости* Франкл видел в форсированных атаках на содержание, вызывающее страх. Также и в этом случае «парадоксальная интенция» может оказать помощь.

Депрессии возникают вследствие слишком большого напряжения между бытием и долженствованием; это значит — между тем, что есть

¹³ См. также: Titze / Eschenröder, 1998. С. 76–79.

и тем, что должно быть (осуществлено). Можно сказать, между тем, что кто-то делает — с одной стороны, и тем, что должно делать — с другой. Перед этим экзистенциальным вызовом, с которым пациент не имеет сил справиться, он начинает чувствовать себя неудачником и сдается. Логотерапия занималась в особенности психотерапевтической помощью при эндогенных (тяжелых) депрессиях. И в этом случае она начинает с отношения человека к депрессии, чтобы вывести пациента из порочного круга «депрессии по поводу депрессии». При депрессии речь не идет о том, чтобы следовать за смыслом, который ждет человека в мире. Страдающий депрессией не может этого. Речь идет о том, чтобы сохранить себя для смысла, который заложен в переживании и творчестве. Задача состоит в том, чтобы ждать подходящего для этого времени и следовать «заповеди момента»: подчиниться тому, чего хочет депрессия, а именно не выдвигать пока перед собой никаких требований.

При *нарушениях в сексуальной сфере* Франкл в большинстве случаев видит главный фактор нарушений стремление к наслаждению. Для исправления этой односторонности, которая не принимает во внимание личной, персональной встречи и приводит к болезни, Франкл применял *дерекфлексию*. Это еще один метод, который он разработал. Способ состоит в том, что пациент концентрируется на содержании и ценности в мире и учится отвлекаться от постоянной рефлексии на успехе (или на удовольствии).

Задача названных примеров психических нарушений и терапевтической работы с ними при помощи логотерапии — дать читателю лишь общее представление о подходах логотерапии в рамках психотерапевтической работы. Франкл подробно обсуждает эти темы во многих своих книгах. Мы отсылаем читателя к ним¹⁴.

Я рекомендую в качестве введения в проблематику смысла книгу Франкла *«Вопрос о смысле в психотерапии»*. Более раннее введение в логотерапию Франкл дал в своей работе *«Страдание от бессмысленной жизни»*. Другая книга *«Человек в поисках смысла»* дает обзор различных областей логотерапии. В ней речь идет не о взаимосвязанном, целостном изложении, но об обзоре отдельных импульсов и направлений работы.

Самое лучшее и систематичное обобщение логотерапии и экзистенциального анализа, их методов и клинического понимания мы имеем в разделе, написанном Франклом в 1959 г. для *Руководства по теории и психотерапии неврозов*. Эта статья перепечатана в книге *«Логотерапия и экзистенциализм. Тексты шести десятилетий»* под заголовком «Очерк экзистенциального анализа и логотерапии». Упомянем

¹⁴ Frankl, 1956; 1959; 1982; 1997.

только, что эта статья написана в научном стиле и поэтому предполагает знания в области философии, психологии и медицины. Упомянем также и классические произведения Франкла, а именно «*Врачебное душепопечение*» (на русском языке вышла под названием «Врач и душа») и «*Страдающий человек*». Обе эти книги также написаны на профессиональном языке. Для клиники лучшей книгой по логотерапии я считаю «*Психотерапию на практике*». Известность получила также работа Франкла «*Теория и терапия неврозов*».

Картина человека

Картина человека имеет в логотерапии и экзистенциальном анализе настолько центральное значение, что ей необходимо посвятить отдельный раздел. Франкл в ранний и средний период своей деятельности (то есть перед войной, а затем после войны до конца 1950-х гг.) тратил много энергии на его разработку. В поздний период он занимался практически только темой смысла и логотерапией.

Логотерапия и экзистенциальный анализ занимает место между психотерапией и философией¹⁵. ни разрабатывались по преимуществу на основе философии и философской антропологии. Большая часть экзистенциально-аналитической антропологии восходит к *Максу Шелеру* (1874–1928) — немецкому философу и феноменологу. Его небольшое произведение «Положение человека в космосе» освещает значение духовного измерения в человеке, которое играет в логотерапии Франкла центральную роль. Кто хочет более подробно познакомиться с влиянием шелеровской антропологии на экзистенциально-аналитическую логотерапевтическую антропологию Франкла, может обратиться к книге Беба Вики¹⁶. Для Франкла особое значение имела работа Шелера «*Формализм в этике и материальная этика ценностей*». Некоторое время он постоянно носил ее с собой «подобно Библии». Некоторые заимствования Франкл делал из «*Феноменологической антропологии*» Эрвина Штрауса (1930, 1936) и в своей «*Теории воли*» у Вильгельма Келлера (1954).

Следуя классической антропологии со времени Аристотеля, Франкл описывает в человеке три различных аспекта («способа бытия»): тело (сома), чувства и влечения (псوخе) и дух (ноус). Человек есть единство

¹⁵ 39.

¹⁶ Wicki B. Die Existenzanalyse von Viktor E. Frankl als Beitrag zu einer anthropologisch fundierten Pädagogik. В первой и второй частях работы он выявляет значительное влияние антропологии Шелера на экзистенциальный анализ.

этих трех аспектов человеческого бытия (хотелось бы сказать «компонентов», но «компоненты» это слишком обособленная составная часть чего-то). Сведение этих трех сил воедино, расходящихся в противоположных направлениях, можно лучше всего представить в виде оси трех координат, как это сделал сам Франкл:

Рис. 2. В человеке можно выделить три различные формы бытия, которые образуют в нем неразрывное единство

Человек телесен, душевен и духовен одновременно. Это составляет его единство. Эти три измерения человека находятся в особых отношениях друг к другу. Во-первых, человек не «состоит» из этих трех измерений. Единство человека возникает скорее благодаря тому, что духовное в нем сталкивается, вступает во взаимодействие с психо-физическим¹⁷. Во-вторых, эти три измерения развивают свою собственную динамику, которые проявляются как мотивационные силы:

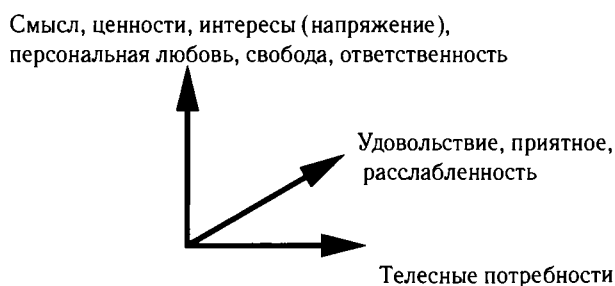

Рис. 3. Динамические силы человека на различных антропологических уровнях — модель, которая наглядно показывает возможное стремление мотиваций в разные стороны, что может привести к напряжениям и конфликтам мотиваций

¹⁷ Frankl, 1990. С. 176.

Как *телесному* существу человеку важно сохранение и здоровье тела, что регулируется потребностями (например, спать, есть, пить, заниматься сексом, двигаться).

Как *психическому* существу человеку важны жизнь его витальных сил и ощущение благополучия в своем теле. Человек стремится к приятным ощущениям и освобождению от напряжения в соответствии со свойствами своего характера. Если ему это удастся, то это ощущается, как удовольствие, если нет — как неудовольствие, напряжение, фрустрация.

Как *духовному* существу (Person) человеку важны смысл и ценность в жизни, такие темы, как вера, персональная любовь, ценности, справедливость, свобода, ответственность и т. д.

Значимой в этой антропологии является то, что человек понимает себя, как «штурман на судне психо-физического». Иными словами: персонально-экзистенциальное измерение человека (его внутреннее «я») имеет задачу использовать телесно-душевное, сталкиваться и взаимодействовать с ним. Это означает, что человек может установить дистанцию по отношению к себе самому (само-дистанцирование)¹⁸. Это дает возможность человеку относиться к себе самому, работать над собой. Франкл¹⁹ выразил такую способность в уже цитированном емком и метком предложении: «я не должен терпеть и сносить все — также и со своей стороны». Тем, что человек может занять позицию по отношению к себе самому, размышлять о себе, занять известную дистанцию по отношению к себе, своим чувствам, например, страхам, депрессии — дух освобождается от детерминирующей зависимости от психического и физического²⁰. Благодаря само-дистанцированию («сила упрямства духа») персональность человека достигает свободы. Оно делает возможным человеку действительно следовать своей совести.

Эта «внутренняя оппозиция» человека себе самому есть одна сторона этого специфически человеческого измерения. Другая сторона — это ее «открытость миру» (Шелер). Человек узнает, чувствует ценности в мире, смысл ситуации, которому он может в конце концов посвятить себя. Тем самым он делает шаг за пределы самого себя, это значит за пределы замкнутости во внутреннем мире своих потребностей, влечений и напряжений. Франкл²¹ говорит поэтому о самотрансценденции. Человек становится открытым к диалогическому взаимодействию с миром²².

¹⁸ Там же. С. 234 и далее.

¹⁹ Ср. Frankl, 1959. С. 685.

²⁰ Ср. Frankl, 1967. С. 3.

²¹ Frankl, 1982. С. 160 и далее.

²² Längle, 1988. С. 10 и далее.

«Самотрансценденция является знаком фундаментального антропологического факта, что человеческое бытие всегда указывает на нечто, что не есть оно само — на нечто или кого-то, а именно на некий смысл, которые необходимо исполнить, или на со-человеческое бытие, которое он встречает. Человек становится по настоящему человеком лишь тогда и только там он является всецело самим собой, где он отдается и теряет себя в какой-либо задаче, служение какому-либо делу или теряет себя из вида и забывает о себе в любви к другому. Это как с глазом, который может следовать своей миссии видеть мир лишь в той мере, в которой он не видит себя самого. Когда глаз видит нечто от самого себя? Только тогда, когда он болен: если я страдаю от серой катаракты и вижу облако или от зеленой катаракты и вижу вокруг источника света радужный ореол, тогда мой глаз видит нечто от себя самого, тогда он воспринимает свою собственную болезнь. Но в той же мере повреждена и моя способность видеть»²³.

Геометрический способ представления картины человека при помощи осей подходит также и для того, чтобы наглядно представить принципиальную ошибку психологизма. Она состоит том, что одна ось совмещается с другой. Феномены многозначности и кажущейся противоречивости человеческих проявлений можно сделать понятными при помощи такой онтологической модели осей²⁴. Из отношений антропологических осей друг к другу можно сделать практические выводы. Так как эти оси не совпадают друг с другом, то невозможно из одной вывести другую. Они раскрывают свою силу независимо друг от друга. Нечто, что на психическом плане может быть приятным и приносить удовольствие, не является автоматически на духовном уровне «имеющим смысл, правильным, хорошим»:

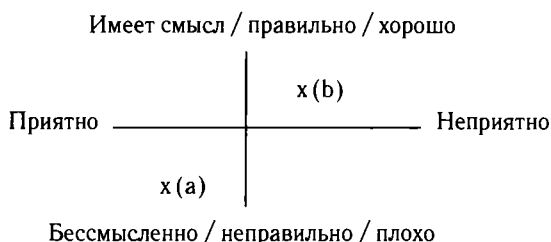

Рис. 4. Психическая и персональная (духовная) плоскости находятся на разных осях и существуют во многом независимо друг от друга — то, что приятно, не всегда должно быть правильно (а), то, что ценно, не всегда должно быть приятно (б)

²³ Frankl, 1997. С. 20.

²⁴ См.: Frankl, 1990. С. 198—202.

Психически больной ориентируется в своем поведении больше на приятное, имеет это смысл или нет. Психически здоровый человек акцентирует то, что имеет смысл. Поэтому он имеет силу и настолько свободен, что делает нечто, имеющее смысл даже в тех случаях, когда это неприятно (например, не отказывается от неприятного разговора). Можно эту схему назвать «экзистенциально-аналитической схемой принципа удовольствия и реальности».

Задача логотерапии Франкла

Еще будучи студентом-медиком и работая под руководством Альфреда Адлера, Франкл был проникнут идеей выступить *против редуционизма* в психотерапии²⁵. В этой формуле можно обобщить лейтмотив работы Франкла и даже всей его жизни.

Выступая против редуционизма, он чувствовал и видел нечто весьма важное. Хотя редуционизм и имеет значение для исследования и работы с отдельными темами, тем не менее в нем скрывается опасность искажения, как в отношении своей односторонности, так и в смысле генерализации. Слишком легко забывают, что вычленили лишь один аспект человека и начинают выдавать этот аспект за целое. Например, психическую силу сексуальных влечений Фрейд поднял до статуса центрального человеческого мотива, который стоит за всеми осознаваемыми и бессознательными мотивами. У Адлера это было стремление преодолеть чувство неполноценности, для чего необходима власть. Естественно, эти силы существуют в человеке в качестве мотивов и могут даже всецело доминировать в мотивации в отдельном случае или в какой-то отрезок времени. Но выставлять их как центральную движущую силу человеческой жизни и поступков, как ее динамическую характеристику, более того, как смысл жизни человека — это значит пройти мимо существа человека. Понимание человека как существа, стремящегося исключительно к удовольствию или к власти, не соответствует его персональности (духовности). Например, в действительной любви речь идет о большем, чем удовлетворение стремления к удовольствию или к власти. Речь идет в первую очередь о другом: каков он, как смеется, как могут оба ладить друг с другом. Речь идет о душевном родстве, общности, обретении дома, счастье, которое существует до и над всеми потребностями и которое невозможно свести к ним. Если любовь есть «не что иное, как» (слово-признак редуционизма, как говорил Франкл) сексуальное удовольствие или объединение в обоюдном

²⁵ 40.

стремлении к власти, тогда человек потерял бы свое достоинство, единичность и неповторимость, индивидуальное и незаменимое существо. Любовь ведь и состоит в том, что ее невозможно перенести на другой «объект», но она всегда возникает заново.

Задача, которую ставил перед собой Франкл — это борьба с редуccionизмом в психотерапии и психологии, где тот выступает в форме психологизма. Ошибка психологизма состоит в том, что он односторонне любое переживание, поведение, мышление человека объясняет психологически. Влечения и инстинкты определяют, согласно психологизму, мышление и поступки, решения и ответственность, все, что человек чувствует как правильное и неправильное. Психическое не есть просто действующая сила, которая, как таковая, участвует и может влиять на принятие решений, но рассматривается как определяющая, решающая, детерминирующая сила.

Естественно, что психические условия содержатся в духовных актах как компонент. Это условие, без которого человеческая жизнь не может существовать. Но они не являются ее единственной причиной. Мое решение следовать или не следовать импульсу голода принимается с другого уровня, чем сам инстинкт голода. «Я» больше, чем влечение или страх. Это сведение духовного (решение, ответственность, совесть, смысл) к психическим механизмам и силам, которые целиком и полностью его детерминируют, или выведение духовного из этих сил и механизмов, называется редуccionизмом, так как духовное сводится, «редуцируется» до психического. Такую форму редуccionизма называют «психологизмом». В его основе лежит «категориальное замещение»^{26, 27}. Вследствие этого замещения значение, правильность, смысл или этика какого-либо решения выводятся исключительно из психического — из способа и условий возникновения решения, потребностей и проблем, которые доминируют в этот момент в человеке²⁸. В этом случае человек был бы ничем иным, как игрушкой своих потребностей, страхов, влечений или сил, направленных против его страхов, влечений и потребностей; его «свободная воля» была бы ничем иным, как математическим результатом этой игры сил — то есть именно не «свободной», но (бессознательно) фиксированной, детерминированной. Существовали бы еще в этом случае ответственность, вина, совесть, аутентичность, смысл?

Франкл выступил против этого детерминизма. Ради точности мышления он в своих лекциях²⁹ не устал напоминать о старом различении

²⁶ Verwechslung (от verwechseln — нем.) — перепутать, принять одно за другое. — *Прим. науч. ред.*

²⁷ Frankl, 1990. С. 263.

²⁸ Ср. Frankl, 1983. С. 100 и далее.

²⁹ Напр., Frankl, 1981. С. 46.

понятий «причина и действие» (Ursache und Wirkung), с одной стороны, и «основание и следствие» (Grund und Folge) — с другой³⁰. Причины детерминичны, то есть их действие заранее полностью предопределено. Основания недетерминичны. Они дают возможность некоторого разнообразия следствий, для наступления которых необходимо решение. Излюбленный пример Франкла — слезы на глазах человека. Причиной слез может быть лук, который человек режет. Тогда человек плачет, но оснований для этого у него нет. По-другому обстоит дело, если человек потерял любимого человека. Потеря вызывает слезы не «автоматически», не рефлекторно, как резка лука. Человек чувствует боль, так как потерял нечто ценное, настолько ценное, что он уделяет этому время. Как выражение того, что он внутренне занят этим, он *позволяет* слезам, которые подступают, течь³¹. Слезы подступают, потому что относятся к чему-то ценному, и человек плачет. Он плачет *о* потере, а не *вследствие* потери.

Редукционизм не соответствует всей полноте сущности и назначению человека. Он делает из человека меньшее, чем тот есть. Франкл говорит о «субгуманизме»³². Это отнимает у человека его достоинство. Теряется своеобразие, незаместимость, несравнимость персональности человека. Человек становится «объектом», управляемым «механизмами», которому важно только выживание, адаптация к среде.

Редукционизм исключает специфически человеческую силу, которая с большой пользой может применяться также и в психотерапии, — силу упрямства духа. Это способность встать в оппозицию к внутренним и внешним противникам благодаря своей воле, оказать сопротивление, проявить упрямство.

Самый важный аргумент Франкла против редукционизма (который и по времени был самым первым) — это аргумент, что следствием редукционизма является потеря смысла и ценности. Смысл это нечто, что по отношению к определенной ситуации представляет собой более высокое

³⁰ В русском языке такое различие провести труднее, так как Grund (нем.) передается по-русски как «причина». «Причина (Grund), почему он поступил так, а не иначе». — *Прим. науч. ред.*

³¹ То, что это — нечто большее, чем механический рефлекс, ясно из того, что кто-то при известных обстоятельствах (например, в присутствии других людей) не плачет, но сдерживает слезы, что, однако, никак невозможно, когда человек режет лук. То, что обуславливает потерю, это душевная боль, но отношение к ней и совладание с нею — это персональные процессы, которые принадлежат к области свободы: Боль «обуславливает» слезы, но не задает их с неизбежностью, именно — не «определяет». Если бы она определяла их, у них не было бы выразительного характера, они бы ничего не «означали», были бы только физиологическим или психическим рефлексом.

³² 40.

целое, взаимосвязь, которая легко теряется из вида, когда мы смотрим на отдельные шестерни и пружинки часов, не обращая внимания на циферблат. «Какой в жизни смысл, если жизнь есть не что иное, как процесс сгорания», вскричал гимназист Франкл в возмущении. Потеря смысла ведет к нигилизму.

«Я прошел через школу психологизма и через ад нигилизма»³³, — признается Франкл. Таким образом, логотерапия описывает его собственную болезнь, «его невроз», — отчаяние от переживания бессмысленности жизни и его собственную борьбу против тотального нигилизма. По его словам, он боролся с нигилизмом, как Яков с ангелом, пока, наконец, смог «сказать жизни “да”, несмотря ни на что» и выработал в себе иммунитет против нигилизма³⁴. В этом месте Франкл высказывает сожаление, что другие авторы вместо того, чтобы сделать своих читателей неуязвимыми против нигилизма, заражают их своим цинизмом.

В *цинизме* Франкл видит «защитный механизм против нигилизма». Франкл считает, что цинизм — это субъективная позиция защиты против тенденций обесценивания жизни нигилизмом. Но в цинизме нигилизм не преодолевается, а лишь приперается к стенке. Он остается и в дальнейшем «опасным»³⁵. Чтобы разорвать этот порочный круг между цинизмом и нигилизмом, нужно «разоблачить разоблачителя»³⁶. «Разоблачение односторонней глубинной психологии, которая понимает и называет себя разоблачающей психологией». Ибо она должна остановиться перед тем, что невозможно дальше разоблачить, «по простой причине, что это является подлинным. Но психолог, который не может остановиться и в этом месте, не может перестать разоблачать, разоблачает только бессознательно находящуюся в нем самой тенденцию обесценивать подлинное в человеке, человеческое в человеке»³⁷.

В качестве глубиннейшей мотивации создания логотерапии Франкл называет «сочувствие к жертвам цинизма нашего времени»³⁸. В этом месте он подчеркнуто заостряет свою позицию против психотерапии, которую он называет «дурной отраслью», «дурной» — из-за научной нечистоплотности (прежде всего психологизма), «отраслью» — из-за ее коммерциализации. Он утверждает, что страдает, когда видит, как перед ним сидят люди, «которые не только психически страдают, но им был нанесен вред психотерапией»³⁹.

³³ 104.

³⁴ Frankl, 1997. С. 278.

³⁵ Ср. с. 104.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ 46.

³⁹ Frankl, 1975. С. 104 и далее.

Дадим в заключении еще раз слово самому Франклу: «Лейтмотив, который стоит за всей моей работой»⁴⁰, «это пограничная область между психотерапией и философией, в особенности проблематикой смысла и ценностей психотерапии»⁴¹. Никто в истории психотерапии не занимался проблемой смысла на протяжении всей жизни, как Франкл. Об этом говорит не только он сам⁴². Ирвин Ялом из Стэнфордского университета (Калифорния), подтверждает это в своей фундаментальной книге об экзистенциальной психотерапии⁴³.

Влияние структуры личности и биографии Франкла на логотерапию

В этой главе я хочу представить некоторые аспекты логотерапии, на которые оказали влияние структура личности и биография Франкла. При этом мы ограничимся самыми явными взаимосвязями, которые отчасти мы уже обсуждали. Это первая попытка подобного рода, требующая известного мужества, так как выявление таких связей — комплексная проблема, содержащая в себе множество моментов, в которых не может быть абсолютной уверенности. Систематический анализ без сомнения помог бы в этом и выявил бы еще ряд дополнительных связей, скорректировал, расширил или дополнил то, о чем мы сажем в этом разделе. Для портрета человека, жизнь которого целиком была посвящена служению логотерапии, который оставил после себя такое значительное и влиятельное наследие, особый интерес, как мне кажется, представляет то, как его жизнь и его личность отразились в его научном творении. То, что такие «ненаучные» влияния на науку имеют место, установлено несколько десятилетий назад теорией науки⁴⁴. На мой взгляд, составной частью научного процесса должно являться то, что мы распознаем индивидуальные влияния, которые имеют место в научном исследовании. Вопрос не в том, являются такие влияния легитимными или нет. Ни в коем случае нельзя их избегать. Гораздо важнее видеть связанные с ними сильные и слабые стороны научного труда. Это создает основы для дальнейшего развития, которое жизненно необходимо и требуется для любой науки. Если оно начнется в этом пункте и будет пытаться уравновесить и скорректировать то, что в силу личностных свойств и особенностей уче-

⁴⁰ 40.

⁴¹ 39.

⁴² 40.

⁴³ Frankl, 1980. С. 441 и далее.

⁴⁴ См.: Карнап, Фейерабенд и др.

ного осталось без должного внимания или, наоборот, чему было уделено излишнее внимание, тогда это развитие будет работать над основным фундаментом и заниматься подлинным продолжением труда ученого.

По отношению к подобной попытке может быть высказан упрек в психологизме, то есть в том, против чего Франкл боролся на протяжении всей жизни. Ибо то, что мы здесь делаем, действительно представляет собой мост между научной, теоретической плоскостью, с одной стороны, и психологической плоскостью личности и ее биографического переживания, с другой. Нельзя просто отрицать, что такая взаимосвязь между теорией и биографией существует. Франкл в своей антропологии считает подобную взаимосвязь принципиальной данностью. Он пишет: «нет никакой свободы без влечений» (как и наоборот, нет влечений без свободы). «Влечения и свобода находятся друг к другу в коррелятивном отношении»⁴⁵.

И таким образом не существует научного труда, который не испытал бы влияния телесных, психических и биографических факторов. Однако констатируя это, мы не должны забывать, что подобные влияния представляют собой лишь условия, оказывают известное воздействие, но не определяют целого и не дают никакой информации о правильности или неправильности высказываний. («Дважды два — четыре. Это правильно даже тогда, когда это говорит шизофреник» — любил говорить Франкл⁴⁶.)

Франкл осознавал, что создавая логотерапию, он «в конечном счете» писал историю своей собственной болезни. Основание логотерапии было связано с преодолением его собственных проблем, что было необходимой предпосылкой появления такого творения. Собственный жизненный опыт — это легитимный и аутентичный фон, исходя из которого мы можем не только говорить о жизни, но из жизни и для жизни.

«Франкл: я полагаю, можно сказать, что свое учение я сначала открыл для самого себя. Обычно говорят, что каждый, кто основал какую-либо

⁴⁵ Frankl, 1959. С. 682.

⁴⁶ Однако если бы мы утверждали, что логотерапия есть «не более», чем реактивное снятие напряжений в структуре личности или биографии Франкла, — это утверждение означало бы психологизм. В таком случае логотерапия должна была достичь сугубо субъективной цели для психогигиены Франкла, и другие люди лишь случайно смогли бы найти в ней что-либо ценное. Тем самым труды Франкла получили бы полезную ценность, но утратили бы самоценность. Творчество Франкла тогда служило бы некоторой финалистической цели, не имеющей никакого интенционального, самотрансцендентного, выходящего за рамки субъекта смысла. То, что его работа служила также целям его собственной психогигиены, признавал и сам Франкл. Поэтому выдавать логотерапию только за «психогигиену Франкла» — ошибка. Ибо логотерапия — это дело, имеющее ценность и значение и полезное для других людей независимо от своего автора.

систему психотерапии, написал в конечном счете историю своей болезни и изложил ее в своем учении. Известно, что Зигмунд Фрейд страдал незначительными фобиями, а Альфред Адлер мучился от того, что, будучи ребенком, был не особенно сильным и здоровым. Так Фрейд пришел к своему учению об эдиповом комплексе, а Адлер — к учению о комплексе неполноценности. Я должен сказать, что и я не являюсь исключением. Я сознаю, что будучи молодым человеком, в период взросления я вынужден был интенсивно бороться с чувством, что в конечном счете все совершенно бессмысленно. И эта борьба привела в конце концов к прорыву, я разработал прием против нигилизма.

Кройцер: когда это происходило?

Франкл: в пубертатный период.

Кройцер: это значит, что вы латентно уже имели это учение с тех пор?

Франкл: я бы сказал, оно было заложено во мне. Оно только все более отчетливо понятийно выкристаллизовывалось. Со временем, в течение десятилетий, оно должно было приобрести форму системы, чтобы стать формой работы с пациентами, которой можно было учить и которой можно было учиться. Но внутренне я должен был сначала преодолеть свой собственный нигилизм. И это так у всякого, кто страдает от чего бы то ни было. Это не обязательно болезнь. Нигилизм, чувство бессмысленности — это, в сущности, человеческий продукт и не является болезнью. Это не невроз, но все-таки то, с чем нужно как-то справиться. И каждый ход мыслей, благодаря которому я мог это делать, я не хотел держать в себе. Само собой разумеется, что мы чувствуем импульс поделиться с другими, помочь им. И таким образом эта система разрабатывалась постепенно, медленно, в течение десятилетий. Нужно спросить себя, от чего страдает человечество, от чего страдает обычный, средний человек в повседневной жизни больше всего? Страдает ли он сегодня от последствий чувства неполноценности? И тогда мы придем к тому, что скажем: нет — сегодня и все больше и больше обычным человеком овладевает чувство бессмысленности. И возникает вопрос: “Кто может помочь в этом случае?” И здесь может помочь психотерапия, ориентированная на смысл, центрированная на смысле, каковой является логотерапия — логос ведь в этой связи означает смысл. Как говорят американцы: логотерапия обращается к нуждам времени»⁴⁷.

Франкл говорит о биографическом влиянии на свое творение, но не о влиянии его личностных особенностей. Можно точно сказать: большая чувствительность Франкла по отношению к психологизму происходит из личного страдания. Благодаря этому становится понятной его неустанная

⁴⁷ Frankl / Kreuzer, 1986. С. 7 и далее.

борьба с психологизмом, которую он вел на протяжении всей жизни. Он не стремился основать собственную школу или разработать самостоятельное направление в психотерапии. Напротив, Франкл хотел внести наработанные им идеи в существующие направления психотерапии! Он желал индивидуальную психологию освободить от психологизма⁴⁸ (но Адлер не позволил ему этого сделать). Этой основной идеи Франкл придерживался в течение всей жизни. Поэтому он понимал логотерапию как дополнение психотерапии, и именно для всех направлений. Логотерапия должна была стать своего рода духовной надстройкой, крышей, которую можно возвести над любой формой психотерапии. Она должна была стать «врачебным душепопечением», которое принимает человека в его духовной нужде. Также и в медицине он выступал против психологизации, поскольку ему была важна «гуманизация медицины»⁴⁹. Мне кажется это важным, так как демонстрирует личное стремление Франкла. «Я всегда представлял логотерапию как дополнение, но не как замену психотерапии»⁵⁰. «Невозможно заменить психотерапию логотерапией. Но необходимо дополнить ее логотерапией»⁵¹. «Так же, как в истории философии психологизм был преодолен, и в психотерапии он должен быть преодолен тем, что мы хотим назвать логотерапией»⁵². Поэтому логотерапия — это не психотерапия, исходящая из психического. Она своего рода психотерапия из духовного⁵³ и должна заполнить тот пробел, который психологические психотерапии не смогли покрыть, а именно привнести духовное в работу с душевными болезнями⁵⁴. Благодаря этому «врачебное душепопечение становится необходимым лишь там, где психотерапия в узком смысле стала невозможна»⁵⁵. Ибо «только в тех случаях, в которых, выходя за пределы психического, речь идет о ноэтическом или, скажем, о специфически человеческом, в котором человек испытал фрустрацию как ищущий смысла в жизни, — там место логотерапии. Но это ведь, собственно, давно уже не имеет никакого отношения к болезни... на самом деле это вовсе никакая не терапия, ибо состояние, в котором мы должны ухаживать за так называемым больным, вовсе не является болезнью. Это ведь никакая не болезнь, когда молодой человек пытается найти смысл своей жизни»⁵⁶.

⁴⁸ 42 и далее; Frankl, 1984. С. 284 и далее.

⁴⁹ Frankl, 1981. С. 50.

⁵⁰ Frankl, 1984. С. 249.

⁵¹ Frankl, 1990. С. 272.

⁵² Frankl, 1982. С. 25.

⁵³ Frankl, 1990. С. 271.

⁵⁴ Frankl, 1982. С. 18.

⁵⁵ Frankl, 1959. С. 704.

⁵⁶ Frankl / Kreuzer, 1986. С. 19.

Собственный жизненный опыт нигилизма и переживание бессмысленности вместе с другими причинами позволил Франклу стать «адвокатом духовного» в психотерапии. Поэтому он попытался поместить логотерапию исключительно в духовную сферу и не интегрировать ее в сферу психотерапии как таковой. Что касается его личного стремления, то я вижу в нем больше душепопечителя⁵⁷ и лишь во вторую очередь психотерапевта. Логотерапия, как дополнение психотерапии, должна быть «скрытым советом»^{58, 59} внутри психотерапии, о котором все говорят, но который не причисляется официально к другим психотерапевтическим школам. Он видел логотерапию занимающей противоположную позицию по отношению к психотерапии как в эвристическом, так и в дидактическом смысле⁶⁰.

Когда Франкла исключили из Союза индивидуальной психологии, он испытал, как мы помним, один из самых тяжелых кризисов в своей жизни. Это становится понятным, если принять во внимание, насколько Франкл был воодушевлен, одержим идеей практически работать в области врачебного «душепопечения» в качестве адвоката духовного. Где теперь он мог представлять свои убеждения? Пришлось основать логотерапию, в противном случае он должен был бы снова присоединяться к какому-либо объединению. Но в довоенной Вене такового не было (за исключением контролируемого нацистами Немецкого психотерапевтического союза, на заседаниях которого он мог присутствовать до 1938 г., но лишь в качестве гостя).

Понимание логотерапии как дополнения психотерапии позволяло Франклу оставаться верным своему основному импульсу. Он знал несовершенство и методические недостатки логотерапии. Поэтому воздерживался от того, чтобы представлять свою теорию как психотерапию. Он был достаточно умен и слишком хорошо знал последнюю, чтобы не видеть этого. Тем не менее мы находим у Франкла два мотива, свидетельствующие о намерении привести все же логотерапию в связь с психотерапией. Один мотив содержится в том, о чем мы писали выше: Франкл хотел не только отделить логотерапию от психотерапии, но и противопоставить ей как нечто особенное. Одна глава в книге «Врачебное душепопечение»⁶¹ носит название «От психотерапии к логотерапии». При ее прочтении создается впечатление, что в стремлении к особенному, отличному, даже к превосходству над «скверным

⁵⁷ Seelsorge (нем.) — «забота о душе». Выражение, восходящее к Сократу, применяется к работе священника с паствой. — *Прим. науч. ред.*

⁵⁸ Geheimtip (нем.) — тайный совет, рекомендация. — *Прим. науч. ред.*

⁵⁹ MS. C. 121.

⁶⁰ Frankl, 1990. С. 272.

⁶¹ Frankl, 1982. С. 10.

делом психотерапии»⁶² речь у Франкла идет не только о предмете, но и о собственной значимости. Может быть, мне так кажется, потому что напоминает об одной дискуссии. Франкл возражал против того, чтобы мы интегрировали Общество логотерапии и экзистенциального анализа (GLE) в Австрийское объединение психотерапии. Его комментарий звучал так: «Г-н Лэнгле, нас не нужно смешивать с другими психотерапиями. Мы можем спокойно ждать, пока они в один прекрасный день не придут к нам и не скажут: г-н Лэнгле (или г-н Франкл), мы уже объединили все направления психотерапии, но одного нам еще не хватает. Мы хотим выяснить, не хотите вы ли также присоединиться к нам в качестве, так сказать, дополнения к другим направлениям?» Эта позиция казалась мне неправильной по отношению к логотерапии и тем более — к экзистенциальному анализу. Я считал, что в этом проявляется своеобразие Франкла. Вскоре после этой дискуссии GLE присоединилось к объединению, а Франкл спустя год сложил с себя полномочие почетного председателя.

Несмотря на свое стремление рассматривать логотерапию и психотерапию как две отдельные области, Франкл иногда пытался представить логотерапию как отдельный метод психотерапии. В его текстах мы этого не находим. Есть частое упоминание логотерапии как «третьего венского направления психотерапии», как ее впервые назвал инсбрукский психиатр Соусек в 1948 г. Позже так же ее назвал уроженец Вены, психолог и ординарный профессор Петер Хофштедтер⁶³ и это обозначение получило широкое распространение. Сам Франкл никогда не давал логотерапии подобного толкования, но употреблял его в качестве цитаты, подчеркивая, что оно придумано не им и что логотерапию так оценивают другие. Ту же позицию он высказывает и в своей автобиографии, где пишет, что Альфред Адлер представлял логотерапию как отдельное исследовательское направление⁶⁴. Я чувствую в этих цитатах Франкла тенденцию представлять логотерапию в качестве самостоятельного направления психотерапии. Но, понимая отличие логотерапии от обычной психотерапии и отклоняя традиционную психотерапию, Франкл упорно не делал этого шага. Только в последние годы жизни в Вене он не противился попыткам представлять логотерапию в качестве отдельного направления психотерапии.

До сих пор мы говорили о биографических факторах, оказавших сильное влияние на дело жизни Франкла: собственное страдание от нигилизма и бессмысленности. Если мы теперь спросим себя, как логотерапия по представлениям Франкла должна бороться с психологизмом,

⁶² 46.

⁶³ Hofstätter, 1957. С. 197.

⁶⁴ 43; ср. с. 50 этой книги.

то этот вопрос приведет нас к области личных способностей Франкла и выведет тем самым из сферы биографии в сферу *личностных факторов*. В практической работе логотерапия, по Франклу, должна заниматься разбором *аргументов*, которые приводит больной. Такая работа не может больше называться психотерапией в признанном смысле, но должна именоваться логотерапией. «Ибо такая работа занимается ходами мыслей пациента и приводит логические контраргументы... При помощи духовного оружия логотерапия пытается оказать влияние на духовную борьбу пациента»⁶⁵. Хотя в другом месте Франкл возражает против того, «что в рамках этого метода работы с пациентом “подходят к нему со своей логикой” — это означало бы путать логотерапию с чем-то другим»⁶⁶; аргументативный метод остается для логотерапии центральным. Франкл ориентировался при этом на логические шаги и выводы, как их в своих диалогах представил Сократ⁶⁷.

Аргументативный способ работы очень подходит к характеру Франкла. Здесь себя снова проявляет рациональная жилка, которую мы уже подробно описывали и о которой он сам пишет в своей автобиографии⁶⁸. Острый интеллект и ясный дух Франкла создали логическому аргументированию примат в логотерапии. Ибо естественно, что к проблемам смысла можно подойти и при помощи других средств⁶⁹. Но, само собой разумеется, так же легитимно в стиле Сократа говорить с пациентами об их проблемах смысла, приводя аргументы. Та же рационалистическая черта личности Франкла по всей вероятности проявилась и в названии логотерапевтического учении о мотивации — «воля к смыслу». Несмотря на аналогию с ницшеанской «волей к власти», Франкл придавал большое значение развитию сильной воли. Ибо «где есть цель, там и сильная воля»⁷⁰. То, что Франкл придавал воле такое центральное значение в теории мотивации наряду со значением воли как оппозиционной способности в человеке и как основы самодистанцирования и внутренней оппозиции, имеет совершенно очевидную связь с его характером. Уже по своему темпераменту Франкл был склонен к оппонированию. Всю свою жизнь он с чем-то боролся⁷¹ и поэтому часто был в оппозиции. Итак, он выделил тот аспект духовности человека, которую назвал «силой упрямства духа». Для Франкла то, что характеризует персональное в человеке, было меньше связано с открытостью, как у Хайдеггера, или способно-

⁶⁵ Frankl, (1947) 1991. С. 42 и далее.

⁶⁶ Frankl, 1959. С. 663.

⁶⁷ Frankl, 1997. С. 7.

⁶⁸ 12, 13, 14.

⁶⁹ Ср. главу о дальнейшем развитии учения. С. 228—229.

⁷⁰ Frankl, 1997. С. 223.

⁷¹ А именно, против психологизма. См.: Frankl, 1990.

стью к отношениям, как у Бинсвангера или Бубера. Его особенно привлекала шелеровская способность к оппозиции духа.

Мастерство в аргументации, которое делала его почти непобедимым в дискуссии⁷², напоминает своей подвижностью и богатством идей определение, которое дает Франкл человеческой персональности. Дать определение персональности по причине ее большой комплексности невозможно. Каждое определение выражает поэтому только один ее аспект. Интересно, какие возможные определения персональности выбирает Франкл? Я знаю два. Однажды он дал такое определение: «персональность (Person) это свободное в человеке»⁷³. В другой раз он определил персональность как «абсолютно другое»⁷⁴, или иначе, «способность всегда быть и другим»⁷⁵. По всей вероятности, так Франкл переживал свое собственное персональное бытие, ибо он не писал иначе, чем это соответствовало его собственному опыту. Естественно, что предпочтение этого определения персональности тем самым связано с его собственной персональностью. Это, конечно, не делает определения неправильными, но ясно также, что другие аспекты персональности в этих определениях остались нераскрытыми.

Усилия Франкла сдерживать свой характер можно видеть на многих примерах. Так, он пытался препятствовать своему стремлению быть в центре внимания, создав понятие логотерапии. «Этот неологизм я создал только для того, чтобы избежать речи от первого лица и затруднить моим ученикам ощущение культа личности»⁷⁶. Из этих слов следует, что, когда Франкл говорит «логотерапия», это значит не что иное, как «я, Франкл». Он говорил о «дегуруфикации логотерапии»⁷⁷. Он хотел назвать доклад на Первом всемирном конгрессе в Сан Диего (1980) «В направлении дегуруфикации»⁷⁸. Но не стремился воспринимать себя как гуру логотерапии, который предначертал ее будущее развитие. Но хотел, воспользовавшись конгрессом, передать свое детище в руки логотерапевтов, не преминув в том же абзаце снова упомянуть, что он сам — потомок знаменитого рабби Лева из Праги, того самого легендарного рабби, который стал известным «благодаря знаменитой повести “Голлем” и фильму, снятому по ее мотивам», что «единственная цель и истинная причина» для создания понятия логотерапия состоит в возможности избежать «постоянно твердить: “я думаю...”, “я полагаю...”, “я обнаружил...”

⁷² 55.

⁷³ Frankl, 1990. С. 226.

⁷⁴ Frankl, 1997. С. 68.

⁷⁵ Frankl, 1990. С. 95.

⁷⁶ Frankl, 1994. С. 249.

⁷⁷ Frankl, 1997. С. 270.

⁷⁸ Там же.

и т. д. Вместо этого я говорил: “логотерапия учит...”, “это цель логотерапии...” и т. д. Во всяком случае, оно предохраняло меня от необходимости всегда говорить или писать от первого лица»⁷⁹.

О том, чего Франкл хотел достичь, создавая логотерапию, он мечтал уже будучи абитуриентом. Свою выпускную работу он посвятил теме «*О психологии философского мышления*»⁸⁰, к которой написал продолжение об Артуре Шопенгауэре «ПатогRAFия». С этого момента Франкл стремился заниматься с пациентами практической философией. Уже в то время он думал о случаях, «когда какой-нибудь невротик стремится обосновать свое отношение к жизни, к себе и к обществу путем определенного мировоззрения, метафизической или религиозной системы»⁸¹. Ибо каждый современный психолог совершенно точно знает, что «эти абстракции, эти идеи, философемы и воззрения принципиально будто бы независимые от любых аффектов, в конечном счете, коренятся, обусловлены и определены в бессознательном»⁸². Из этих слов ясно: Франкл первоначально хотел опираться на мировоззрение пациентов. Задача философии состояла в том, чтобы помочь последним пересмотреть их основные жизненные и познавательные позиции в надежде тем самым устранить невроз или почву, на котором он возник. Это очень ценная мысль. В несколько упрощенной форме эта идея нашла свое психотерапевтическое применение в когнитивной поведенческой терапии в корректуре «автоматических мыслей» и также в рационально-эмотивной терапии американского психотерапевта Альберта Эллиса.

Наряду с психотерапевтическими методами лечебными возможностями обладают также философия и литература. Ценность помогающих мыслей в иммунизации против нигилизма можно передать при помощи книг. Поэтому Франкл высоко ценил библиотерапию и рассматривал книгу как настоящее лекарство⁸³. То, что он придавал такую высокую ценность философствованию и мировоззрению, как мне кажется, связано с его предпочтением мышления перед эмоциональностью и встречей. Другая причина — его собственное мировоззренческое развитие, о котором скажем ниже. Здесь я хочу привести цитату 20-летнего Франкла, которая кажется мне *сутью логотерапии*, в сжатом виде точно выражающей ее дальнейшее развитие и формирование.

«Мы знаем, что в некоторых случаях к терапии относится то, что разрушает логическую надстройку мировоззрения с аффективной невротической базой, так как невротическая идеология, которая останет-

⁷⁹ Frankl, 1997. С. 272.

⁸⁰ 18.

⁸¹ Frankl, 1925. С. 250.

⁸² Там же.

⁸³ Frankl, 1979b. С. 11 и далее.

ся, если ее не устранить, легко дает почву к повторному проявлению невроза. Мы не должны забывать, что в некоторых случаях необходимо сначала поработать с надстройкой, чтобы отнять у невроза его абстрактную опору, ее фикции и таким образом легче его снять. Это важно в случае с индивидами, которые склонны к преимущественно интеллектуальной аргументации своего искаженного жизненного плана.

К ним мы должны подходить с философскими аргументами, ибо все другие аргументы в этом случае бесполезны. Пессимисту, который интеллектуально развит и сознателен, нельзя помочь, дав совет хорошо питаться и заниматься спортом, ибо для него такие советы, как и вообще здоровье, ничто вследствие его философии. Мы должны оказать влияние на его оценки, чтобы вообще создать почву для дальнейшей работы с ним, а именно возможность говорить о неврозе!»⁸⁴

Здесь уже отчетливо виден аргументативный способ работы логотерапии, обращающийся к убеждению. Как мы уже поняли из биографической части книги, Франкл в течении многих лет боролся за свою мировоззренческую позицию и свою религиозность. Мне кажется, что этот биографический элемент оказал влияние на развитие логотерапии. Франкл на собственном опыте ощутил, каким потеряннным и даже больным может стать человек без мировоззрения, дающего опору в жизни, когда «душа потеряла свой смысл» (К. Г. Юнг) и дух оказался лишенным веры. Именно это довелось пережить Франклу после исключения из Международного союза индивидуальной психологии. Однако цитата, приведенная выше, относится ко времени задолго до того, как эта мысль могла быть обоснована собственным биографическим опытом. Мне кажется, что это терапевтическое представление возникло под влиянием родительского дома. Именно там Франкл мог ясно увидеть значение мировоззрения как направляющей линии жизни. Этот детский опыт, по всей вероятности, получил дополнительное подтверждение позже благодаря примеру старого отца. Тот прошел в ходе жизни прекрасное развитие личности. Первоначальные узость, верность догмам уступили место либерализму, «реформаторскому иудейству», стоицизм перешел в спокойную, мудрую, исполненную доверия, укорененную в божественности невозмутимость. Франкл в ходе написания автобиографии вынужден был изменить свое суждение об отце⁸⁵. Отец показал ему на примере собственной жизни, как важны для развития, роста зрелости и формирования жизни человека его мировоззренческая позиция и религиозное отношение, и к достижению чего должна стремиться «психотерапия, исходящая из духа».

⁸⁴ Frankl, 1925. С. 250.

⁸⁵ 5.

То, что мировоззренческая позиция стала столь значимой для Франкла, едва ли можно объяснить каким-либо одним фактором. Это *был именно он*. Это он был ребенком в этой семье, у этих родителей, он, этот бодрствующий дух, он с его потребностью в безусловной, непоколебимой защищенности. Это соответствовало его существу — заботливо возвращать эту глубокую жизненную позицию и жить ради этой основополагающей ценности. Ради спасения и защиты своих религиозных ценностей он с такой резкостью выступал против психологизма. Огню этой любви невыносимо, когда психологизм выдает религию за сублимацию психических влечений, а бога — за проекцию образа отца.

Особую роль в развитии логотерапии сыграло отношение Франкла к эмоциональности. Об этом подробно рассказано в отдельной главе. Мы уже говорилось о том, насколько сильно в стиле лекций Франкла проявлялась рационалистическая черта, о том, что он преимущественно опирался на аргументы и старался дистанцироваться от чувств. Ему был важен духовный иммунитет, чтобы быть в состоянии выступить против чувства отчаяния и депрессии, не быть побежденным ими. Эта дистанция к эмоциональности и личная трудность Франкла свободно и непринужденно обходится со своими чувствами оказали, по моему мнению, особенно сильное влияние на логотерапию. Благодаря этому на передний план выходят мышление и аргументирование, воля и решение, этика и ответственность так же, как и вопросы мировоззрения. Дистанция по отношению к эмоциональности оказала глубокое влияние не только на выбор содержания, но также и прежде всего — на его описание и формирование методик. Уже указывалось на то, как Франкл определял понятие «персональность». Подобное можно сказать и о его концепции экзистенции, о смысле, которые он понимал чисто когнитивно, по сути, в русле психологии восприятия, об антропологии, в которой эмоциональности не уделяется никакого внимания, об исключении биографии и эмоциональности из терапевтической работы. Франклу казалось правильным, что я охарактеризовал логотерапию как когнитивное направление в психотерапии⁸⁶.

Несмотря на дистанцию по отношению к эмоциональности в личной жизни и исключение ее из логотерапии, нельзя не отметить *сильное сочувствие*, которое испытывал Франкл к страдающим людям. Об этом также уже говорилось в этой книге. Можно вспомнить, например, о сне, в котором он видел концентрационный лагерь. Там душевнобольных должны были отправлять в газовые камеры, и Франкл из состра-

⁸⁶ Längle, 1984; цит. в: Frankl, 1985. С. 259.

дания предложил взять себя вместо них⁸⁷. Можно вспомнить об эдельвейсе, который он принес парализованной пациентке в больницу⁸⁸, или о сочувствии, которое он испытывал к «жертвам психотерапии»⁸⁹. Я не могу назвать никаких специфических биографических факторов, оказавших решающее влияние на то, что Франкл создал концепцию логотерапии как «заботу о душе», как душепопечение, приносящее утешение. Франклу было важно, в соответствии со словами императора Иосифа II, написанными над входом в Клинику общих болезней в Вене, дать пациентам *утешение и исцеление*. То, что Франкл назвал одну из первых своих книг *Homo patiens* и что он много занимается темой страдания и смысла страдания, лежит в самой логике предмета. Поскольку эта жизненная позиция имеет отношение к его личности, я бы искал ее корни не в биографии, но в личностных особенностях Франкла. Ибо на уровне сочувствия он мог рационально и мировоззренчески обоснованно обходиться с эмоциональностью, которая в этом случае не входила в противоречие с его профессиональными и идейными намерениями.

Часто задают вопрос, не являются ли переживания Франкла в концентрационном лагере самым важным для логотерапии. Сам он отрицал это и говорил, что его не перестает удивлять, когда говорят подобные вещи, несмотря на то, что он до концлагеря уже создал набросок логотерапии, и все основные мысли были уже написаны⁹⁰.

Также и я, зная Франкла, склоняюсь к той точке зрения, что опыт, полученный им в концлагере, не изменил его личности и не привел к каким-либо существенным научным открытиям. Напротив, мне кажется, что этот опыт еще усилил некоторые личностные особенности, присущие ему изначально. Его религиозность, отношение к родителям, отношение к себе самому (биография, эмоциональность, жизненные цели) проявились с еще большей отчетливостью. Опыт концлагеря, на мой взгляд, усилил оборонительную позицию Франкла по отношению к эмоциональности, но не в нем причина этой позиции. После тяжелого эмоционального напряжения, пережитого в концлагере, ему, как мне кажется, стало еще труднее подойти к трудному для него миру

⁸⁷ 15.

⁸⁸ MS. C. 15.

⁸⁹ 46.

⁹⁰ Самопознание (*Selbsterfahrung*) — неотъемлемая составная часть образования психотерапевта любого направления, состоящая в прохождении будущим терапевтом собственной индивидуальной учебной терапии. Самопознание предполагает рефлекссию собственных эмоциональных переживаний, проработку жизненных ситуаций и проблем. В данном тексте речь идет о концепции образовании терапевтов в экзистенциальном анализе, которую Лэнгле обсуждал с Франклом. — *Прим. науч. ред.*

чувств. Тем самым Фракл не только по теоретическим соображениям или в силу отсутствия склонности не дал согласия на включение самопознания⁹¹ в экзистенциальный анализ — тому были и травматические причины. Понятным становится то, почему свою книгу о концлагере он не хотел выпускать под своим именем, «но только с указанием номера заключенного. Для меня было важно мое нежелание обнажать и выставлять напоказ собственные переживания»⁹². По его словам, он дал себя убедить, что «мужество к исповеданию повышает ценность познания»⁹³. Этим мужеством к исповеданию ради дела Франкл сыграл сам с собой злую шутку, и показав свои переживания, он еще усилил собственную стыдливость выставлять напоказ свои чувства⁹⁴. Это нежелание «выставлять напоказ пережитое» — причина того, почему Франкл хотел поручить написание своей биографии другому лицу — «литературному негру» (Ghostwriter)⁹⁵. Еще в 1991 г. в Зальцбургском университете, в одном докладе о патологии духа времени он полемизировал с самопознанием в психотерапии. «Это подглядывание за внутренним состоянием чувств» сковывает, парализует, нейтрализует любое подлинное чувство. И за это командование собой люди должны еще и платить!»

Так логотерапия приобрела характер, отмеченный внутренней защитой от эмоциональности и влечений (самодистанцирование) и отдачей смыслу, направленной во вне (самотрансценденция). И то и другое ведет к отказу от самого себя. Важна «объективная духовность» (логос), которая субъективно схватывается совестью и которой человек должен подчиниться. Рост и зрелость происходят тогда сами собой и не нуждаются никакой в дальнейшей профилактике, не говоря уже о психотерапевтическом вмешательстве. Только когда человек живет в этом духе, он может раскрыться силой смысла сам собой. Потребности и заботы подчиняются жизни, ориентированной на смысл и являются относительными к смыслу. Уделять им особое внимание значит для человека препятствовать восприятию призыва смысла момента. История жизни и травмы, страдания и нарушения могут быть преодолены в отдаче смыслу, принесены ему в жертву. Благодаря этому они исцеляются естественным образом. Включение жизни в последнюю религиозную смысловую взаимосвязь, на которую человек с самого начала интен-

⁹¹ Ср. Frankl, 1938 и первую редакцию «Врачебного душепопечения», пропавшую в концлагере.

⁹² Frankl, 1977. С. 23.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Ср. с. 211.

ционально ориентирован, дает жизни последнее исполнение, ее исцеление и спасение.

В этом отказе от самого себя, от телесности и психодинамики, истории жизни и травматического опыта и направленности исключительно на будущее, смысл, ценности и в конечном счете на бога человек лишается до некоторой степени своей принадлежности к миру (*seiner Weltlichkeit*). Именно так Франкл и жил и это наложило отпечаток на дух логотерапии. *Дух идеализма* веет в логотерапии, как мы это уже видели выше⁹⁶.

⁹⁶ 199 и далее.

IV. ПЕРСПЕКТИВА

К восприятию логотерапии на международном уровне

Без сомнения, когда Франкл создал логотерапию, ему удалось совершить столь важное дело, которое переживет его. На раннем этапе эволюции психотерапии он внес в нее такое видение человека, которое следует оценить как достойную заслугу. Своей теорией логотерапии Франкл продолжил традиционную философско-антропологическую критику «глубинной психологии», высказанную Эдмундом Гуссерлем, а позже, примерно в одно время с Франклом, и Карлом Ясперсом. Франкл вел свою критику не только на философском уровне, но искал также релевантную практике антропологическую модель и коррективу существующим. Тем самым он не ограничил критику только рамками теории, но первым осмелился попытаться скорректировать и дополнить психотерапию. Эту попытку прервала Вторая мировая война. После войны такую же попытку предприняла гуманистическая психология в Америке, практически не знакомая с подходами Франкла.

Намерения, которые обнаруживала гуманистическая психология, были совершенно аналогичны. Она хотела создать некий противовес механистическим тенденциям в развитии психотерапии. Она также обратилась к человеческой личности, ее свободе и способности к встрече с иным, и она характеризуется человека позитивным образом. Самый известный представитель этой тенденции развития — американский психолог Карл Роджерс, живший примерно в те же годы, что и Франкл¹. Параллельно с ним в послевоенные годы в США Уильям Мастерс и Вирджиния Джонсон разработали методику терапии сексуальных нарушений, которую в общих чертах уже наметил Франкл на основании своей антропологии.

¹ Bühler / Allen, 1983; Quitmann, 1985.

Поэтому можно было бы сказать, что идеи и замыслы Франкла получили широкое распространение в гуманистическом направлении психотерапии. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что это не совсем так. Франкл неоднократно протестовал против того, чтобы его логотерапию относили к гуманистическим направлениям психотерапии, хотя чаще всего именно так и получалось. Конечно, это тесно связано с описанными мною другими причинами, по которым Франкл вообще сопротивлялся тому, чтобы его имя связывали с психотерапией. Ведь он стремился к исключительному положению в рамках психотерапии, «секретным советом», «крышей», которая суть не психотерапия, а ее духовное дополнение и продолжение. Однако наряду с личными возражениями он также высказывал критику в адрес гуманистической психотерапии с точки зрения логотерапии. В главе «Критика чистой встречи — насколько гуманистична гуманистическая психология?»² Франкл обращает свою критику на понятие «встречи» в гуманистической психологии. Он показывает, что в ее «группах общения (encounter-groups)» отсутствует существенный элемент диалога — логос. «Диалог без логоса сводится к монологу вдвоем. В этом случае собеседники уже не заняты более интенциональным предметом, но занимаются разве только тем, чтобы выражать самих себя»³. «А психология без логоса» знает, в конечном счете, только причины, а не основания⁴. Тем самым Франкл выделяет здесь такой аспект, который он критиковал и в психологизме. Тенденция к самоактуализации как ключевой мотив человеческих действий или удовлетворение потребностей в соответствии с иерархией этих потребностей по Абрахаму Маслоу представляют собой концепции, не вполне свободные от психологизма. Это внутриспихические теории, которым недостает открытости миру и подлинной обращенности к инаковости и смыслу. А потому существование рассматривается в них не как задача, предстоящая человеку и бросающая ему вызов, но как процесс развертывания внутренне присущих ему жизненных сил (энтелехия). Этот процесс протекает по внутренним, организмическим законам роста и, в случае нарушения роста, приводит к патологиям. Поэтому гуманистические направления — это, собственно, уже не экзистенциальные методы, а персоналистические антропологии. Фундаментальной экзистенциальной идее они не соответствуют также и потому, что их работа не направлена в первую очередь на фактум решимости и ответственности человека за свое существование.

Поэтому, строго говоря, логотерапию и экзистенциальный анализ не следует относить к гуманистической парадигме психотерапии, хотя они

² Frankl, 1991. С. 217–234.

³ Там же. С. 221.

⁴ Там же. С. 223; ср. также с. 206 этой книги.

и стоят к ней ближе всего. Они представляют собою самостоятельную экзистенциальную парадигму в точном смысле слова⁵.

Обратимся теперь к вопросу о том, какое распространение получили логотерапия и экзистенциальный анализ в *специальной литературе*. Из-за войны обсуждение этих течений началось только после Второй мировой войны, хотя первые публикации состоялись еще до нее. Хотя работы собственно о логотерапии были опубликованы лишь в послевоенное время. Обсуждение и рецепция начались почти тогда же.

Первые научные дискуссии датируются уже выходом в свет «Врачебного душепопечения» в 1946 г. Тогда, к примеру, Игорь Карузо (1947) и Петер Гофштеттер (1948) в Вене, а также Бацци в Риме (уже в 1946 г. в своем учебнике по психиатрии) обсуждали этот новый метод в публикациях в специальной прессе.

В 1950-е гг. дискуссия распространилась на Южную Америку (Аргентину), а в конце 1960-х — на Северную Америку, после того как Гордон Оллпорт, как говорилось выше, пригласил Франкла на конференцию в Гарвард.

Как и следовало ожидать, дискуссия сосредоточилась преимущественно на *двух тематических областях*: во-первых, важной темой был *экзистенциальный образ человека*. Этот мотив отражается в особенности в полемике с гуманистической психологией и в литературе последней. Но подобной тематикой занимаются и другие терапевтические направления. При этом снова и снова поднимается вопрос о том, в какой мере в психотерапии является методологически необходимым редукционизм, или насколько он скрывает от взгляда исследователя именно терапевтически столь ценную действующую силу — обретение смысла и другие конститутивные элементы человеческого существа. Основную идею Франкла — «вновь внести в психотерапию духовное измерение» — почти одновременно с ним (и кое в чем следуя параллельным путем) пропагандировал в США Роджерс, который со своей «личностно ориентированной» психотерапией преследовал похожие цели.

Вторая тематическая область специальной научной дискуссии — это психотерапевтический метод «парадоксальной интенции». Именно введение парадоксов в психотерапию, а также методическое использование юмора как терапевтического средства вызвали концептуальную дискуссию. Она шла в основном с представителями поведенческой терапии. При этом следует подчеркнуть, что применение парадоксов в анализе экзистенции и логотерапии имеет своим истоком подлинную установку, черпаемую в персонально-экзистенциальном измерении, которое по существу есть «измерение говорящих “нет”» (Шелер). Их духовный

⁵ Yalom, 1980; Stumm, 1994. С. 185.

потенциал заключается в способности оппонировать и поставить себя выше ситуативного положения дел. Непредвиденные духовные повороты, выражающие новую позицию или установку в отношении к тягостной ситуации, — это методический арсенал, соответствующий духовной природе лица. Поэтому в рамках анализа экзистенции и логотерапии не может идти и речи о том, что это якобы простой трюк для повышения эффективности метода.

Особенно интересно также то, что дискуссия об экзистенциально-аналитической антропологии вышла далеко за рамки специальной дисциплины. Она привела к обширной полемике с соседствующими дисциплинами философии, социологии, богословия и педагогики.

О распространении метода в международном масштабе можно судить по публикациям. Они показывают, что логотерапия и экзистенциальный анализ обсуждается и практически применяется также за пределами Австрии, во многих странах мира. С 1950-х гг. существуют курсы подготовки по этой методике в Аргентине, с 1970-х гг. — в США (Институт логотерапии в Беркли, Калифорния, с четырьмя филиалами по стране), Канаде, Австралии, Японии, Южной Америке, Мексике, Южной Африке и большинстве стран Центральной Европы, прежде всего в Австрии и Германии.

Мне лично известно более 70 специальных обзорных работ по психотерапии, в которых излагаются, упоминаются, обсуждаются или комментируются логотерапия и экзистенциальный анализ. Большинство этих публикаций изданы на английском или на немецком языке. Но я получил также информацию о выходе итальянских, испанских и русских книг о них. Обращает на себя внимание то, что в Германии логотерапия мало известна в психологических и психотерапевтических кругах. К примеру, Корсини (1984) в своей американской «Энциклопедии психологии» излагал логотерапию. В немецком переводе книги некоторые «малозначимые методики», в том числе логотерапия, были опущены. В других обзорных трудах по психотерапии, весьма обстоятельных и содержащих ссылки даже на экзотические методики, например, в работе Зайферта и Вайблингера (1993), логотерапия даже не упоминается, хотя авторам она хорошо известна.

Всего существует свыше 1000 публикаций и около 150 известных диссертаций и дипломных работ. Институт Виктора Франкла в Вене (см. раздел 1, примеч. 329) издает подробный список английской и немецкой литературы, составленный профессорами Эудженио Фиццотти и Францем Веселы. В большинстве работ Франкла содержится довольно подробная библиография, на основании которой читатель может составить себе обзорное представление о литературе.

Эти публикации доказывают широкое распространение и достаточную известность логотерапии. Однако она не представляет собой круп-

ного течения в психотерапии, но является, так сказать, «бутиком» рядом с «универмагами» крупных направлений. Конечно, понятие логотерапии неразрывно связано с именем Франкла. И нередко люди слышали это имя, но ничего не знают о самом понятии. Франкл получил известность во всем мире именно благодаря своей личности, риторическому дарованию и тому, что он пережил холокост. Так сказать, в порядке приложения к английскому переводу своей книги «Психолог в концентрационном лагере» он добавил обзорный очерк о логотерапии и тем самым немало способствовал ее известности.

Следующий вопрос — о том, как воспринимается и обсуждается логотерапия, и какие существуют критические позиции. В целом Франклу приписывают как заслугу то, что он заметил и осознал в рамках психотерапии значение проблемы смысла для человеческой жизни. То, что проблема смысла имеет определенную важность, большинство авторов не оспаривают. В качестве второй заслуги Франкла многие авторы подчеркивают внедрение парадоксальных методик и юмора в психотерапию. Хотя Франкл не первым работал с парадоксами и юмором, но он, несомненно, относится к числу пионеров в этом отношении⁶.

Точнее всего, на мой взгляд, в краткой форме выразила рецепцию и критику идей Франкла Шарлотте Бюлер⁷: «Один из самых известных представителей этого воззрения (что главная задача психотерапии — воспитание в смысле философии жизни) — это Виктор Э. Франкл, экзистенциалист, работы которого в существенной степени способствовали тому, что вопрос о *смысле жизни*, совершенно оттесненный в сторону односторонне аналитически ориентированной психотерапией, был снова осознан как фундаментальный многими психотерапевтами, а кроме того, и многими нашими современниками. Его призыв вновь пробудить в нас и в наших пациентах “волю к смыслу” имел сильное будоражащее действие и приобрел его *логотерапии*, как он называл свое учение, многих сторонников. В то время как это понимание психотерапии у Франкла встретило значительную поддержку, тот метод, при помощи которого он достаточно прямолинейно обращает внимание своих пациентов на их духовную ответственность перед самими собою, рассматривается многими как давление. Сам Франкл говорит о психагогике, то есть душевном руководстве, и о “пастырской медицине” (Корректнее было бы переводить этот термин как «врачебное душепопечение»)».

Критика логотерапии Альбертом Герресом⁸ имела подобное же направление. Внимание к смыслу, говорит он, часто, к сожалению, сопряжено с «известным пренебрежением биопсихическими основаниями

⁶ Seltzer, 1986.

⁷ Bühler, 1962. С. 483.

⁸ Görres, 1978. С. 33.

влечений и судеб этих влечений. Кроме того, искусство позитивной провокации духовных сил еще недостаточно хорошо описано в психотерапии». На этом фоне восприятие логотерапии Дитером Виссом⁹ производит впечатление односторонности. Он ограничивается исключительно понятием персональности у Франкла, относит его к составу католической картины мира и связывает с именем венского богослова и психоаналитика Вильфрида Дайма, который играл известную роль в Вене в 1950-е гг.¹⁰ и от которого Франкл постоянно стремился отграничить свою позицию. Богословское истолкование понятия персональности у Франкла объясняется тем обстоятельством, что Висс ссылается на одну-единственную книгу, в которой Франкл занимается в первую очередь вопросами богословия¹¹. Неудивительно, что интерпретация, игнорирующая все прочие сочинения психолога, оказалась чисто богословской.

В США логотерапию, из-за используемого ею метода парадоксальной интенции, нередко причисляют к поведенческим и краткосрочным методикам терапии¹². Граве и другие¹³ обращаются в своем метаанализе исследований эффективности исключительно к парадоксальной интенции. То, что в этом широко задуманном анализе литературы логотерапия более никак не была учтена, связано с ограниченностью самой работы контролируемыми групповыми исследованиями и с характером самой логотерапии. Логотерапия — это весьма индивидуальная методика, непригодная для групповых исследований. Иначе обстоит дело с исследованиями о технике парадоксальной интенции. В анализе Граве за ними признается умеренный успех. Она, как полагает автор, особенно успешно применяется у пациентов, сопротивляющихся воздействию извне, но только в исключительных случаях играет некоторую практическую роль в качестве монотерапии. Впрочем, Франкл не раз подчеркивал, что парадоксальная интенция, как правило, должна быть встроена в более обширную методику психотерапии. Следует заметить еще, что изложение существа парадоксальной интенции у Граве и других привело к смешению ее с методикой прописывания симптома и уже не соответствует подлинной технике самого Франкла.

Интересный исследовательский результат был получен Петером Беккером (1982). Он изучил условия душевного здоровья и нашел, что теорема Франкла об обретении смысла — это фактор, имеющий наиболее сильное влияние на душевное здоровье.

⁹ Wyss, 1991. С. 276–281.

¹⁰ Daim, 1951.

¹¹ Висс ссылается исключительно на книгу Франкла «Подсознательный бог».

¹² Phillips / Weiner, 1966; Koss / Butcher, 1986. С. 631.

¹³ Grawe, Donati, Bernauer, 1994. С. 395–402.

Области приложения и сферы применения логотерапии

Я не намерен давать какой-либо прогноз о будущем логотерапии. Скорее, я предлагаю общий обзор тех областей, где логотерапия, насколько мне известно, уже утвердилась, и тех, где ее распространение встретило сопротивление. Из этой сводки можно понять *сферы ее применения* и сделать выводы о том, что до сих пор представляло интерес в логотерапии и, как можно предположить будет востребовано также и в будущем.

Во-первых, здесь нужно назвать людей, *страдающих от проблем, связанных со смыслом жизни* и потому приходящих или адресуемых к логотерапии. Это прежде всего люди, утратившие опору и очень страдающие от потрясения, потери ориентации и бессодержательности своей жизни. Причиной тому может быть смерть близких, потеря человеческих отношений, например при разводе, или тяжелые физические (психические): раковые заболевания, особенно если они не поддаются оперативному лечению, поперечный парез, хронические патологии, ампутации, психозы. При потере определяющих человеческих отношений или разрыве с семьей, потере работы, банкротстве собственной фирмы и вообще при переживании бессмысленности в повседневной жизни, семье, профессиональной сфере, при неисполненных ожиданиях по организации своего досуга или при мучительных поисках осмысленности жизни, которые уже граничат с областью философских проблем, — логотерапию всегда привлекают на помощь. Запросы такого рода обращают к практикующим консультантам и учреждениям. Очень часто сначала берутся за чтение какой-нибудь книги, обещающей дать ответ на эти вопросы, или человек посещает (заказывает) доклады специалистов. Поэтому книготерапия, «книга как терапевтический препарат», как называл это Франкл, играет в логотерапии значительную роль.

Вторая крупная сфера ее приложения — это область *превентивной профилактики и педагогики*. Проблема смысла обретает заметную настоятельность именно в период полового созревания. Молодые люди ищут содержания в жизни, ориентиры, ценности жизни и хотят получить самостоятельность в поиске и принятии решений. Сегодняшняя молодежь не просто перенимают образ мысли и действий родителей. В традиции ремесла или в стиле жизни семьи они видят меньшую ценность, чем в обретении собственного пути. Из-за этого они оказываются в известном кризисе ориентировки. Естественное расширение жизненного горизонта в годы полового созревания также приводит к постановке вопроса о том, что в жизни главное и что, собственно, составляет ее смысл. Поэтому многие люди, работающие в школьно-воспитательном секторе, интересуются логотерапией. Они находят информацию о ней или даже посещают специальные курсы, чтобы быть более подготовленными к такого

рода вопросам. И сама молодежь, особенно студенты, обнаруживает интерес к этим темам.

В области *здравоохранения* среди врачей, в сфере ухода за больными, психотерапии и консалтинге налицо постоянный интерес к логотерапевтическому образу человека и особенно к тематике смысла жизни в страдании. Здесь чаще всего обращаются к чтению, докладам и семинарам, курсам подготовки и переподготовки.

Многие люди в силу своей религиозной заинтересованности пытаются получить при помощи логотерапии дополнительный психологический инструментарий, чтобы успешнее решать в практике жизни проблемы смысла. При этом речь идет не только о священниках-духовниках, но также о многих помощниках из числа мирян, особенно занятых в больницах и оказывающих помощь умирающим.

Логотерапия представляет собой практическое руководство для размышлений о жизненной позиции и ориентировке в жизни. Тем самым она тематически близка к религии, однако образ ее действия — психологический или философский. Логотерапия не предполагает никакой веры и не использует веру в качестве терапевтического средства. Она одинаково применима для верующих и неверующих и в обоих случаях приводит к хорошим результатам. Франкл неоднократно указывал на это обстоятельство¹⁴. Мысль о том, чтобы связать с логотерапией религиозное содержание и средства, заманчива. Однако еще неизвестно, насколько такое соединение помогает человеку и самой логотерапии. Я думаю, что в некоторых профессиях соединение того и другого напрашивается само собою, особенно если логотерапия применяется в пастырской практике. В таком случае сами клиенты ожидают этого. Однако в рамках психотерапии и психологического консультирования следовало бы соблюдать строгое разделение этих областей или же отказываться от их разделения только после открытого согласования с клиентами. Логотерапия никогда не должна ничего навязывать в религиозно-мировоззренческой сфере, не должна заниматься индоктринацией или соблазнять клиента к принятию известной мировоззренческой позиции¹⁵. Она должна быть руководством для людей к тому, чтобы найти свой собственный путь и свою собственную позицию. Я вижу силу логотерапии именно в том, что она задает формальную и структурную рамку. Она остается содержательно и мировоззренчески открытой, соединима с самыми различными в политическом отношении содержаниями (в религиозном отношении этот спектр простирается от атеизма через агностицизм до теизма) и открыта для всех диапазонов личностных вариаций, полов и возрастов¹⁶.

¹⁴ Frankl, 1981. С. 63 и далее.

¹⁵ Напр., Frankl, 1987. С. 33 и далее.

¹⁶ Frankl, 1981. С. 63 и далее.

Какие наметились тенденции развития?

Уже в 1959 г.¹⁷ Виктор Франкл подчеркнул, что экзистенциальный анализ как исследовательская линия является открытым, «причем в двух направлениях: она готова к сотрудничеству с другими направлениями и к собственной эволюции». Это Франкл повторял неоднократно¹⁸, подчеркивал это в своей вступительной речи на Первом всемирном конгрессе по логотерапии в Сан-Диего (Калифорния) 6 ноября 1980 г., не забыв прибавить, что его не интересуют люди, которые подобно роботам (как в романе «Голем») повторяют «голос своего хозяина»¹⁹. Он цитирует Элизабет Лукас (1980), которая в своей первой книге констатировала, что в истории психотерапии нет другой столь же адогматической и открытой школы, как логотерапия. Однако Франкл не так уж легко мирился с дальнейшим развитием в логотерапии, как он это изображал. Ибо уже страницей ниже в упомянутом докладе о «дегуруфикации логотерапии» на вопрос, что же такое логотерапия, следует ответ: «На этот вопрос я мог бы ответить легко и просто, сказав, что логотерапия в чистом и собственном смысле слова (*pure and proper*) — это то, что вы найдете в моих книгах, например в тех шести книгах, которые существуют на английском языке (из которых три были написаны непосредственно по-английски и не переведены на немецкий), и в тех восьми книгах, которые написаны по-немецки и не переведены на английский»²⁰. Итак, по собственному пониманию Франкла, логотерапия и экзистенциальный анализ остаются открытыми для сотрудничества и дальнейшего развития, однако же логотерапией, в собственном смысле, остается только то, что содержится в его книгах. Другими словами, это значит, что опыты дальнейшего развития, не исходящие от самого Франкла, уже не могут быть настоящей логотерапией. Именно в этот конфликт Франкл оказался вовлечен в конце 1980-х гг., что и привело затем к разрыву с Обществом логотерапии и экзистенциального анализа в Вене. Но об этом — несколько позже.

Первый опыт дальнейшего развития предпринял друг Франкла венский психиатр Пауль Полак в 1950-х гг. Он заложил фундамент для развития экзистенциального анализа как долгосрочной методики психотерапевтического воздействия, который занимается не столько проблемами смысла, сколько биографическими контекстами и реструктурированием личности. Свою работу он опубликовал совместно с коллегами из венской клиники под руководством Франкла²¹. Эта попытка, правда, не по-

¹⁷ Frankl, 195. С. 663.

¹⁸ Напр., Frankl / Kreuzer, 1986. С. 18; 1990. С. 72 и далее.

¹⁹ Frankl, 1997. С. 271.

²⁰ Там же. С. 274 (пер. с англ. А. Лэнгле).

²¹ Koscovsek, Niebauer, Polak, 1959. С. 737–764.

лучила развития и была предана забвению. Сам Франкл не ссылаясь на нее в своих списках литературы.

Насколько мне известно, следующие попытки развития теории начинаются только в 1980-е гг. Первой здесь следует признать Элизабет Лукас, которая разработала «модуляцию установки» — специальную методику изменения личностной установки, близкую поведенческой терапии²². С помощью этого метода осуществляется попытка сделать через последовательность шагов методически более доступной работу с установками, необходимость которой подчеркивал сам Франкл. Кроме того, Лукас разработала собственную методику групповой терапии, при которой в условиях группы может быть применен франкловский метод дерефлексии^{23, 24}.

Йозеф Фабри²⁵ также занимался развитием метода логотерапии в групповых условиях. Джеймс Крумбоу совместно с коллегами разработал специальный метод групповой терапии для алкоголиков, особенно хорошо приспособленный для американских условий²⁶. Хиросю Такашима в Японии²⁷ занимался лечением психосоматических больных средствами логотерапии и расширил теоретическое основание этого лечения. В Европе гамбургский богослов и бывший пастор студенческой общины Уве Бешемайер начал разрабатывать в области образования для взрослых людей специальные «семинары для обучения жизни», которые он распространил для групповой логотерапевтической практики²⁸. Со своей «интегративной логотерапией», как он говорит²⁹, отделился от «чистоты учения» и начал отходить от принципов логотерапии и экзистенциального анализа³⁰. Бешемайер, как и Гюнтер Функе, а позднее Рудольф Кунерт в Вене (1998) и многие другие уже на раннем этапе использовали работу со сновидениями и внесли содержательный и методологический вклад в ее применение в области логотерапии и экзистенциального анализа. В последние годы в особенности Бешемайер и врач-педиатр Вильгельмине Попа из Дюссельдорфа высказывались в пользу разработки имажинативных техник. При этом Попа³¹ применяет свой метод главным

²² Lukas, 1980. С. 96 и далее.

²³ Frankl, 1959. С. 729 и далее.

²⁴ Lukas, 1983. С. 359–392; 1986. С. 200 и далее; Fabry / Lukas, 1995. С. 125–140.

²⁵ Fabry, 1997. С. 85.

²⁶ Crumbaugh, Wood W., Wood Ch., 1980.

²⁷ Takashima, 1977, 1987.

²⁸ Böschmeyer, 1988. С. 116 и далее.

²⁹ Там же. С. 9.

³⁰ Там же. С. 27.

³¹ Попа, 1992.

образом в группах, тогда как Бешемейер³² много работает с имажинацией на индивидуальных сеансах и в терапевтической практике.

Вальтер Бекманн способствовал проникновению логотерапевтических принципов и идей в коучинг и сферу менеджмента предприятия и сформулировал девиз: «Кто требует результата, должен предложить смысл»³³.

Методические шаги к обретению смысла были впервые разработаны мною³⁴. Согласно этому подходу, процесс обретения смысла можно разделить на четыре этапа, каждый из которых опирается на результаты предыдущего. Для дифференциации понятия смысла я впервые принял различие онтологического смысла (смысла того, что есть) и экзистенциального смысла (смысла, возникающего в результате нашей собственной деятельности)³⁵. При помощи этого различения можно ответить на возражение критиков, будто понятие смысла у Франкла есть в значительной степени религиозное понятие и смешано с экзистенциальным понятием смысла. Кроме того, эта дифференциация позволяет более точно действовать при работе с проблематикой смысла.

Вольфрам Курц исследовал значение логотерапии и экзистенциального анализа для нравственного воспитания³⁶ и, опираясь на данные психологии развития, устанавливает специфичную для каждой фазы тематику смысла, которая в целом представляет своего рода психологию развития человеческих поисков смысла³⁷.

Было разработано также немало тестов по логотерапии. Самый известный из них в США — это «Тест цели в жизни (Purpose In Life Test, PIL)» Крумбоу и Махолика (1969). В немецкоязычных странах известны «логотест» Элизабет Лукас (1986b) и шкала экзистенции Лэнгле и Орглера (1993).

Это перечисление опытов содержательного и методологического развития логотерапии на основании имеющейся у меня информации воспроизводит самые важные начинания, не претендуя на полноту охвата. Франкл еще застал их все и не возражал против какой-либо из них. Однако ни одну из них он не поддержал и не упомянул в своих публикациях и докладах.

Крутой поворот произошел в экзистенциальном анализе в Вене в 1980-е гг. В тот момент стало ясно, что одной лишь концепции смысла для всеобъемлющей психотерапии недостаточно, и было положено

³² Böschmeyer, 1996.

³³ Böckmann, 1984.

³⁴ Längle, 1987; 1988. С. 40–52.

³⁵ Längle, 1994.

³⁶ Kurz, 1987.

³⁷ Kurz, 1995. С. 729.

начало трем линиям развития, исходящим, соответственно, из эмоции, мотивации и биографии³⁸. Первым опытом систематического развития являлся метод «персонального экзистенциального анализа»³⁹. Вместе с ним было разработано также учение об эмоциях⁴⁰, и усиленно велась работа с эмоциями и аффектами в психотерапии. Тем самым в фокусе психотерапевтического вмешательства оказались личное переживание и психическое самочувствие, и такое вмешательство в случае надобности дополнялось обработкой тематики смысла. Тем самым экзистенциальный анализ рассматривался уже не только как *направление антропологического исследования* для целей логотерапии и обретения смысла, но и как *психотерапевтический метод* для преодоления проблем, травм, нарушений и психодинамических конфликтов в преддверии обретения смысла. Персональный экзистенциальный анализ означал отход от логотерапии и переход в область психопатологии. Одновременно он открывал подступ к психической и соматической проблематике и к соответствующим вмешательствам.

Из разработки персонального экзистенциального анализа с необходимостью вытекало открытие психотерапевтической работы проблемам, связанным с различными *биографическими контекстами*. Если Франкл рассматривал логотерапию в качестве формы лечения, направленной только на будущее, и видел в работе с биографией клиента отступление от ситуативного смыслового задания, что было бы контрпродуктивно для логотерапии, — теперь экзистенциальный анализ, как целостный метод, был распространен на все время жизни человека, а значит, и на его прошлое⁴¹. В качестве методического инструментария для биографической работы был задействован вновь разработанный персональный экзистенциальный анализ⁴².

Параллельно, чтобы психотерапевты могли успешно работать в терапии, применяя эти новые методы, в процессе их обучения нужно было в значительном объеме проводить часы «самопознания» (*Selbsterfahrung*)⁴³. Одновременно в венском Обществе логотерапии и экзистенциального анализа на основании многолетнего опыта практической работы и теоретических познаний возобладало понимание того, что следует оставить логотерапию в виде дополнения к психотерапии, как этого хотел Франкл.

³⁸ Уве Бешемайер также незадолго перед этим начал работать биографически во время сеансов психотерапии в своем гамбургском Институте интегративной логотерапии.

³⁹ Längle, 1993c.

⁴⁰ Längle, 1993a.

⁴¹ Cp. Kolbe, 1992.

⁴² Cp. Längle, 1992.

⁴³ См. сноску 90 в III разделе.

Логотерапия — это ценный консультационный, профилактический, педагогический и при особых показаниях психотерапевтический инструментарий. При этом логотерапевтический образ действий — фокусирован на консультировании и в значительной мере напоминает душепопечение пастыря-духовника. Эта новая форма экзистенциального анализа, которая в прочем опирается на разработки Пауля Полака 1950-х гг., совершает прорыв в обширную область психотерапии переживаний, реструктурирующей и прорабатывающей психотерапии. Франкл следил за этой тенденцией с нарастающим скепсисом, однако своих сомнений не высказывал. В личном плане его смущала растущий объем самопознания, с которой он не мог согласиться. Такое развитие теории он находил «безответственным», потому что оно уводит человека от его экзистенциального задания, которое состоит в том, чтобы осознать и забыть себя самого в преданности миру (самотрансценденция — *Selbsttranszendenz*). Он опасался, что из-за самопознания люди будут крутиться вокруг собственной персоны и эгоистически реализовывать себя за счет других. Он считал это «духовное смотрение на свой пупок» «анти-логотерапевтичным» и отвергал его. Кроме того, работа с биографией — не в русле логотерапии. Наконец, персональный экзистенциальный анализ уже не имеет ничего общего с логотерапией, а потому ему и не следовало бы появляться под одной крышей с логотерапией. По этим причинам Франкл в 1991 г. принял решение, без предварительного согласования или заявления, сложить с себя обязанности почетного председателя GLE и более не сотрудничать с этим обществом⁴⁴. Тем самым он хотел воспрепятствовать тому, чтобы на него могли впоследствии возложить ответственность за новые тенденции развития, которые не были инициированы им. Франкл желал также помешать тому, чтобы людей, заинтересованных в его логотерапии, не вводило в заблуждение сохранение за ним поста почетного председателя. По его мнению, они могли ошибочно подумать, будто за новыми разработками и методами стоит он сам. Людей, которые ищут «первоначальной логотерапии», не следует при их искренней вере и согласии подвергать лечению методами, которые уже не созданы самим Франклом.

Уход Франкла, как он подчеркивал в разговоре со мной, не являлась критикой научного качества новых разработок. Насколько он знал эти разработки, они не представляли собой «ничего плохого», дело в другом⁴⁵. Поскольку это уже не логотерапия, он не хотел, чтобы их связывали

⁴⁴ Cp. Frankl / Längle, 1991.

⁴⁵ Сообщено автору Франклом по телефону 10 марта 1991 г.; сообщение Франкл закончил словами: «Это не означает, что я прав». Кроме того, он сказал, что не думает «как-либо заканчивать наши дружеские отношения». Однако с этого дня Франкл никогда больше не звонил мне, и я сам разговаривал с ним по телефону только несколько раз, по особым поводам.

с его именем. После этого GLE приняло решение упоминать дальнейшие психотерапевтические разработки только под названием «экзистенциальный анализ». В качестве дополнения к нему в GLE рассматривают логотерапию, которая решает прежде всего консультативные, сопроводительные и превентивные задачи.

О последней и, может быть, самой радикальной из методических разработок Франкл получил самую общую информацию незадолго до разрыва с обществом. В развитие логотерапевтической концепции мотивации, «воли к смыслу» я разработал⁴⁶ модель персонально-экзистенциальных *основных мотиваций человека*. На основе феноменологического анализа психотерапевтической работы были установлены четыре фундаментальные экзистенциальные темы, которыми должен заниматься человек, чтобы его жизнь могла наполниться смыслом. Речь идет о *возможности быть* (онтологическое измерение, в котором говорится также о доверии и базовом доверии), *желании жить* (аксиологическое измерение, в котором речь идет также о чувствах и ценностях), *бытии собой* (этическое измерение, в котором говорится также об ответственности и ценности «я») и об *обращенной в будущее деятельности* (измерение смысла, в котором, в конечном счете, говорится и о религиозном отношении). Это описание динамических основополагающих движений персональной экзистенции очерчивает также объем психотерапевтически значимого (а не только философски определенного) понятия экзистенции. Разработка системы фундаментальных мотиваций человека задает методические контуры для психотерапевтической работы, а также структуру для учения о болезнях, теории защитных процессов и диагностики. В настоящее время в рамках венского GLE ведется работа над дальнейшим развитием этого подхода.

Эти новейшие методические разработки не противоречат франкловскому экзистенциальному анализу. Они продолжают развитие тех его элементов, которые в начальной форме зафиксировал «Франкл среднего периода» (в 1940—1950-х гг.). Новое в них — только методологическое оформление и первичное вынесение тематики смысла в психотерапии на второй план. Цель их та же, которую ставил Франкл в своем экзистенциальном анализе, а именно — дать возможность пациентам достичь ответственного и самоконтролируемого существования, которое свободно для обретения смысла в любой конкретной ситуации. Только обретение смысла теперь уже достигается не прямо, но, на первый взгляд, окольными путями, через жизненные установки и позиции, через переживание и работу с затрудняющими жизнь событиями, переживаний и опыта, через обретение себя и подступы к себе самому. Ибо только тогда человек ока-

⁴⁶ Längle, 1997 в: Längle / Probst, 1997. С. 17—18, 149—170.

зывается в состоянии действительно отдаться смысловым предложениям и смысловым требованиям своего бытия, исполнить свои задачи и свою жизнь. Подлинная преданность предполагает наличие доступа к себе самому, требует от человека открытости собственным чувствам, телу, влечениям и потребностям, бытию собой и автономии. Если мы не «владеем» сами собой (если я не чувствую, что в том, что делаю, «я» — это действительно «я сам»), то перед нами случай не отдачи, а потери себя⁴⁷, а потеря себя — это всегда экзистенциальная потеря.

В заключение вновь предоставим слово самому Франклу. Вот как он представлял дальнейшее развитие логотерапии. «По случаю учреждения Института логотерапии и открытия Мемориала и библиотеки Франкла (Memorabilia and Library) в Беркли (Калифорния), — этого своего рода центра документации — я сказал: “Дамы и господа, логотерапия еще вовсе не существует. То, что я попытался сделать — это закладка фундамента. Только вы, собственно говоря, выстроите ее”»⁴⁸.

И все же это преувеличение, цель которого — продемонстрировать личную скромность. Я считаю, что логотерапия хорошо разработана и развита. Нам не известны какие-либо пробелы или недостаточно развитые подходы, кроме недостаточного внимания к эмоциональности.

В этом же фрагменте Франкл еще раз высказывается в пользу плюрализма мнений: «А сейчас вышла книга, она называется “Логотерапия в действии”, в ней представлено 30 авторов, главным образом из Америки, которые специализировались на применении логотерапии в самых разных областях. И я прямо указываю в предисловии, что каждый из них говорит что-то особое, в известном смысле — нечто такое, под чем я сам не готов подписаться, но они имеют на это право, полную свободу, ибо в логотерапии ортодоксии не существует»⁴⁹.

⁴⁷ В нем. яз. игра слов Hingabe — «отдача» и Hergabe — «потеря». В экзистенциальном анализе А. Лэнгле это различие имеет большое значение и входит как тема в содержание обручения психотерапевтов. «Отдача себя», самотрансценденция, ведет к смыслу; когда же смысла слишком много и человек следует за всем, что «имеет смысл», теряя контакт с самим собой, появляется опасность «разбрасываться», потерять себя. Это тенденция рассеивания в жизни отмечена еще у В. Дильтея и затем нашла продолжение в понятии «собственного» у М. Хайдеггера. У В. Франкла это различие ряда качеств самотрансценденции отсутствует. — *Прим. науч. ред.*

⁴⁸ Frankl / Kreuzer, 1986. С. 11.

⁴⁹ Там же.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Allport Gordon (1955): *Becoming. Basic Considerations for a Psychology of Personality*. New Haven, Yale Univ. Press.
- Ascher Michael (1997): Viktor Frankl: An Unforgettable Encounter // *Existenzanalyse* (Wien) 14, 3, 11/12.
- Becker Peter (1982): *Psychologie der seelischen Gesundheit. Theorien, Modelle, Diagnostik*. Bd. I. Göttingen, Hogrefe.
- Bentwieh N. (1978): *The Distruction of the Jewish Community in Austria 1938–1942* // Fraenkel J. (Hrsg.): *The Jews of Austria*. New York (zit. nach Pytell 1997).
- Böckmann Walter (1984): *Vier Leistung fordert, muß Sinn bieten. Moderne Menschenführung in Wirtschaft und Gesellschaft*. Düsseldorf, Econ.
- Böschemeyer Uwe (1977): *Die Sinnfrage in der Psychotherapie und Theologie*. Berlin, de Gruyter.
- Böschemeyer Uwe (1988): *Mut zum Neueginn. Logotherapeutische Beratung in Lebenskrisen*. Freiburg i. Br., Herder.
- Böschemeyer Uwe (1996): *Dein Unbewußtes weiß mehr, als du denkst*. Freiburg i. Br., Herder.
- Boss Medard (1987) (Hrsg.): *Martin Heidegger — Zollikoner Seminare. Protokolle — Gespräche — Briefe*. Frankfurt a. M., Klostermann.
- Broch Hermann (1953): *Die Heimkehr des Vergil*. In: *Die Neue Rundschau* 64, 1, 53.
- Bühler Charlotte (1962): *Psychologie im Leben unserer Zeit*. München, Droemer.
- Bühler Charlotte / Allen, Melanie (1983): *Einführung in die humanistische Psychologie*. Frankfurt a. M., Klett-Cotta-Ullstein.
- Caruso Igor (1947): *Die Krise der Tiefenpsychologie. Von Sigmund Freud zu Viktor Frankl* // *Wort und Wahrheit* 1, 714.
- Crumbaugh James C. / Maholick Leonard T. (1969): *The Purpose in Life Test*. Munster, Ind., Psychometrics Affiliates.

- Crumbaugh James C. / Wood William M. / Wood Chadwick W. (1980): Logotherapy. New Help for Problem Drinkers. Chicago, Nelson-Hall.
- Daim Wilfried (1951): Umwertung der Psychoanalyse. Wien, Herold.
- Fabry Joseph (1979): Sharing Groups // Fabry Joseph B. / Bulka Reuven P. / Sahakian William S. (Hrsg.): Logotherapy in Action. New York, Aronson. P. 161–170.
- Fabry Joseph (1985): Wege zur Selbstfindung. Wie man jedem Tag seinen Sinn gibt. Freiburg i. Br., Herder.
- Fabry Joseph / Lukas Elisabeth (1995): Auf den Spuren des Logos. Briefwechsel mit Viktor E. Frankl. Berlin, Quintessenz.
- Fizzotti Eugenio (1970): Viktor E. Frankl. Sonderdruck aus: Orientamenti Pedagogici 17, 3.
- Fleckenstein Karl-Heinz (1975): Am Fenster der Welt. München, Neue Stadt.
- Frankl Viktor (1924): Zur mimischen Bejahung und Verneinung. In: Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse 10, 437/438.
- Frankl Viktor (1925): Psychotherapie und Weltanschauung. Zur grundsätzlichen Kritik ihrer Beziehungen // Internationale Zeitschrift für Individualpsychologie 3, 250–252.
- Frankl Viktor (1935): Ein häufiges Phänomen bei Schizophrenie // Z. Neurol. Psychiatrie 152, 161/162.
- Frankl Viktor (1938): Zur geistigen Problematik der Psychotherapie. Zentralblatt der Psychotherapie 10, 33–45.
- Frankl Viktor (1942): Pervitin intrazisternal // Ars Medici, Nr. 1. S. 58–60.
- Frankl Viktor (1956): Theorie und Therapie der Neurosen. München, Reinhardt (7. Auflage 1997).
- Frankl Viktor (1959): Grundriß der Existenzanalyse und Logotherapie // Frankl Viktor / Gebattel Viktor von / Schultz Johannes (Hrsg.): Handbuch der Neurosenlehre und Psychotherapie. München/Wien, Urban & Schwarzenberg, Bd. III. S. 663–736.
- Frankl Viktor (1967): Psychotherapy and Existentialism. Selected Papers on Logotherapy. New York, Simon & Schuster.
- Frankl Viktor (1971): Psychotherapie für den Laien. Freiburg i. Br., Herder.
- Frankl Viktor (1975): Interview mit V. Frankl // Fleckenstein K. H. Am Fenster der Welt. München, Neue Stadt.
- Frankl Viktor (1977): ... trotzdem Ja zum Leben sagen. München, Kösel; ab 1982: München, dtv 10023.
- Frankl Viktor (1979): Der unbewußte Gott. Psychotherapie und Religion. München, Kösel.

- Frankl Viktor (1979b): Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn. Eine Auswahl aus dem Gesamtwerk. München, Piper (9. Auflage 1997: Serie Piper 289).
- Frankl Viktor (1981): Die Sinnfrage in der Psychotherapie. München, Piper (7. Auflage 1997: Serie Piper 577).
- Frankl Viktor (1983): Das Leiden am sinnlosen Leben. Freiburg i. Br., Herder (7. Auflage).
- Frankl Viktor ([1946] 1982): Ärztliche Seelsorge. Wien, Deuticke; ab 1987: Frankfurt a. M., Fischer.
- Frankl Viktor (1984): Die Begegnung der Individualpsychologie mit der Logotherapie
- Frankl V. (1994): Logotherapie und Existenzanalyse. Texte aus sechs Jahrzehnten. München, Quintessenz. S. 245–258.
- Frankl Viktor (1985): Logos, Paradox and the Search for Meaning // Mahoney M. / Freeman A. (Hrsg.): Cognition and Psychotherapy. New York / London, Plenum, 259ff.
- Frankl Viktor (1986): Diskussion mit V. Frankl // Längle A. (Hrsg.): Der Wille zum Sinn. Wien, Tagungsbericht der Gesellschaft für Logotherapie und Existenzanalyse, 1, 1. S. 41–51.
- Frankl Viktor (1987): On the Meaning of Love // International Journal of Logotherapy, Vol. 10, 1. P. 5–8.
- Frankl Viktor (1988): Interview // Samstag, Nr. 40, 1. Oktober 1988.
- Frankl Viktor ([1975] 1990): Der leidende Mensch. Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie. München, Piper (1990 Serie Piper 1223).
- Frankl Viktor (1991): Der Wille zum Sinn. Ausgewählte Vorträge über Logotherapie. München, Piper (3. Auflage 1996: Serie Piper 1238).
- Frankl Viktor (1994): Logotherapie und Existenzanalyse. Texte aus sechs Jahrzehnten. München, Quintessenz (früher Piper).
- Frankl Viktor (1995): Was nicht in meinen Büchern steht. Lebenserinnerungen. München, Quintessenz (2. Auflage 1995).
- Frankl Viktor ([1947] 1997): Die Psychotherapie in der Praxis. München, Piper (6. Auflage).
- Frankl Viktor / Gebattel Viktor von, Schultz Johannes (1972) (Hrsg.): Grundzüge der Neurosenlehre. München, Urban & Schwarzenberg.
- Frankl Viktor / Kreuzer Franz (1986): Im Anfang war der Sinn. Von der Psychoanalyse zur Logotherapie. Ein Gespräch. München, Piper.
- Frankl Viktor / Längle Alfred (1991): Prof. Viktor E. Frankl legt seinen Ehrenvorsitz in der GLE zurück // Bulletin der GLE 8, 2, Mai 1991, 3/4.
- Garfield Sol L. / Bergin Allen E. (1986) (Hrsg.): Handbook of Psychotherapy and Behavior Change. New York, Wiley.

- Görres Albert (1978): Kennt die Psychologie den Menschen? Fragen zwischen Psychotherapie, Anthropologie und Christentum. München, Piper.
- Grawe Klaus / Donati Ruth / Bernauer Friederike (1994): Psychotherapie im Wandel. Von der Konfession zur Profession. Göttingen, Hogrefe.
- Greenburg D. (1984): How to be a Jewish Mother. Los Angeles: Price Stern Sloan.
- Gstrein H. (1984): Jüdisches Wien. Wien, Herold.
- Handbook of Psychotherapy and Behavior Change. New York: Wiley, 3. Aufl. S. 627–670.
- Handlbauer Bernhard (1984): Die Entstehungsgeschichte der Individualpsychologie Alfred Adlers. Wien, Geyer.
- Hofstätter Peter R. (1948): Einführung in die Tiefenpsychologie. Wien, Braunmüller.
- Hofstätter Peter R. (1957): Psychologie. Frankfurt a. M., Fischer.
- Keller Wilhelm (1954): Psychologie und Philosophie des Wollens. München, Reinhardt.
- Kocourek Kurt / Niebauer Eva / Polak Paul (1959): Ergebnisse der klinischen Anwendung der Logotherapie // Frankl Viktor / Gebattel Viktor von / Schultz Johannes (Hrsg.): Handbuch der Neurosenlehre und Psychotherapie. München/Wien, Urban & Schwarzenberg, Bd. III. S. 737–764.
- Kolbe Christoph (1986): Heilung oder Hindernis. Religion bei Freud, Adler, Fromm, Jung und Frankl. Stuttgart, Kreuz.
- Kolbe Christoph (Hrsg.) (1992): Biographie. Verständnis und Methodik biographischer Arbeit in der Existenzanalyse. Wien, GLE.
- Koss M. P., Butcher J. N. (1986): Research on brief Psychotherapy // Garfield S. L., Bergin A. E. (Eds).
- Kunert Rudolf (1998): Gewalt im Traum. Existenzanalyse (Wien), 15, 1. S. 4–10.
- Kurz Wolfram (1987): Ethische Erziehung als religionspädagogische Aufgabe. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht.
- Kurz Wolfram (1995): Das Verhältnis von Logotherapie und Entwicklungspsychologie // Kurz Wolfram / Sedlak Franz (Hrsg.): Kompendium der Logotherapie und Existenzanalyse. Tübingen, Lebenskunst.
- Kwiet K. (1993): Suicide in the Jewish Community // Leo Baeck Yearbook 38. Zit. nach Pytell (1997).
- Längle Alfred (1984): Das Seinserlebnis als Schlüssel zur Sinnerfahrung // Frankl V. (Hrsg.): Sinnvoll heilen. Freiburg i. Br., Herder. S. 47–63.
- Längle Alfred (1985) (Hrsg.): Wege zum Sinn. Logotherapie als Orientierungshilfe. München, Piper.

- Längle, Alfred (1988) (Hrsg.): Entscheidung zum Sein. Viktor E. Frankls Logotherapie in der Praxis. München, Piper.
- Längle Alfred (1992): Die biographische Vorgangsweise in der Personalen Existenzanalyse // Kolbe, Christoph (Hrsg.): Biographie. Wien, GLE. S. 9–33.
- Längle Alfred (1993a): Wertberührung // Längle A. (Hrsg.): Wertbegegnung. Phänomene und methodische Zugänge. Wien, GLE. S. 22–59.
- Längle Alfred (1993b): Glossar zu den Emotionsbegriffen // Längle A. (Hrsg.): Wertbegegnung. Phänomene und methodische Zugänge. Wien, GLE. S. 161–173.
- Längle Alfred (1993c): Personale Existenzanalyse // Längle A. (Hrsg.): Wertbegegnung. Phänomene und methodische Zugänge. Wien, GLE. S. 133–160.
- Längle Alfred (1994): Sinn-Glaube oder Sinn-Gespür? Zur Differenzierung von ontologischem und existentiellern Sinn in der Logotherapie // Bulletin der GLE-Wien. 11, 2. S. 15–20.
- Längle Alfred (1996): Kritik, Bedeutung und Stellenwert der Selbsterfahrung in Logotherapie und Existenzanalyse. In: Psychotherapie Forum 4, 4. S. 194–202.
- Längle Alfred / Orgler Christine (1993): Existenzskala. Wien, GLE.
- Längle Alfred / Probst Christian (1997) (Hrsg.): Süchtigsein. Entstehung, Formen und Behandlung von Abhängigkeiten. Wien, Facultas Universitäts Verlag.
- Lersch Philipp (1966): Aufbau der Person. München, Barth.
- Lukas Elisabeth (1971): Logotherapie als Persönlichkeitstheorie. Unveröffentlichte Dissertation an der Philosophischen Fakultät der Universität Wien.
- Lukas Elisabeth (1980): Auch dein Lehen hat Sinn. Logotherapeutische Wege zur Gesundung. Freiburg i. Br., Herder.
- Lukas Elisabeth (1981): Der Widerstand aus der Sicht der Logotherapie // Petzold H. (Hrsg.): Widerstand. Ein strittiges Konzept in der Psychotherapie. Paderborn, Junfermann.
- Lukas Elisabeth (1983): Von der Tiefenpsychologie zur Höhenpsychologie. Logotherapie in der Beratungspraxis. Freiburg i. Br., Herder.
- Lukas Elisabeth (1984): Logotherapie auf der Suche nach Sinn // Petzold H. (Hrsg.): Wege zum Menschen. Methoden und Persönlichkeiten moderner Psychotherapie. Ein Handbuch. Bd. I. Paderborn, Junfermann.
- Lukas Elisabeth (1986a): Von der Trotzmacht des Geistes. Menschenbild und Methoden der Logotherapie. Freiburg i. Br., Herder.
- Lukas Elisabeth (1986b): Logo-Test. Test zur Messung von "innerer Sinnerfüllung" und "existentieller Frustration". Wien, Deuticke.

- Masters William / Johnson, Virginia E. (1973): Anorgasmie und Impotenz. Frankfurt a. M., Goverts, Krüger, Stahlberg.
- Milgram S. (1974): Das Milgram-Experiment. Reinbek, Rowohlt.
- Morgan John H. (1983): Personal Meaning as Therapy: The Roots and Branches of Frankl's Psychology. *Pastoral Psychology* 31, 3. P. 184–192.
- Moser Georg (1978): Wie finde ich zum Sinn des Lebens. Freiburg i. Br., Herder.
- Oro Ricardo (1997): Persona y Personalidad. Buenos Aires, Fundacion Argentina de Logoterapia.
- Pareja Guillermo (1987): Viktor E. Frankl. Comunicación y resistencia. Tlaxiahuapan (Puebla, Mexiko), Premiä.
- Peek Stephan (1991): Suizid und Seelsorge. Die Bedeutung der anthropologischen Ansätze V. E. Frankls und P. Tillichs für Theorie und Praxis der Seelsorge an suizidgefährdeten Menschen. Stuttgart, Calwer.
- Phillips E. L. / Weiner D. N. (1966): Short-term Psychotherapy and Structural Behavior Change. New York, McGraw-Hill.
- Popa Wilhelmine (1992): Existentielles Bild-Erleben // *Bulletin der GLE*, Wien, 9, 2. S. 8–10.
- Pytell Timothy (1997): Was nicht in seinen Büchern steht. Bemerkungen zur Auto-Biographie Viktor Frankls // *Werkblatt 39. Zeitschrift für Psychoanalyse und Gesellschaftskritik* (Salzburg) 2. S. 95–121.
- Quitmann Helmut (1985): Humanistische Psychologie. Göttingen, Hogrefe.
- Ringel Erwin (1953): Der Selbstmord. Wien, Maudrich.
- Sartre Jean-Paul (1946): L'etre et le neant. Essai d'ontologiephenomenologique. Paris, Gallimard.
- Scheler Max (1980): Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Bern, Francke (6. Auflage).
- Scheler Max (1986): Die Stellung des Menschen im Kosmos. Bonn, Bouvier (11. Auflage).
- Seifert Theodor / Waiblinger Angela (1993) (Hrsg.): Die 50 wichtigsten Methoden der Psychotherapie, Körpertherapie, Selbsterfahrung und des geistigen Trainings. Stuttgart, Kreuz (2. Auflage).
- Seltzer L. F. (1986): Paradoxical Strategies in Psychotherapy. New York, Wiley.
- Schorske C. E. (1985) Fin-de-Siecle Vienna. Politics and Culture. Melbourne: Cambridge University Press.
- Soucek Wilhelm (1948): Die Existenzanalyse Frankls, die dritte Richtung der Wiener Psychotherapeutischen Schule. *Deutsche Medizinische Wochenschrift* 73. S. 594.

- Spiel Hilde (1994): Glanz und Untergang. Wien 1866 bis 1938. München, dtv 30422.
- Stern E. (1974): Die letzten zwölf Jahre Rothschild-Spital. Wien, Europäischer Verlag.
- Straus Erwin (1930): Geschehnis und Erlebnis. Berlin, Springer (Reprint 1978).
- Straus Erwin (1936): Vom Sinn der Sinne. Ein Beitrag zur Grundlegung der Psychologie. Berlin, Springer (Reprint 1978 der 2. Auflage von 1956).
- Stumm Gerhard / Wirth Beatrix (1994) (Hrsg.): Psychotherapie. Schulen und Methoden. Eine Orientierungshilfe für Theorie und Praxis. Wien, Falter (2. Auflage).
- Takashima, Hiroshi (1977): Psychosomatic Medicine and Logotherapy — Health Through Noo-Psychosomatic Medicine. Berkeley, Cal., Inst. Logotherapy Press.
- Takashima Hiroshi (1987): Humanistic Psychosomatic Medicine — A Logotherapy Book. Berkeley, Cal., Inst. Logotherapy Press.
- Titze Michael (1985): Frankl und die Individualpsychologie. Anmerkungen zur Konvergenz zweier Wiener Schulen der Psychotherapie // Längle A. (Hrsg.): Wege zum Sinn. München, Piper. S. 34–54.
- Titze Michael / Eschenröder Christof (1998): Therapeutischer Humor. Grundlagen und Anwendungen. Frankfurt a. M., Fischer.
- Torberg Friedrich (1980): Die Tante Jolesch oder der Untergang des Abendlandes in Anekdoten. München, dtv.
- Vesely-Frankl Gabriele (1996): "Laßt Franklaus dem Spiel!" In: Profil Nr. 4, 22. 1. 1996.
- Wicki Beda (1991): Die Existenzanalyse von Viktor E. Frankl als Beitrag zu einer anthropologisch fundierten Pädagogik. Bern, Haupt.
- Wimmer Kurt (1979): Univ. Prof. Dr. Viktor E. Frankl // Österreicher, die der Welt gehören. Hrsg. Mobil Oil Austria (limitierte Geschenkausgabe).
- Winklhofer Wasiliki (1985): Das Gute soll zählen. Nachruf auf V. Frankl // Existenzanalyse (Wien) 14, 3, 9.
- Wyss Dieter (1993): Die tiefenpsychologischen Schulen von den Anfängen bis zur Gegenwart. Entwicklung, Probleme, Krisen. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht.
- Yalom Irvin D. (1980): Existential Psychotherapy. New York, Basic Books.

Работы В. Франкла на русском языке

- Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Франкл В. Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997.

Франкл В. Воля к смыслу. М.: ЭКСМО, 2000.

Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000.

Франкл В. Психотерапия на практике. СПб.: Речь, 2001.

Франкл В. Десять тезисов о личности // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. № 2 (7), 2005. С. 4–13.

Франкл В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. М.: Смысл, 2008.

Франкл В. Синхронизация в Биркенвальде // Франкл В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. М.: Смысл, 2008. С. 127–173.

Франкл В. Страдания от бессмысленности жизни. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2009.

Работы А. Лэнгле на русском языке

Лэнгле А. Экзистенциальный анализ — найти согласие с жизнью // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 1. С. 5–23.

Лэнгле А. Грандиозное одиночество. Нарциссизм как атропологически-экзистенциальный феномен // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 2. С. 34–58.

Лэнгле А. Стоит ли полагаться на свои чувства? // Педология. Новый век. 2002. № 3. С. 5–12.

Лэнгле А. Значение самопознания в экзистенциальном анализе и логотерапии: сравнение подходов // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 4. С. 150–168.

Лэнгле А. Психотерапия — научный метод или духовная практика? О соотношении между имманентным и трансцендентным на примере экзистенциального анализа // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 2. С. 7–34.

Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. М.: Генезис, 2003.

Лэнгле А. Экзистенциально-аналитическая психотерапия // Развитие личности. 2003. № 1. С. 162–172.

Лэнгле А. Введение в экзистенциально-аналитическую теорию эмоций: прикосновение к ценности // Вопросы психологии. 2004. № 4. С. 3–21.

Лэнгле А. Фундаментальные мотивации человеческой экзистенции как действенная структура экзистенциально-аналитической терапии // Психотерапия. 2004. № 4. С. 41–48.

Лэнгле А. Виктор Франкл — поверенный человечности // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 107–112.

- Лэнгле А. Жить аутентично: как несмотря ни на что стать самим собой? // Развитие личности. 2005. № 1. С. 127–148.
- Лэнгле А. Person: Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2005.
- Лэнгле А. К 100-летию Виктора Франкла. Виктор Франкл — поверенный человечности // Развитие личности. 2005. № 2. С. 210–218.
- Лэнгле А. Человек в поисках смысла // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 2. С. 55–64.
- Лэнгле А. Терапевтический случай нахождения собственного Я (применение метода персонального экзистенциального анализа) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 2. С. 81–98.
- Лэнгле А., Зайцев С. Н., Шумский В. Б. Экзистенциальный анализ в практике телефонного консультирования // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 2. С. 99–109.
- Лэнгле А. Психотерапия депрессивных расстройств в современном экзистенциальном анализе (принципы и основные направления) // Московский психотерапевтический журнал. 2006. № 2. С. 29–44.
- Лэнгле А. Что движет человеком? Экзистенциально-аналитическая теория эмоций. М.: Генезис, 2006.
- Лэнгле А. Экзистенциальный анализ депрессии (возникновение, понимание и феноменологический подход к лечению) // Московский психотерапевтический журнал. 2006. № 1. С. 53–82.
- Лэнгле А. Эмоция и экзистенция. — Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
- Лэнгле А., Орлов А. Б., Шумский В. Б. Экзистенциальный анализ и клиент-центрированная психотерапия: сходство и различие // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 21–36.
- Лэнгле А. Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 3–16.
- Лэнгле А. Психопатология и экзистенциальные темы в шизофрении // Московский психотерапевтический журнал. 2008. № 4 (59). С. 37–57.

ХРОНОЛОГИЯ

- 28 марта 1861 г. — в Порлитце (Южная Моравия, Австро-Венгрия) родился отец Франкла Габриэль Франкл
- 8 февраля 1879 г. — в Праге родилась мать Франкла Эльза (урожд. Лион), ее отец, Якоб, к этому времени уже умер
- 26 июля 1902 г. — родился брат Вальтер Август, погибший, вероятно, в 1944 г. в шахте одного из концлагерей
- 26 марта 1905 г. — в Вене родился Виктор Эмиль Франкл; перед этим семья, проживавшая в Леопольдштадте (2-й общинный округ Вены), переехала из дома на Ротенштернгассе, 14, в дом на Чернигассе, 6
- 30 апреля 1909 г. — родилась сестра Стелла Жозефина, в 1938 г. (?) эмигрировала в Мексику, жила в Австралии, умерла в 1996 г.
- 1908 г. — Франкл объявляет о желании стать врачом
- 1909 г. — поражен сознанием бренности жизни и задается вопросом, уничивается ли этим смысл жизни
- 1910 г. — парадигматическое переживание чувства защищенности рядом с отцом, сопровождавшее Франкла в течение всей жизни
- 1914—1918 гг. — Первая мировая война; безденежье в семье государственного служащего Габриэля Франкла (детям приходится попрошайничать и совершать воровские набеги на поля)
- 1918 г. — занимается натурфилософией (Вильгельм Оствальд, Густав Теодор Фехнер) примерно с 1919 г. — все интенсивнее занимается прикладной и экспериментальной психологией, а затем психоанализом Зигмунда Фрейда, сначала под влиянием его учеников Эдуарда Хичманна и Пауля Шильдера; еще учеником средней школы Франкл вступил в «переписку» с Фрейдом (посылал ему материалы своих междисциплинарных штудий, которые, как он полагал, могут заинтересовать Фрейда)
- 1920—1921 гг. — первый доклад о «смысле жизни» в философской рабочей группе Венской народной высшей школы у Эдгара Цильзеля

- 1923 г. — первая публикация Франкла в молодежном приложении ежедневной газеты
- 1924 г. — староста Социалистических гимназистов Австрии; экзамен на аттестат зрелости; переход к индивидуальной психологии Альфреда Адлера; появление первой научной работы Франкла «К возникновению мимического утверждения и отрицания» в *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse* (№ 10. С. 437—438), попавшей в журнал через Зигмунда Фрейда (текст был написан «за несколько лет» до появления в печати); единственная и случайная личная встреча Франкла с Фрейдом на улице (Берггассе); отход от психоанализа и переход к индивидуальной психологии Адлера
- 1925 г. — появление второй научной работы «Психотерапия и мировоззрение» в *Internationale Zeitschrift für Individualpsychologie* (№ 3. С. 250—252), представленной в журнал Адлером (написана в 1924 г.)
- 1926 г. — вторая публикация по индивидуальной психологии; доклад на III Международном конгрессе по индивидуальной психологии в Дюссельдорфе; Франкл излагает собственную «неортодоксальную» идею (невроз следует понимать не только как средство, но и как выражение личности); впервые использует понятие «логотерапия» в научном докладе
- 1927 г. — учреждает и возглавляет журнал «Человек в повседневности — журнал для распространения и применения индивидуальной психологии»; исключен Адлером из Союза индивидуальной психологии
- 1928 г. — по заказу Рабочей палаты (?) учреждает центры консультирования молодежи (при содействии А. Айххорна, Э. Вексберга, Р. Драйкуса, Х. Бюлера и др.) в Вене и еще шести городах: Цюрихе, Дрездене, Хемнице, Праге (О. Петцль), Брюнне (М. Роллер), Теплиц-Шенау; читает доклады в Берлине (В. Райх) и в Будапештском университете; руководит работой центров вплоть до аншлюса Австрии в 1938 г.
- 1929 г. — применяет на практике «парадоксальную интенцию», первая публикация под этим названием в 1939 г.
- 1930 г. — завершает учебу; работает психиатром/психотерапевтом в Университетской психиатрической клинике в Вене (О. Петцль); в 1930—1933 гг. — сначала в неврологической больнице «Ам Розенхюгель», затем под руководством Й. Герстманна в больнице «Замок Марии-Терезии» (Вена); в 1933—1937 гг. — в психиатрической больнице «Ам Штайнхоф» (Л. Павлицки), также руководит станцией помощи женщинам, склонным к суициду
- 1933 г. — впервые употребляет понятие «экзистенциальный анализ»
- 1936 г. — врач-невролог и психиатр

- 1937 г. — частная врачебная практика по неврологии и психиатрии
- 1939—1942 гг. — врач первого класса неврологического отделения венского госпиталя Ротшильда (расформирован во время войны)
- 1941 г. (примерно в ноябре) — истек срок действия выездной визы в США
- 17 декабря 1941 г. — вступил в брак с медицинской сестрой Тилли Гроссер в Леопольдштадтском отделе гражданских актов (Вена)
- Сентябрь 1942 г. — депортирован в концлагерь Терезиенштадт вместе с первой женой Тилли и родителями; его брат Вальтер с женой Эльзой к тому времени уже были в Освенциме
- 13 февраля 1943 г. — смерть отца в концлагере Терезиенштадт на 82-м году жизни (от истощения и двух пневмоний, окончившихся отеком легких)
- Октябрь 1944 г. — разлучен с матерью, вместе с Тилли доставлен в лагерь Освенцим, затем во внешние лагеря Дахау: Кауферинг III и Тюркхайм
- 23 октября 1944 г. — мать увезена в Освенцим, где погибла в газовой камере
- Апрель 1945 г. — смерть Тилли в Берген-Бельзене
- 27 апреля 1945 г. — освобожден из концлагеря Тюркхайм
- 1945—1970 гг. — врач первой степени в неврологическом отделении Венской поликлиники
- 1946 г. — публикация книги «Психолог в концентрационном лагере», изданной впоследствии под заглавием «Сказать жизни “да”»; публикация «Врачебного душепопечения»
- 1947 г. — вступил в брак с медицинской сестрой Элеонорой Катариной Швиндт; публикация «Психотерапии в практике»
- 1948 г. — защита докторской диссертации (габилитация) по неврологии и психиатрии: книга «Врачебное душепопечение» зачтена как диссертационная работа
- 1949 г. — присуждение степени доктора философии за книгу «Подсознательный бог», зачтенную как диссертация
- 1961 г. — чтение лекций в Гарвардском университете (по приглашению Гордона Оллпорта), в 1966 г. — в Южном методистском университете, в 1972 г. — в Университете Дюкеня; Франкл в качестве гостя читал лекции еще в 205 университетах по всему миру
- 1970 г. — профессор логотерапии ad personam в Международном университете США в Сан-Диего (Калифорния); ушел на пенсию из Венской поликлиники
- 1972 г. — обучается летному делу в Калифорнии

Июль 1996 г. — последнее выступление перед большой аудиторией специалистов на Первом всемирном конгрессе по психотерапии в Вене

1996 г. — последняя лекция в зимнем семестре в Венском университете

2 сентября 1997 г. — Виктор Франкл умер в Вене, на следующий день похоронен в присутствии узкого круга родных и близких; могила на Центральном кладбище, II ворота, группа 76b, ряд 23, могила № 27

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	7
Примечания	9
I. Биография	10
Мать — воплощение доброты	11
Отец — воплощение справедливости	18
Короткое отступление	28
Социальный контекст	30
Детство и юность	33
В поисках смысла	38
Национал-социализм и депортация в концлагерь	58
Жизнь после	77
Международная известность	84
II. Франкл как личность	98
Персональность и личностные особенности Франкла	98
Отношение Франкла к эмоциональной сфере	116
Франкл и религия	146
Отношение Франкла к политике	165
III. Дело жизни	188
Что такое логотерапия и экзистенциальный анализ?	
Вводный обзор	188
Картина человека	196
Задача логотерапии Франкла	200
Влияние структуры личности и биографии Франкла на логотерапию	204
IV. Перспектива	218
К восприятию логотерапии на международном уровне	218
Области приложения и сферы применения логотерапии	224
Какие наметились тенденции развития?	226
Библиография	233
Хронология	242

Лэнгле Альфрид
Виктор Франкл. Портрет

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*
Редактор *М. И. Лейко*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *И. В. Киселева*
Компьютерная верстка *Т. В. Хромцева*
Корректор *А. А. Берсенева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 06.10.2010.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 8254

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция)
Тел./Факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14